

The background of the cover is a dynamic illustration. In the center, a character in dark, ornate armor with a green cape is shown in mid-air, performing a backflip. He holds a sword with a red blade and a blue hilt. Behind him, a large, chaotic mass of brown, tentacle-like creatures with multiple arms and mouths is erupting from the ground. The setting appears to be a rocky, mountainous landscape under a bright, hazy sky. The overall style is reminiscent of classic comic book art.

БРАЙАН СТЕЙВЛИ

НА РУИНАХ ИМПЕРИИ

ПЕПЕЛ НЕТЕСАНОГО ТРОНА. КНИГА 1

Звезды новой фэнтези

Брайан Стейвли

**Пепел Нетесаного трона.
На руинах империи**

«Азбука-Аттикус»

2021

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Стейвли Б.

Пепел Нетесаного трона. На руинах империи / Б. Стейвли —
«Азбука-Аттикус», 2021 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-23774-2

Прошло пять лет после загадочных событий, описанных в «Хрониках Нетесаного трона». Все говорит о том, что Аннурская империя близится к закату. Опустошительная война и гражданские беспорядки ослабили державную власть. Почти полностью уничтожено элитное воинское подразделение, летавшее на гигантских ястребах, – гордость и слава империи. Закрылись врата, с помощью которых потомки династии Малкенианов могли мгновенно перемещаться в любую точку мира. Император, желая восстановить численность крылатого воинства, посылает экспедицию на поиски легендарного гнездовья боевых ястребов. Опасный путь ведет через земли, где все живое гибнет или подвергается страшным изменениям. Шансов уцелеть в этом походе крайне мало, как и времени на то, чтобы вернуть державе былую мощь, но действовать надо быстро, ведь на окраине империи пробудился древний могущественный враг... И тут в Рассветный дворец является монах, требующий высочайшей аудиенции. Он уверяет, что ему известен ключ к чудесным вратам. Однако этот хитрый человек слишком дорого продает свое тайное знание... «На руинах империи» – первая книга новой трилогии-фэнтези Брайана Стейвли «Пепел Нетесаного трона». Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-23774-2

© Стейвли Б., 2021
© Азбука-Аттикус, 2021

Содержание

1	10
2	29
3	36
4	45
5	50
6	57
7	67
8	72
9	78
10	88
11	98
12	104
13	112
14	122
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Брайан Стейвли

Пепел Нетесаного трона.

На руинах империи

Феликсу, помогавшему мне с чудовищами

Brian Staveley
THE EMPIRE'S RUIN
Copyright © Brian Staveley, 2021
Map artwork by Isaac Stewart
All rights reserved

Published by permission of the author and his literary agents, Liza Dawson Associates (USA)
via Igor Korzhenevskiy of Alexander Korzhenevski Agency (Russia).

© Г. В. Соловьева, перевод, 2023
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

ХРОНИКИ
НЕТЕСАНОГО
ТРОНА:

КЛИНКИ ИМПЕРАТОРА
ОГНЕННАЯ КРОВЬ
ПОСЛЕДНИЕ УЗЫ СМЕРТИ

ПЕПЕЛ
НЕТЕСАНОГО
ТРОНА:

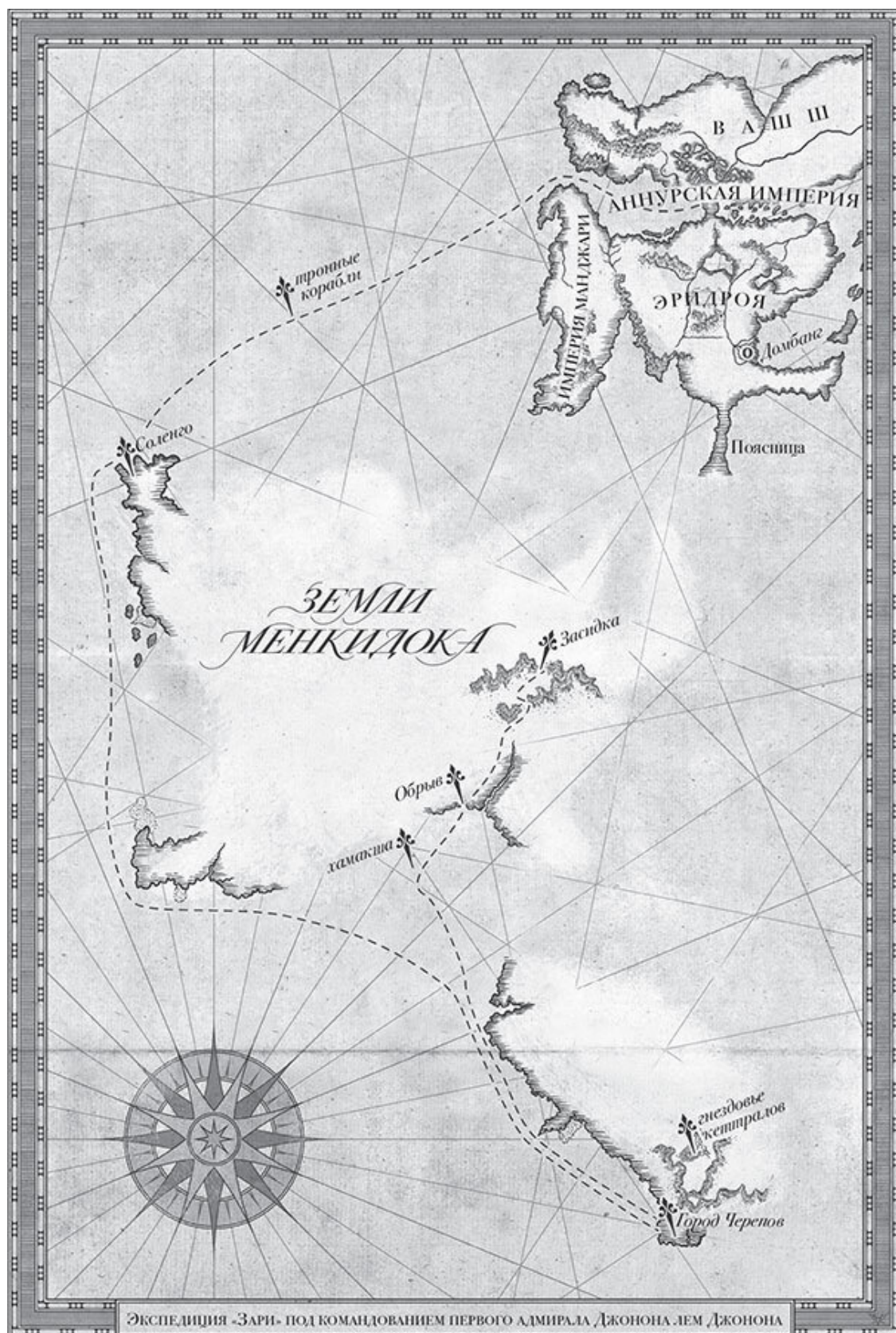
НА РУИНАХ ИМПЕРИИ

ПРИСЯГНУВШАЯ
ЧЕРЕПУ

1

На мосту было пусто.

Сначала они беззвучно, темной кляксой на звездном поле, пронесли над водой широкого канала, едва не задев головы подгнивших деревянных статуй на мосту. Гвенна Шарп не сводила глаз с моста у Пивного рынка, высматривала силуэты соратников по крылу – Талала и Кворы, которых предполагалось подхватить на пролете.

– Сучье дело, – буркнула она. – Джак, новый заход.

По плану все было просто. Дождь, за недели раздувший каналы и затопивший нижние этажи деревянных построек, ненадолго прекратился. Хоть один вылет, не оскальзываясь на когтях, без теплых жирных капель в лицо, без дождевой пелены, сквозь которую в двух шагах ничего не разглядишь. Понятное дело, накладки случаются и в ясные ночи: перекрытые улицы, неожиданный обход стражи; а то малявка, которой давно пора бы в постель, выглянет из окна, заметит двоих в черном с мечами в заплочных ножнах и позовет папу с мамой... В мире и в лучшие времена нет порядка, а теперь времена не из лучших. Ее люди могли опоздать на точку по одной из тысячи причин, поэтому до четвертого или пятого захода Гвенна особо не тревожилась. К двенадцатому она дозрела до того, чтобы посадить птицу прямо посреди драного моста и пойти вышибать дверь за дверью.

– Еще круг? – спросил Быстрый Джак.

Пилот сидел на спине огромной птицы, пристегнутый к седлу, а Гвенна, стоя на выставленном вперед когте кеттрала, свешивалась вниз на прикрепленной к лапе страховке. В такой позиции руки оставались свободны для лука или меча; чтобы при необходимости запалить и сбросить взрывснаряд; подхватить и удержать раненого товарища, пока птица уносит их в безопасное место. Только некого было ни убивать, ни подхватывать.

Она глубоко вздохнула и немедля о том пожалела: Домбанг насквозь пропах дохлой рыбой, гнилем, дымом, горелым сахарным тростником, сточными водами – запах забивал ноздри. Гвенна велела себе не спешить, продумать все толком.

– Нет, – ответила она, поразмыслив. – Поднимаемся.

– Спиральный поиск?

Никто, кроме кеттрал, с места Гвенны не услышал бы голоса пилота. Гвенна еще помнила вылеты кадетских лет, когда удары крыльев и завихрения воздуха рвали в клочья любой звук. Но с тех пор минули годы, она прошла Пробу, выпила священное Халово яйцо, приобрела невиданную остроту восприятия и силу. Сейчас она прекрасно слышала Джака, хотя голос звучал отдаленно, как эхо. Она его и чуяла – запах пота вливался в городские миазмы вместе с едкостью размазанной по бледному лицу сажи, отсыревшей седельной кожи, и сквозь все это пробивался приторный запах беспокойства, напоминавший Гвенне, что ей тоже не по себе.

– Да, – ответила она. – По узкой спирали. И забирай к западу.

Птица легла на крыло.

Анник Френча на соседнем когте подвинулась, легко развернулась в сбруе, подстроившись к маневру. Ее тревоги – если Анник тревожилась – Гвенна не чуяла. И голову дала бы на отсечение, что и не увидит. Лучница устроилась на сбруе, как девочка на качелях, одной рукой держа плечо лука, другой придерживая стрелу на тетиве. Анник и сама напоминала Гвенне лук:

такая же тонкая, убийственная сила – а иначе как убийственной ее и назвать нельзя, – стянутая в напряженную неподвижность. Подстреленный ею человек не успевал споткнуться, схватиться за древко, а Анник уже накладывала новую стрелу, и ее голубые глаза высматривали, кого бы еще пристрелить в этом мире. Гвенна больше десяти лет летала, дралась, проходила на волосок от смерти рядом с этим бойцом. Они ссали в один горшок, пили из одного меха, проливали кровь на один клочок земли, но к ее самообладанию Гвенна так и не привыкла. Стоило взглянуть на Анник, ей вспоминались все собственные несовершенства: недостаток хладнокровия и расчетливости, дисциплины, выдержки... Вечно она не готова...

Неудивительно, что и шнурок, стягивавший копну ее рыжих волос, выбрал это самое время, чтобы развязаться. Волосы хлестали по лицу, свисали на глаза, отвлекали. Анник волосы не мешали – та раз в неделю макала голову в ведро, после чего начисто выбривала поясным ножом. Из-за этого Анник походила на пятнадцатилетнего мальчишку, только Гвенна не видела подростков, способных бы за сто шагов расщепить стрелой тростинку.

– Если точка провалена, – напомнила снайперша, – они залягут на дно до завтрашней ночи, а там выйдут на запасную.

– По-твоему, похоже, что она провалена?

Лучница смотрела на город под собой.

– С воздуха не все видно.

– Вот-вот. В частности, не видно Талала и Кворы, дери их Кент.

– Порядок действий им известен: оставаться в укрытии до выхода на запасный пункт.

Гвенна плюнула в темноту и проследила, как ветер разносит плевков.

– Если их не взяли.

– Не вижу оснований полагать, что их взяли.

– Не вижу оснований полагать, что нет.

– Они кеттрал.

– Кеттрал умирают, как все, стоит только загнать в них кусок стали поострее и проверить.

– Ты собираешься всю ночь кружить над городом? – Анник укоризненно покачала головой. – Домбанг слишком велик, ты не вымотришь двоих среди пятидесяти тысяч. Тем более не зная, где искать.

Она была права. Охренеть как права.

Там, где требовалось действовать по правилам, соблюдать устав, решать с холодной головой, Анник никогда, никогда не ошибалась. И притом почему-то – Гвенна до сих пор не спала ночами, гадая, как это вышло, – командовать крылом досталось ей, а не Анник. А значит, это Гвенна, а не Анник потеряла двух бойцов – двух друзей – в открытой клоаке этого города.

Правда, сверху Домбанг не походил на клоаку. С воздуха видны были только красные фонарики да кухонные костры, теплый свет человеческого жилья и – по крайней мере, в эту ночь – холодный блеск отраженных в каналах звезд. В сотне шагов выше города теплый влажный ветер разгонял городской смрад. Можете малость расслабиться, воздушный дозор. Никто не всадит стрелу в человека на когте уходящей в небо птицы. Никто не оглушит ударом по голове, чтобы потом принести брыкающуюся жертву здешним кровожадным богам. С высоты Гвенна почти не улавливала запах ужаса, исходящий от городских улиц и домов.

Беда в том, что двое ее кеттрал были не в небе.

Она изучала план города. Джак неторопливыми кругами поднимал их над опрятной деревянной застройкой Северного мыса. Кварталы здесь не слишком отличались друг от друга: черепичные крыши, нависшие над каналами узкие балкончики, вывихнутые коленца улиц; однообразие нарушал только темный безобразный шрам на месте снесенного мятежниками храма Интарры. Застроить пустое место никто не потрудился. Даже развалин не разобрали.

– Куда бы ты пошел, Талал? – бормотала себе под нос Гвенна. – Где бы ты спрятался?

Нет, это неправильные вопросы.

Если двое кеттрал прячутся, с ними все в порядке. Правда, у Кворы есть склонность сначала убить, а уж после выяснять, что к чему, но с клинками она обращаться умеет – еще как умеет, а Талал не позволит ей резать те глотки, которые желательно оставить в целости. Саму Гвенну он не раз и не два удерживал от глупостей. Если они, как предположила Анник, залегли на дно, волноваться не о чем. А тогда нет нужды в спиральном поиске, и в сетевом поиске, и вообще в каком-либо поиске в этом, поцелуй его Кент, городе. Опасаться следует, если они в плену, а пленников домбангские мятежники могли доставить только в одно из двух мест. Кораблекрушение надежнее, но тогда им пришлось бы пройти к югу через Весенний мост, мимо памятника Гоку Ми, заложить крюк на север по острову Утонувшей Кобылы – слишком долгий переход, чтобы тащить по нему опасных пленников. А тогда остается...

– Джак, – окликнула Гвенна, – давай к Баням. Заходи с юго-востока.

– Нарушим приказ, – заметила Анник (по голосу судя, ее это не слишком волновало).

– Приказ долбоклюва Фрома... – качнула головой Гвенна.

– Адмирала, командующего домбангским театром.

– Домбанг – не театр, а отхожая дыра. И что б в нем понимал Фром, ни разу не сходивший с корабля, поцелуй его Кент?

– Однако мы рискуем...

– Да в задницу этот риск. В мире остался один кеттрал – тот, что под нами.

– Потому нам и отдали такой приказ. Если птицу захватят...

– На высоте ста шагов?

– С высоты ста шагов никого не спасешь.

– Значит, спустимся.

– И подвергнем опасности птицу.

– Сраный святой Хал, Анник, а где нет опасности? Работа у нас такая. – Гвенна махнула рукой на багряные огоньки Домбанга. – Каждый второй в этом городе готов нас выпотрошить, едва увидев, а остальные подождут ровно столько, чтобы принести в жертву своим жадным до крови божкам. Хочешь безопасности – вари пиво, паши землю или, Хал поberi, иди в галантерейщики.

– Галантерейщики? – подняла бровь Анник.

– Модными шляпками торгуй. Шей шляпки.

Гвенна стиснула челюсти, нехотя прикусила язык. Она просто от беспокойства злится. Но от этого не легче.

– Слушай, – помолчав, заговорила она, – ты, скорее всего, права. Вероятно, Талал с Кворой засели на чердаке или наливаются квеем в какой-нибудь здешней дыре. Завтра мы их вытащим, и я буду чувствовать себя полной дурой, что здесь торчала. Ну и ладно. Не впервой. Но если они в плену, я должна об этом узнать до того, как их уволокут в Бани. Иначе нам их уже не видать.

– По уставу...

– Устав сочинял чинуша, для которого риск – погадить, когда нет шелковой подтирки под рукой.

– Не чинуша, а император.

Гвенна мотнула головой:

– У императора особые глаза, диковинные шрамы и высоченная башня, но летать ей не доводилось. Она ни хрена не понимает в птицах, в сражениях, в Домбанге. Она просто трусит остаться без последнего кеттрала, а Фром из-за этого уже сидит у меня в печенках.

– Твое крыло, тебе и решать, – пожала плечами снайперша.

Гвенна сердито отдувалась. Она не в первый раз пренебрегала приказами адмирала Фрома. Адмирал... начищенные пуговицы и напояженные усы. Правда, их дело в Домбанге,

пожалуй, само по себе безнадежно, но она не подпишет себе приговор, слушая этого болвана. И уж точно не станет ради него рисковать жизнью своих людей.

Она снова всмотрелась в город внизу.

– Спускайся, Джак. До самых крыш.

Домбанг представлял собой путаницу переулков, мостов, набережных, причалов, каналов (словно сброшенный с высоты город расплескало по мутным протокам дельты), но она заранее выучила карту наизусть и теперь легко отыскала темную заиленную чашу Старой гавани, утыканную темными корпусами брошенных судов, и посреди нее – большую нескладную Арену, на которой в честь домбангских богов проливалась кровь горожан. Во дворе пристроенной к Арене тюрьмы-казармы горели редкие факелы. При их свете Гвенна рассмотрела полдюжины Достойных, учившихся крошить друг друга на рагу.

От Старой гавани Джак повернул на северо-восток, через площадь Гока Ми с пустоглазой каменной статуей, потом к северо-западу, над старинными многоколонными особняками Первого острова, над покачивающимися на якорях баржами со сладким тростником, к сверкающим огням Золотого берега с его линией покатых крыш. Путь, который для пешего или гребца на узкой лодочке был бы долог и скучен, кеттрал проделали, расслабившись в ремнях сбруи над проносящимся внизу городом.

Не то чтобы Гвенна сумела расслабиться. Ее пальцы, сами собой подобравшись к поясу со взрывснарядами, проверяли фитили, пересчитывали запалы. Глаза до боли вглядывались в каждую тень, в каждый уголок.

Их предупреждали, что Домбанг по ночам оживает: весь город высыпает поесть и выпить, поплясать под музыку при свете фонариков. Очевидно, описание составляли до переворота, отправившего все прежнее жизнеустройство на свалку.

Домбанг присоединился к Аннурской империи поздно и поневоле, а когда империя стала рассыпаться, первым вернул себе независимость. Во всяком случае, независимость провозгласила большая часть населения. Хотя далеко не все пришли в восторг от возвращения старых обычаев, исконной веры. В сущности, удивляться этому не приходилось, поскольку старая вера требовала оставлять людей в дельте в жертву богам. За двести лет аннурского правления многие оценили такие новшества, как суд, веротерпимость и торговля с внешним миром.

Все это означало, что Домбанг вел две войны: одну с Аннурской империей, а вторую – с самим собой. И первая была достаточно кровопролитной, но вторая бросила брата на брата, обратила детей против родителей, стравила старых друзей. Конечно, все это было пять лет назад. За это время аннурцев в живых не осталось – ни солдат, ни поселившихся в городе чиновников; немного выжило и домбангцев с аннурскими корнями: купцов с чужими именами, каменщиков с неподходящим цветом волос, рыбаков с неправильным выговором и разрезом глаз. Одни сгорели в собственных постелях, других перерезали на Арене, а большую часть, связанными и истекающими кровью, оставили в дельте на съедение богам. Гвенна богов не видела, зато насмотрелась на крокодилов, змей и ягуаров. В дельте реки Ширван хватало способных умереть без помощи высших сил. Самые жестокие казни приберегали для дерзнувших поддержать империю домбангцев – их, содрав кожу, бросали умирать от яда змей и пауков. Нанесенные войной раны не закрылись и за пять лет. Мало кто выходил по ночам из дома. А если выходил, то не один. И не безоружным.

Что весьма облегчало осмотр улиц и водных путей. Гвенна быстрым взглядом охватывала целые площади. Она видела ночью не хуже совы. С пятидесяти шагов могла рассмотреть одежду, лицо, рукоять плохо припрятанного клинка. Кеттрал недаром поклонялись Халу – богу тьмы.

Кучка пошатающихся гуляк пробиралась по переулкам. Гвенна велела Джаку дважды пройти над баржей, поднимавшейся по каналу Као. Первый остров патрулировали зеленые рубашки. Ни Талала, ни Кворы.

– Ну и хрен с ними, – сказала Гвенна, поудобнее устраиваясь в упряжи. – Похоже, они в самом деле где-то залегли.

Анник не отозвалась. Другая на ее месте взглянула бы самодовольно или с облегчением – снайперша вовсе не изменилась в лице. И не отвела взгляда с переулка под собой.

– Джак, – сказала Гвенна, – проверим еще Бани и уходим.

Она уже различала вдали здание, словно растолкавшее плечами окрестные крыши.

Пока верховные жрецы не додумались до безумной Арены, Пурпурные бани были самым большим строением Домбанга: огромное роскошное здание из красного дерева, тридцати шагов в высоту, более ста в длину, с десятками бассейнов – маленьких, на одного человека, и таких, в которые можно было запустить десяток лодок. Больше века властные и богатые горожане собирались здесь, в святилище прохладных вод и теплого пара. Теперь не собирались. За время Двенадцатидневной войны мятежники захватили Бани и превратили их в крепость с казармами, плацами, тюрьмой. Одни осушенные бассейны служили площадками для учебных боев, другие, накрытые металлическими решетками, стали камерами для приговоренных.

Первым делом Гвенна разнесла бы все это хорошим взрывом, но в столице опасались, что масштабное и явное вмешательство империи оттолкнет колеблющихся – тех, кто до сих пор разрывается между верностью Аннуру и мятежниками. Поэтому со времени прибытия в Домбанг их крыло действовало скрытно: отравления, диверсии, убийства с крыш... так палец незаметно давит на чашу весов в надежде качнуть их в пользу Аннура. Анник и Талалу – снайперу и личу – такая работа была в самый раз. Гвенна, увы, не была ни снайпером, ни личем. Она начинала мастером-подрывником и до сих пор полагала, что единственный способ разобраться с Домбангом – это спалить весь Кентом драный город, сровняв его с водой.

Огонь решает все.

Захватившие Бани солдаты немало порушили. Снесли все постройки на сто шагов вокруг, порубили деревянные каркасы на дрова, а дрова скормили огромным чугунным жаровням, горевшим во всех концах огромного здания. Гвенна видала оборонительные позиции и похуже этой. Здесь даже ночью было светло, и часовых хватало. Правда, все часовые стояли внутри огненного кольца, притупляя и без того скудное ночное зрение. Глупо, но среди людей полно глупцов.

Джак провел птицу в облет Бань – раз, другой, третий. Гвенна разглядывала солдат. Захвати зеленые рубашки двоих кеттрал, все здесь были бы взбудоражены, взволнованы, перепуганы. Но нет, часовые сонно глядели прямо перед собой, отупев от скуки и не замечая за светом костров наворачивающего ленивые круги огромного коршуна-людоеда.

– Так и держи, Джак, – заговорила Гвенна. – Повисим еще немножко, убедимся, что наших друзей эти мерзавцы не притащат, а уж потом прямо на корабль.

Она понемногу расслабилась в сбруе. За десять с лишним лет полетов Гвенна научилась наслаждаться движением: мягким покачиванием, плавными взмахами крыльев. На домбангских улицах стоял липкий зной, а в сотне шагов выше теплый ветерок приятно перебирал волосы. На корабле она, конечно, получит выговор от Талала. «Я ценю заботу, – скажет он, – но ты слишком много тревожишься». А она ему ответит, что в другой раз, если потеряется, пусть выпутывается как знает. Они поехидничают немножко за кувшином пива, и делу конец. Снова увернулись от смерти, впереди еще одно утро, чтобы проснуться и продолжать бой.

– Ладно, – сказала она наконец. – Валим отсюда. Надо бы вздремнуть, прежде чем опять тащиться за этими придурками.

– Это точно, – согласился пилот.

Но он еще не договорил, когда теплый ветер вдруг обернулся ознобом, пробрал мурашками.

– Погоди-ка, – велела Гвенна и оглянулась на снайпершу. – Анник, ты...

Она осеклась. Анник вместо ответа шевельнула бровью.

Сдерживая колотящееся сердце, Гвенна вся обратилась во внимание. Это чувство было ей знакомо: готовность, смешанная с ужасом. С тех пор как выпила Халово яйцо, она сотню раз такое испытывала. Это был опыт тела – предчувствие, независимое от хитроумного рассудка.

– Держать позицию, – скомандовала Гвенна.

Она прикрыла глаза, распутывая паутину запахов и звуков, неосязаемые нити, составлявшие мир. Вонь отхожих мест со стоком прямиком в каналы, запах немых тел; вот потянуло плесенью отсыревшего белья, а вот чистый запах свежераспиленного дерева – светлый аромат смолы. Она почти улавливала отдельные разговоры, бормотание сотен и тысяч голосов – двое мужчин спорят у очага, что-то недовольно бурчит женщина, командир одергивает часовых, а вот, на самом краю слуха, брань. Яростная, как шипение разъяренной кошки, убийственная брань.

– ...Я тебе, Шаэлево отродье, хрен вместо сосиски за жарю и в зубы вобью, тупица дра-
ный...

Квора.

Гвенна вся напряглась и тут же расслабилась, как всегда перед боем.

– С востока, – угрюмо сказала она. – Восток-северо-восток. Захвачены.

Анник не усомнилась. Знала, что слух у Гвенны острее.

– Как будем действовать?

– Джак, – окликнула Гвенна, – заложи петлю на полмили. Так, чтобы зайти к ним за спину, и быстро. Анник, когда придет время, снимешь охрану Кворы и Талала.

– Они точно оба там?

Гвенна втянула воздух носом. Уверенности не было, но она обойдется и так.

– Ты, главное, убей всех, кого надо.

Она вытянула из кошель на поясе длинную трубочку дымовухи.

– Перехватим их на открытой площадке перед Баями. Джак, берем наших на лету. Птицу не сажай. Дымовая завеса прикроет отход.

– Сбруи на них нет, – напомнил пилот. – Если связаны, не сумеют забраться на когти.

– И не надо. У меня две руки, по одной на каждого.

– Тяжелые, – деловито заметила Анник. – Талал особенно.

Гвенна кивнула, поворачивала плечами, постаравшись не замечать хруста суставов – обычное дело.

Талал, в отличие от многих кириных личей, в бою полагался не только на свои загадочные силы. Он был на полголовы выше Гвенны, с крепкими плечами и грудью, с мощными ногами. Два года назад, когда они работали в Кровавых Городах, он у нее на глазах ухватился за передок телеги – с верхом нагруженной кирпичами – и проволока ее на пятьдесят шагов, чтобы перегородить въезд на мост. Он весь сплошные мускулы да шрамы. Поднять его – что мешок с мокрым песком, а в другой руке еще будет болтаться Квора...

Гвенна попрочнее утвердилась на когте.

– Нам бы только их вытащить. Четверть мили продержусь, а там Джак посадит птицу на крышу.

– Я могла бы взять Квору, – предложила Анник.

– Мне нужнее твой лук, – покачала головой Гвенна.

Задумка, если сравнивать с другими ее планами, была не из худших. С другой стороны, ее умная голова, случалось, выдавала и полное дерьмо. В этот раз, по крайней мере, на их стороне высота, внезапность, темнота, взрывчатка и здоровенная птица.

«Все должно сработать».

От этой мысли стало еще беспокойней – Гвенна давно отучилась доверять слову «должно».

Джак вел птицу по кругу, прижимаясь к самым скатам крыш. Им оставалось несколько сотен шагов, когда конвой из темноты переулка вступил в красноватый свет факелов перед Банями. Десять человек – все мужчины – двигались сомкнутым строем. Кое-кто смотрел вперед, но большинство были заняты пленниками. Гвенна не могла знать, как те попались, но, похоже, серьезных ранений ни Квора, ни Талал не получили. Во всяком случае, на ногах держались, а Квора, хоть и припадала на правую, продолжала проклинать на все корки окруживших ее солдат.

– А тебе я, кукла безмозглая, язык через жопу выдерну...

На одного безоружного пленника со связанными руками приходилось пятеро конвоиров, но от них несло не торжеством, а злобой и блевотно-сладким страхом. Видно, кеттрал, прежде чем их скрутили, успели перерезать несколько глоток. Один кольнул Квору острием копья. Женщина, вместо того чтобы отпрянуть, уперлась спиной в острую сталь. Наверняка ей было больно, но тупым упрямством Квора не уступала Гвенне, а это, как признавала сама Гвенна, говорило о многом.

– Подбери свой вислый хрен, говнюк, – рыкнула Квора. – Кишка тонка закончить дело.

Глупая подначка. Эти домбангцы, хоть и рядились в выбеленные солнцем мундиры, настоящими солдатами не были. Многие почти мальчишки. Может, им и доводилось вышибать двери, чтобы приволочь к верховным жрецам перепуганных горожан. Может, и обращаться с копьем их кое-как обучили, но сейчас им было страшно, а от страха люди делаются опасными, непредсказуемыми. Кто-нибудь запросто может дернуться и вогнать пленнице наконечник под ребра. Гвенна мысленно напомнила им, что в Домбанге кровь дорого стоит, потому что здешним богам требуется живая жертва.

– Талал, Квора, – произнесла Гвенна (голоса она не повышала: охрана не услышит, а кеттрал должны). – Готовьтесь, будем вас вытаскивать.

Квора не расслышала ее за собственным криком, а лич чуть не обернулся, но вовремя спохватился – незачем настораживать конвой, – прислушался и кивнул.

– Квора, – сказал он, – нас выдернут на пролете.

Кто-то из солдат подтолкнул его тупым концом копья. Талал споткнулся, но Квора уже слышала.

– Когда? – коротко отозвалась она.

– Восемь, – ответила за Талала Гвенна, пронзительным голосом перекрывая свист ветра в ушах. – Семь. Шесть.

Под когтями птицы мелькали крыши. Переулки, веранды, мостки, причалы...

– Анник, – сказала Гвенна.

В темноте голубые глаза лучницы казались черными. Она выпустила первую стрелу, и сразу за ней еще две – рука так и мелькала от колчана к тетиве.

– Пять, – считала Гвенна.

Упал первый из зеленых рубашек – судя по форме, командир. Руки он прижимал к груди, словно молился.

Из горла у второго брызнула кровь.

Гвенна запалила дымовуху – длинный фитиль зашипел, заплевался искрами.

Еще один солдат вдруг сел на землю, поднял руку к торчавшей из глаза стреле и завалился на бок.

– Четыре.

Паника разметала зеленых рубашек ударом огромной волны. Люди задержались, размахивая копьями, тараша слепые в ночи глаза. Из полудесятка глоток вырвались вскрики: «Атака... в укрытие... сзади... нет!» – обрывочные, скомканные, бесполезные. Один солдат подхватил упавшего товарища, потянул от опасности, не понимая, что тот уже мертв. Другой оторвался

от своих, ринулся к надежным стенам Бань. Третий остолбенел в свете факела, выкатил стеклянные глаза.

– Три.

А Талал с Кворой, наоборот, влились в суматоху, как в круг танцующих. Лич ребром стопы подсек колено ближайшему стражнику. Квора макушкой ударила в лицо другого, смяла ему нос в лепешку. Когда она отстранилась, лицо у нее казалось черным от крови на смуглой коже, но на нем светилась ухмылка.

– Два, – сказала Гвенна.

Огромные крылья взметнули порыв ветра. Кеттрал выставил вперед когти. Гвенна кинула дымовуху над головами двух кеттрал, в сторону цепи часовых перед Банями.

– «Звездочка»! – выкрикнул Талал.

– Просто дымовуха, – мотнула она головой. – Готовьтесь к...

Но Талал уже двигался: всем телом качнулся к Кворе. Руки у него были связаны, но он плечом толкнул ее в живот, отбросив в неглубокую рытвину, и накрыл собой.

Взрыв ударил Гвенну, как кирпичная стена.

Огонь расписал твердую темноту мира. Вопли и проклятия рассекли ночь. Боль вонзилась тысячью лезвий. На миг Гвенна забыла, где она; стоит, плывет или падает. Под водой? Нет, дышать можно. Снова на Островах? То-то наставник взбесится, если она завалит задание. Ветераны не знают пощады...

И тут же в ответ на первую мысль пришло мрачное понимание: «Теперь мы – ветераны. И это не учения».

Остальное вспомнилось разом, едва она забилась в поисках опоры. В руках пусто. Где мечи? Неужели выронила мечи? И тотчас поверх прежней муки пришла раскаленная добела боль – пронзила плечо, хлестнула по бедрам. Перед глазами открылась огненная труба. Гвенна скрипнула зубами, ухватила беспамятство за глотку, отшвырнула прочь.

– Не спешить! – рычала она себе. – Не спешить.

Обожженными пальцами она нащупала сбрую. Туго натянувшийся страховочный ремень на поясе уходил вверх, привязывая ее к птице. Она, щурясь, разглядела коготь и болтающуюся на своем ремне Анник – тоже вверх ногами, тоже силившуюся выправиться. Скривившись от боли, Гвенна ухватила ремень, подтянулась, сумела забросить ноги на коготь.

Король Рассвета кричал, но держался в воздухе. Гвенна сморгнула затянувший глаза туман. Да, летят, не падают.

Когда крик птицы оборвался, она услышала голос Джака: «...нас задело».

Видимо, это был конец фразы.

Ткань на спине промокла. Гвенна дотянулась рукой: так и есть, кровь.

– «Звездочка», – говорил пилот. – Нас зацепило взрывом.

– Я «звездочку» не бросала.

– Не ты, а они. Мятежники.

Понимание ударило ее под дых.

Они целый месяц снабжали верных Аннуру горожан боеприпасами. Предполагалось, что взрывчатка будет использоваться против врага, но люди попадают в плен, люди перекидываются на другую сторону, люди в панике теряют груз. Неудивительно, что в конце концов «звездочка» попала в руки зеленым рубашкам. Погано, но не удивительно.

Плечо пылало. Ощупав рану, Гвенна обнаружила застрявший в мышце горячий осколок. Снова чуть не вырубилась и снова отбросила от себя дурноту и обморок. Рука слушалась, значит мускул не перерубило, но движения скованы. Гвенна еще раз, уже осторожнее, ощупала рану. Рассмотреть не сумела, но и так было ясно: зазубренная железка в палец длиной.

– Оставила бы ты как есть.

Анник уже взобралась на соседний коготь. Из-за черной формы и темноты не удалось рассмотреть, ранена ли лучница, но боеспособность она явно сохранила. Хорошо, потому что главный бой был впереди.

Гвенна крепче ухватила осколок металла.

– Гвенна...

Остального она не услышала, потому что на сей раз, выдернув эту дрянь из плеча, все-таки провалилась в обморок.

Она плыла, качаясь в теплой соленой воде. Волны ласкали кожу, смывали с лица волосы. В невесомости было хорошо, лучше лучшего, будто она только теперь поняла, какое грузное, неподъемное тело день ото дня таскала по суше.

– Вот бы здесь и остаться, – пробормотала она.

Слова еще не сорвались с губ, а она уже пробудилась к ужасу этой ночи, к тяжести своего тела, вращающегося под несущейся в темноте птицей.

Гвенна судорожно вздохнула – легкие жгло огнем, – дотянулась ступней до когтя, остановила кружение, снова подтянулась на место и проверила дырку в плече. Кровь шла, но Гвенна полжизни обливалась кровью. Сознание ясное. Суставы и кости не вывернуты куда не надо. Сердце, как и следует в таком положении, отбивает сердитую дробь, а значит, нет у нее предлога отлынивать.

– Джак, – позвала она, – как Король?

– Вроде в порядке, – ответил пилот.

Судя по голосу, он остался цел, что и понятно. Он-то сидел на спине Короля Рассвета. Его укрыло от взрыва огромное тело птицы.

– Точно скажу только на земле, но движется он гладко.

И это тоже понятно. «Звездочка» и Гвенну с Анник не угробила. Нападавший запорол бросок: поторопился или промазал. Толчок, может, и разъярил птицу, но с неба не сбил. Повезло.

Конечно, то, что у зеленых рубашек вообще оказалась «звездочка», ни шиша везением не назовешь. Напортачил кто-то из Кентом драных поганцев, которым по приказу помогало ее крыло, а расплачиваться пришлось им. Гвенна на несколько ударов сердца дала волю гневу. В гневе была сила, а в силе она очень нуждалась. Потом, ощущая зубами свое горячее жадное дыхание, она заставила себя разобраться в происходящем. Король Рассвета парил над темной лагуной. Где-то позади гудели, как опрокинутый улей, Пурпурные бани: оттуда доносились приказы, вопросы, крики боли.

– Возвращаемся.

Она придержалась за птичью лапу, пока пилот закладывал крутой вираж. Впереди показались Бани – огромные, как замок, в свете сторожевых костров. Талал с Кворой должны быть на дальней, восточной стороне. Или их останки? Они-то были на земле и куда ближе к точке разрыва. Талал заметил «звездочку» и попытался укрыться, только укрытие было дерьмовое. Какой глубины та рывина, в которую они завалились? У Гвенны загудела голова от усилия вспомнить. Она крепче ухватилась за ремни.

– Быстрее! – крикнула она вверх.

Голос ей самой показался натянутым, как слишком короткая для лука тетива.

– Как действуем? – спросил Джак.

– Второй заход по прежнему плану.

– Если у них есть еще «звездочки»...

– В этот раз будем начеку. Анник, увидишь, как кто-то поджигает запал, – стреляй. Джак, заметишь что-нибудь, уходи круто вверх, приказа не жди. В остальном все как было.

Она проверила ладони: болят, но слушаются. Если двое кеттрал ранены или без сознания, ей предстоит отстегнуться, спешиться, дотащить их до птицы и удерживать при взлете. Плечо словно кто-то полночи рубил топором. Ну и хрен с ним. После пусть рука хоть отвалится.

Быстрый Джак знал свое дело. Он заходил низко и быстро, под прикрытием Бань, и только в последний момент поднял птицу над крышей – едва-едва, чуть не задев резные золоченые статуи на карнизах. Под Гвенной мелькнули острозубые змеи и крокодилы, ягуары и рыбы с самоцветными глазами. Домбангцы расставляли таких, чтобы отгонять злых духов. Им на беду, ее крыло не было совсем уж бестелесным. Они вырвались из-за конька крыши тенью самой смерти, и Гвенне открылся хаос на площадке перед входом.

Первая атака, хоть и не удалась, разметала зеленых рубашек. Мужчины и женщины носились разом во все стороны, махали копьями и арбалетами, тыкали пальцами, вопили, припадали за хлипкие укрытия. «Звездочка» оставила в мягкой земле неровную дымящуюся яму, и над всем этим, словно разодранный флаг, развеивались последние клочья Гвенниной дымовухи.

Она мгновенно охватила место действия взглядом и нашла рытвину, где укрывались Талал с Кворой.

Пустую.

Проглотив проклятие, она стала шарить глазами по площадке. Зеленые рубашки уже заметили птицу. Кто-то поднял палец, готовый закричать. Голова у него рывком запрокинулась назад – в горле торчала стрела Анник. Какая-то женщина в отчаянной спешке вскинула арбалет. Лучница сняла и ее. Взрыв, видно, ударил по зеленым рубашкам не слабее, чем по птице, а они, в отличие от кеттрал, не приучены были выдерживать удары. Может, Талал с Кворой воспользовались суматохой и сбежали? Тут всего два-три десятка шагов до лабиринта домбангских переулков. Если они...

Нет.

Едва Гвенна позволила себе надежду, как увидела их. Не все зеленые рубашки потеряли голову. Двое тянули Квору под мышки, пробираясь среди суматошливо мечущихся соратников. Женщина обмякла: без сознания или близка к обмороку. Талал кое-как держался на ногах, но стражник тащил его за обвязанную вокруг шеи петлю, а еще двое двигались следом, пуская кровь из спины наконечниками копий. Самое страшное, что всем им осталось несколько шагов до дверей, а выйти на них под таким углом и на такой скорости никак не удавалось. Гвенна не успела рта открыть, чтобы окликнуть Джака, а птица уже впустую пронеслась мимо.

– Вверх, – сглотнув подступившую к горлу рвоту, приказала Гвенна. – Мы их потеряли!

– Где они? – спросил пилот, не видя со спины птицы, что творится внизу.

– Входят в Бани.

Тело тяжело навалилось на ремни, когда Джак резко повел Короля вверх. Земля уменьшалась, костры превращались в искорки, зеленые рубашки – в растревоженных букашек. Еще сотня футов, и они в безопасности.

Они-то в безопасности, только половину ее крыла, поцелуй его Кент, волокут в домбангскую крепость на пытки, допросы и, если они все это переживут, на корм богам дельты.

– Приказы? – спросил Джак.

Голос у него срывался. Не нужно быть ученым стратегом, чтобы понять, когда все оборачивается козым трахом.

– По малому кругу на трехстах шагах.

Анник, не отнимая стрелы от тетивы, разглядывала суматоху внизу.

Гвенна перевела глаза с нее на Пурпурные бани. В другом месте только безумец выбрал бы их под штаб. Здание большое, но стены – попросту резные ширмочки между столбами-опорами, и построены, как почти все в Домбанге, не из камня, а из дерева. Решительно действуя топором, такие можно прорубить за минуту, только вот тысячи зеленых рубашек внутри и

вокруг, пожалуй, стали бы возражать. А по большому счету Домбангу и не нужны были настоящие крепости, потому что крепостью им служила дельта – сотни квадратных миль грязной кровавой смерти для всякого, кто попытался бы ее пересечь. Строители Пурпурных бань не рассчитывали отражать нападения – не видели нужды.

Позволив себе безрадостно улыбнуться, Гвенна вытащила из кошелька на поясе «звездочку».

– Джак, пройди прямо над Банями.

Анник подняла бровь.

– Снесу крышу, – пояснила Гвенна.

– И что дальше?

– Дальше идем внутрь.

Гвенна подожгла запал, подождала, когда Джак пойдет на снижение, и поднесла огонек к фитилю. Она чувствовала на себе взгляд Анник, но встречаться с ней глазами не желала. Снайперша уже напоминала, что им велено обходить Бани стороной, но приказ был отдан до того, как захватили Талала и Квору. Бывает время таиться, выжидать, играть вдолгую. А бывает время запалить мир и любоваться, как он рванет.

Когда Король Рассвета спикировал к крыше, она швырнула снаряд.

Он попал рядом с коньком, скользнул по скату и застрял на резной статуе – вроде орла или коршуна. Со спины уходящего в темноту кеттрала Гвенна смотрела на сердитую россыпь искр. За миг до взрыва зажмурилась – ни к чему портить ночное зрение, – дождалась разорвавшего темноту грохота и снова открыла глаза.

Ей не доводилось бывать в Пурпурных банях, но лазутчик из приверженцев империи сделал грубые планы и наброски. Черепица – запеченная на солнце глина – крепилась к дощатой опалубке поверх толстых, как стволы, балок. «Звездочка» проломила все это огромным плавающим кулаком. Крыша между балок просела и, плюясь щепками и черепицей, съехала вниз, в дым. Внутри вскипели вопли – обломки наверняка кого-то убили, кого-то ранили, добавив безумия и без того безумной ночи. Едва ли повод для гордости: пробить дырку с дом величиной в такой хлипкой кровле, но цели ее тактика достигла. Первая атака всполошила зеленых рубашек. Дай им время, они бы опомнились, перестроились, удвоили и утроили охрану, перевели пленных в другое место, где Гвенне было бы до них не добраться. В каждом бою наступают минуты, когда необходимо бить. Она не успела подготовиться, как хотелось бы, но и выродки внизу тоже, а Гвенне чуть не всю жизнь приходилось драться без подготовки.

«Некрасивая победа, – писал в своей „Тактике“ Гендран, – тоже победа».

– Веди внутрь, Джак, – рыкнула она.

Ответ донесся не сразу.

– Что, птицу целиком?

– Целиком они лучше летают.

– Тесно будет.

– Нам повезло, что ты мастер по этой части.

– Плохое место для подбора, – покачала головой Анник.

– Может, попросим зеленых рубашек вывести наших друзей на открытый лужок с цветочками у журчащего ручейка?

– Император...

– Император пусть орет до хрипоты, но после. Мы вытаскиваем Талала с Кворой.

– Если захватят птицу...

– Анник... – Гвенна покачала головой. – Ты просто подстрели пару засранцев.

Король Рассвета лег на крыло, выправился, завис на миг в жарком ночном воздухе, и было еще мгновение-другое передумать, отозвать приказ, составить другой план, получше. Мгно-

венье, как это свойственно мгновеньям, пролетело беззвучно и неудержимо. Кеттрал сложил крылья и канул вниз.

Гвенна крепче ухватила за ремень, крепивший ее к птичьей лапе.

Мало кому из птиц или пилотов она доверила бы проделать такое. Отверстие в крыше было немногим больше кеттрала с полусложенными крыльями – то есть ему надо упасть камнем и подхватиться над самым полом. Хорошо хоть внизу было просторно, хватало места расправить крылья. И еще хорошо, что пилота лучше Джака Гвенна в жизни не видела.

И все равно...

Она прищурилась, ныряя в пролом, – из ночной темноты в пламенеющий хаос. Большая часть Бань представляла собой один большой зал, в который мог, не задев мачтами потолка, войти военный корабль. Вдоль стен неровными рядами тянулись лежаки, в самых больших осушенных бассейнах стояли общие столы, в разных местах дымили два десятка костров, и повсюду были люди, – похоже, в Бани набились четыре тысячи солдат, и теперь все они носились, орали, расхватывали оружие. Примерно такого и следует ожидать, если взрываешь крышу и влетаешь в дыру на визжащем коршуне-людоеде. В них пока что никто не стрелял – похоже, еще не поверили, что это не сон. Однако внезапность прокисает скорее молока в жаркий день. Даже самого хлюпкого солдата не ошеломишь навечно.

Гвенна окинула зал взглядом: там стена и там стена, значит восточная дверь, в которую заходили Талала с Кворой... вот она!

– Вижу их, – сказала она и, не дожидаясь приземления, стала отстегивать страховку.

Кеттрал в последний момент резко задержал падение, выставил вперед когти, как делают его малые собратья, обрушиваясь на зайца или белку. Гвенна спрыгнула с высоты в два своих роста, неловко приземлилась, перекатилась и вскочила уже с мечами в руках. Прямо перед ней очутился мужчина с недоеденным крылышком какой-то птицы в руке. Его черная борода блестела от жира, и с пальцев капало. Захваченный в разгар ужина, он даже не догадался взяться за оружие. Гвенна заколола его коротким ударом в живот и выдернула клинок прежде, чем человек упал.

– Анник, – приказала она, – прикрой меня с птицы. Джак, будь готов нас вытащить.

От Талала и Кворы ее отделял какой-нибудь десяток шагов. Десяток шагов и не меньше зеленых рубашек. Одних она срубила, других обошла. На каждый ее удар сердца приходился звон тетивы Анник и свистящий шепот резавшей воздух стрелы. Половина поднимавшихся навстречу зеленых рубашек падали, не дождавшись ее удара. Даже при таком соотношении сил это нельзя было назвать боем, и в голове у нее не в первый раз забормотал тихий голосок, утверждая, что неправильно запросто убивать столько людей.

– Считаю свои сраные благодеяния, сука, – откликнулась она, вскрывая очередную глотку.

Талал, хоть и раненый, и связанный, оказался расторопнее зеленых рубашек. Он сумел вплотную подступить к держащему конец веревки стражнику и головой разбить ему нос. Солдат, взыв, выпустил поводок, и тогда Талал с разворота свалил его в неглубокий пустой бассейн. Второй стражник поднял копье, а опустить не успел – стрела Анник вошла ему между зубами и выбила фонтан крови из запрокинувшейся головы.

Связанными руками Талал вырвал у убитого копье, ткнул в живот третьего зеленого и оказался свободен. Но не кинулся к птице, а обернулся.

Квора лежала без чувств там, где бросил ее охранник. Талалу было не удержать и ее, и копье, но лич встал над соратницей, заслонив ее от опомнившихся зеленых рубашек.

В нескольких шагах от него Гвенна хлестнула по лицу какую-то женщину – ошарашенные домбангцы спотыкались, как младенцы, зато им не было счета, – подрезала поджилки второй и оказалась рядом.

Вблизи Талал выглядел хуже. Он берег правую ногу, а под обгоревшей формой на темной коже просматривались безобразные багровые ожоги. Один глаз заплыл, почти закрылся, а кровь из сломанного носа окрасила красным его горькую ухмылку.

– Извини.

– Чего уж там. – Гвенна перерезала веревку на его запястьях. – Сильно тебя помяло?

– Я в порядке.

Мимо просвистела еще одна стрела – кто-то за ее плечом крикнул и повалился. Гвенна рискнула оглянуться: зеленые рубашки перестраивались. Все, кого взрыв застал спящими, болтающимися над миской похлебки, схватили копья и арбалеты и стягивались в круг, обступая Талала с Кворой и Гвенной. Другие подбирались к Королю Рассвета. От всех несло ужасом. Один держал копье, как факел, торчком, словно отбивался не от врага, а от темноты. Король возмущенно взвизгнул, ухватил его клювом, перекусил пополам и отшвырнул труп. Остальные, натываясь друг на друга, попятись подальше от острого как бритва клюва и страшных нечеловеческих глаз, но не разбежались.

Обернувшись к Талалу, Гвенна обнаружила, что тот успел взвалить Квору на плечи. Глаза женщины были закрыты, нос сломан, губа разбита, темная кожа побагровела от ссадин. Талал удержал в одной руке копье, но много ли с него проку, когда на плечах Квора?

– Пошли, – сказала Гвенна.

Махнув одной рукой на птицу, другой Гвенна отбила удар меча и проткнула мечнику горло.

Талал, кивнув, сделал шаг.

Они одолели полпути до Короля Рассвета, когда земля под ногами дрогнула, и Гвенна застыла на месте.

Перед лицом мелькнула черепица с крыши, разбилась вдребезги под ногами. За ней еще и еще. Гвенна вложила в ножны один меч, заслонила локтем голову, и вовремя: следующая черепица рубанула ее по раненому плечу и сбила на одно колено. С усилием поднявшись, Гвенна огляделась и ужаснулась: толстая балка перекрытия треснула и медленно складывалась вдвое, увлекая за собой потолок. Дерево скрипело, не выдерживая нагрузки. Черепица сыпалась градом, разбивалась, валила на пол людей.

– Скорее, Талал, – процедила она, бросаясь вперед.

Крыша грозила раздавить всех, зато давала шанс прорваться на свободу. Гвенна как раз подняла меч, когда черепица рубанула по лбу зеленую рубашку, проломив ему голову от глазницы до подбородка. Раненый нелепо попытался пристроить на место сорванный клочок кожи, потом завалился навзничь в яму сухого бассейна. Теснившая их толпа солдат поредела; мужчины и женщины забивались под столы или просто сжимались в комок, защищая головы руками. Дорога к птице расчистилась. Если доберутся – они свободны: дыра в крыше стала шире. Эта проклятая ночь вела с ними азартную игру на слепую удачу.

Гвенна ненавидела расчет на удачу.

На островах, еще кадетом, она знавала старую, всю в морщинах, кеттрал, давно не летавшую на задания. Звали ее Максан, и славилась она тем, что при какой-то осаде полувековой давности одна, без оружия прошла сквозь ливень стрел, чтобы подложить заряд под крепостные ворота. Гвенна сто раз слышала ее рассказ – все его слышали, – и каждый раз у нее потели ладони.

– Но почему не бегом? – с недоуменным смешком спрашивали слушатели.

Максан каждый раз качала головой, кисло морщилась и вглядывалась куда-то молочными бельмами.

– Без толку бегать. Самый дерьмовый лучник снимет бегущего не хуже, чем шагающего. Гвенна помнила, как покачала головой Анник: «У бегущего шансов больше».

– Шансы! – фыркала Максан. – Девочка, шансы – это про кости и карты, а не про жизнь и смерть. Лучший солдат, какого я знала, захлебнулся кровью в Антере, когда сопливый мальчишка ткнул его в грудь вилами. Какие у него были шансы? А сколько я видела болванов, выживших после глупостей, которые должны были десять раз их убить? Слушай меня, девочка, и слушай хорошенько: что будет, то будет. Двух смертей не бывает. Стрела либо попадет в тебя, либо нет. Либо ты умрешь, либо нет. Только и всего.

Подростком Гвенна считала, что с такой нелепостью даже спорить не стоит. Но с годами начинала понимать если не мудрость, то резон старухи. От всего на свете не убережешься. Даже от «почти всего» не убережешься. Когда дерьмо льет особенно густо, ты, как сказала Максан, либо гибнешь, либо нет. Эта мысль принесла с собой странное успокоение, испарившееся, едва Гвенна снова подняла глаза.

Не только крыша – проседать начала вся западная стена. Огромные опоры, словно больные, заваливались внутрь. Их повредила не «звездочка» – взрыв недотянул до толстых стволов. Но если подумать, Пурпурные бани простояли сотни лет. Сотни лет пара, жара, гнили. Кто знает, какие жучки и термиты пировали в этих столбах, да и что толку знать. Стена проминалась, как подмокшая бумага, балки трескались, преграждая им выход в небо.

Талал рядом с Гвенной споткнулся, подхватился, одной рукой попытался прикрыть Кворе голову, унося ее к птице. Со спины Короля Рассвета что-то кричал Джак. Слов Гвенна не разбирала, но и так было ясно, что он требует заканчивать с посадкой. Либо он не видел, что происходит, либо плохо соображал. Покосившаяся стена еще не обрушилась, но большая ее часть, не подпертая настилами, нависала над залом зубастой челюстью огромного зверя – сплошь щепки и острые углы шириной в целую ночь. Огонь лизал дерево, добирался до масла разбитых светильников и вспыхивал пламенными полосами. Сквозь такое птице не взлететь.

«Либо ты умрешь, – сказала, глядя на нее сквозь туман своих белым, Максан, – либо нет».

И без того гнусное положение только ухудшил приказ Гвенны влететь в Бани на птице.

Из века в век кеттралы были главной военной тайной империи, самой опасной и самой важной. Птицы позволяли аннурцам передвигаться быстрее всех, с неба атаковать стены и крепости, вести войну средствами, недоступными малым государствам, полагавшимся только на коней, пехоту и корабли. Птицы стали тяжелейшей из потерь в гражданской войне. Схлестнувшись в самой ожесточенной за всю человеческую историю трехдневной схватке, орден кеттрал лишился своих птиц. Едва ли полдесятка спаслись и затерялись вместе с хозяевами. Аннуру остался один – Король Рассвета.

За пять лет Гвенна со своим крылом вылетала на многие десятки заданий, моталась через материки – Вашш и Эридрою, от Антеры до Анказских гор. Одна птица не шла ни в какое сравнение с сотнями кеттралов времен расцвета ордена, но и одна могла иногда повернуть течение вспять, предупредить командиров о грядущей атаке, перенести лучших военачальников на те фронты, где они были нужнее, оповестить императора о событиях в самых дальних краях ее рассыпающихся владений. Можно было без преувеличения сказать, что без Короля Аннур лишился бы городов, армий, даже целых атрепий.

«Тупая ты сука, – шипел злобный голосок в голове у Гвенны. – Тупая, тупая сука».

Она отшвырнула этот голос, растоптала его, сосредоточилась на насущном. Ненавидеть себя еще хватит времени.

– Джак! – крикнула Гвенна. – Анник! Слезайте. Королю не выбраться. Уходим пешими.

Она оглядела зал. Сотни и сотни зеленых рубашек кишели, как черви в навозе, как муравьи, как пчелы в улье. Многие в страхе перед падающими обломками и пожаром пробивались в восточный и северный концы зала, подальше от угрозы. А значит, проход на запад хоть на минуту освобождался. По крайней мере, от людей – горящие балки и обугленная черепица сыпались пуще прежнего.

Зеленые рубашки – кажется, последние двое, кому еще было дело до кеттрал, – кинулись на Талала.

Пока он неловко разворачивался им навстречу, Анник убила одного стрелой. Поясной нож Гвенны вошел в горло другому.

– Уходим, – сказала она, тесня лича перед собой. – Шагай!

Анник успела отстегнуть сбрую, а Джак так и остался в седле на спине Короля Рассвета. Он зачем-то обнажил меч, хотя сражаться ему было не с кем. Гнев исказил его черты.

– Я его не брошу.

Гвенна проглотила ругательство. Она так и знала. Птица – не домашний любимчик. Король – такой же солдат, как они, а солдатам случается попасть в ловушку. Иногда и погибнуть. Она это понимала, каждый в крыле понимал, но Короля Джак вырастил из неоперившегося птенца, превратив его в величайшую птицу в истории кеттрал. Ему пилот доверял так, как не доверял никому из крыла, а это о многом говорило.

– Это приказ, Джак. Прыгай. Мы его вытащим.

Она сама не знала, правда ли это. Ясное дело, она бы вывернулась наизнанку, чтобы отбить птицу, только надежды было мало. Бани пылали, все разваливалось на хрен, и Король Рассвета застрял посреди пожара. Такая мелочь, как падающая черепица, не могла его серьезно ранить, но если рухнет Шаэлем клятая стена...

– Джак, – еще жестче повторила она. – Слезай сейчас же.

– Я с ним пролечу.

Бред, но в разгар боя людям случается сходить с ума.

– Не его вина, что он здесь. – Пилот сверлил ее глазами. – Твоя.

Слова ударили, словно кулак в лицо. Гвенна предпочла бы настоящий кулак, но нынче вечером ее предпочтения в счет не шли.

Шагах в пяти от них обрушился пылающий настил, разбросал искры. Огромная балка сбила пару бегущих рубашек: одного смяла, как соломенного, другому раздробила ноги и пригвоздила к полу тлеющим грузом. Огонь раз-другой лизнул человека, словно колебался, а потом страшной вспышкой впился в его одежду.

Упавший поймал взгляд Гвенны, протянул окровавленную руку.

– Прошу...

Она отвернулась.

– Надо уходить, – сказал Талал. – Если Джак...

Лича еще не договорил, когда что-то, ударив пилота в плечо, повалило его на бок. Гвенна сперва решил, что его подстрелили, потом разглядела соскользнувший по крылу Короля обломок черепицы. Джак цеплялся за поводья, но не удержался в седле и мешком рухнул наземь. Гвенна метнулась вперед, чтобы подхватить парня, но тот был сплошные мышцы – его тяжесть, обрушившаяся с высоты пяти шагов, вбила Гвенну в пол.

Осыпaeмый ударами сверху, теснимый со всех сторон огнем, кеттрал взметнулся в воздух. Лететь ему было некуда – дым, огонь, обломки преграждали путь. Он яростно забил крыльями, взметнул золу и пыль, закружил маленький огненный смерч, обиженно вскрикнул, пролетел по всей длине Бань и свалился. Все это внезапно и нелепо напомнило Гвенне мелкую птаху, чей мир ограничен прутьями клетки. Она никогда не представляла себе кеттрала в клетке, не думала, что такое возможно. Если бы только она была права!

Короткий перелет, всего несколько взмахов крыла, – и вот уже птица для них недостижима. Между нею и Гвенной сотни зеленых рубашек. Тысячи. С тем же успехом Король Рассвета мог быть на Островах. Или на луне.

Джак нетвердо поднялся на ноги. Черепица оторвала ему половину уха – оно висело на клочке кожи – и оставила рубленую рану на шее, но он как будто не замечал увечий. Пока

Гвенна, избавившись от его тяжести, поднималась, он вытянул из ножен на спине второй меч. От него несло страхом, яростью, отчаянием.

– К западной стене, – указала она.

Верхняя половина нависла над залом, ее раскачивал ночной ветер; нижняя более или менее уцелела. Огонь обвил широкую дверь кольцом, но ожоги им были не первой. Все равно выхода получше этого нет.

Только Джак на дверь не смотрел. Он вглядывался в глубину Бань, туда, где толпились вокруг Короля Рассвета домбангцы.

Кеттрал подскочил над землей, сгреб когтями полдесятка солдат, приземлился и снова подскочил. У пилота на шее висел маленький свисток. Джак поднес его к губам и дунул. Король дернул головой, зашарил по Баням темными глазами, и на миг Гвенна поверила, что он подлетит, как приучен. Не то чтобы это спасло положение. Птицу в дверь не протиснуть, но может, если она пробьет еще одну дыру...

Она пошарила в кошеле, нащупала «фитиль» – годится.

– Если я проломлю стену...

Подняв глаза, она увидела, что Джак несется к северу, к птице.

– Уб-блюдок! – выдохнула она, бросила снаряд обратно в кошель и снова взялась за второй меч. – Анник, прикрой меня!

Но едва она сделала первый шаг, упал, уронив Квору, Талал. Он на миг замер, уткнувшись лицом в пол, потом приподнялся на колени, ухватил бесчувственную женщину за плечо, потянул к себе. Лицо ему заливала кровь из новой раны. Зрачки слепо сжались в точки.

Бани превратились в раскаленную печь. Гвенна чувствовала, как запекается кровь у нее на лице, как жар опаляет волосы и брови, как краснеет ее светлая кожа. Дым затянул пространство, огни расплывались, каждый вдох обжигал горло и легкие. Бесчисленное множество оглушительных криков обернулось подобием тишины. В десяти шагах рухнула еще одна балка.

– Анник, – прорычала Гвенна, – оглуши его!

Ей меньше всего хотелось волочить на себе еще одно тело, но если снайперша собьет Джака стрелой с тупым наконечником, Гвенна его достанет. Сумеет спасти.

Анник всадила припасенную стрелу в доски пола, выдернула из колчана другую, с тупым наконечником, наложила на тетиву, натянула и выпустила – все за один выдох Гвенны.

И опоздала.

За спиной Джака выросла троица перепуганных зеленых рубашек. «Глушилка» ударила одного из них в висок – стражник повалился, как мешок с зерном.

– Еще! – прорычала Гвенна, уже бросаясь вперед.

– «Глушилок» больше нет, – ровно и жестко ответила лучница. – Надо уходить.

– Я не брошу его один на один со всем гадским Домбангом!

Посреди фразы между ней и Джаком обрушилась пылающая мешанина обломков и отбросила ее назад. На миг весь мир стал красно-оранжевым. У нее загорелись волосы. Гвенна схватила их в горсть и рубанула мечом, отрезав целый клочок. От запаха ее затошнило. И вообще было тошно. Она мрачно заслонила от жара ладонью, прищурила пересохшие глаза, отыскала Джака – по ту сторону завала; оба клинка расплылись в стремительном движении, в бою за свою жизнь и жизнь птицы, которую он воспитывал с мальчишества.

Не может быть!

Она не знала пилота лучше Джака. Он, возможно, был лучшим в истории Гнезда – блестящим, изобретательным, хладнокровным в полете. А вот на земле он превращался в сущее бедствие: вся сила, питавшая его в воздухе, начисто испарялась. Сколько раз она видела, как Джак цепенеет в рукопашной, как его большое сильное тело отказывается исполнять приказы рассудка. За приступы паники его должны были признать негодным к службе. И признали на

первой Пробе, но с тех пор времена переменились. Ветеранов почти не осталось. Гвенна не могла отказаться от лучшего в мире пилота.

«В седле он хорош, – уговаривала она себя. – В полете он – лучше не бывает».

Только сейчас он был не в седле. Он бился в дальнем конце горящего зала, со всех сторон зажатый сталью, дымом, огнем.

С каждым ударом сердца Гвенна ждала: сейчас его накроет паника, сейчас он съжится, сожмется в комок. А он, к ее удивлению, дрался так, будто никогда не знал страха, никогда не ощущал этих ледяных когтей на спине, будто всю жизнь провел в бою, в средоточии огня. Он резал этих домбангцев, как говядину, рубил мышцы и кости, словно держал в руках не меч, а мясницкий топор. Это была уже не столько отвага, сколько одержимость. В другой раз Гвенна дала бы себе мгновение изумиться, но сейчас изумляться было некогда. Он шел на смерть в попытке спасти обреченную птицу.

– Стена разваливается, – простонал Талал.

Он сумел снова взвалить Квору на плечи, хоть и шатался под ее весом, как дряхлый старик.

Гвенна глянула на нависшую над ней угрозу. Она не смогла бы сказать, откуда взялась уверенность, но весь многолетний опыт подсказывал, что стена еще не готова рухнуть. Не сейчас, не сразу.

– Я за Джаком, – сказала она. – А вы шевелитесь.

Пилот в дальнем конце зала обернулся сновидением, кровавым кошмаром. Он убивал зеленых рубашек, даже тех, кто пытался бежать, и пробирался все глубже. Сквозь гул пожара Гвенна слышала его дыхание, ловила рваные слова.

– Иду, – выдыхал он. – Держись, Король, я иду.

Два или три опаленных мгновения ей казалось, что он и вправду пробьется. Домбангцы, еще не опомнившиеся от внезапной атаки и перепуганные пожаром, метались врассыпную от его блестящих клинков, бросались в сухие бассейны, шарахались в стороны, валились на спину. Тех, кто не отступал, Джек убивал быстро и беспощадно. Она почти забыла, какой он большой и сильный, потому что, планируя вылеты, никогда на его силу не рассчитывала. А сейчас, глядя, как он идет по колено в крови, вспомнила его природную мощь.

Мощь, бессильную против арбалетного болта.

У нее на глазах пилот запнулся, его развернуло, из живота выросло древко. В горле у Гвенны словно застрял копейный наконечник. Джек устоял на ногах, он еще рубился, пробиваясь к Королю Рассвета.

– Иду... – булькнул он, словно ему и язык порвало стрелой.

Он и теперь мог бы выжить – у кеттрал раны заживают быстрее обычного, реже загнивают, – но зеленые рубашки, почуяв его слабость, пошли в наступление. Джек убил еще двоих, прежде чем листовидный наконечник копья выпустил ему кишки.

Король услышал его вопль и рывком повернул большую голову. В черных глазах блеснул огонь. Джек снова взревел, и с дальнего конца Бань ему ответила птица. Два крика сплелись воедино в горячечном гневе и боли. А потом кто-то сзади рубанул пилота по шее, и птичий крик остался один.

Горячая кровь забрызгала Гвенне лицо, сделала скользкими ладони. Дыхание хрипело в горле. Со всех сторон был огонь, но ей стало холодно, когда один из зеленых рубашек подхватил тело погибшего пилота и куда-то потащил. Кеттрал не так уж часто гибнут. Такой труп – важный трофей.

Половина ее души рвалась в бой. Вранье! – она рвалась в бой всей душой: метнуться в толпу и убивать, убивать, убивать, пока не придет ее черед принять копьё в лицо или клинок в почку. Ее удержал голос Талала.

– С ним кончено, Гвенна, – донесся он сквозь хаос.

Она ощутила себя гранитной статуей. Чтобы повернуться и шагнуть назад, надо было переломить в себе что-то такое, что никогда уже не починишь. Иногда это и значит – быть солдатом: вся выучка, вся стратегия и тактика отступают перед способностью ломать, и ломаться, и сломанной жить дальше. Джак – не первый друг, погибший у нее на глазах. И не последний. Теперь надо думать о трех оставшихся соратниках по крылу. Она повернулась спиной к окровавленному телу, к зеленым рубашкам, к собственной ярости и пошла к тем, кого еще могла спасти.

Дверь в огне, но им это нипочем.

– Вперед! – Она махнула Талалу и Анник. – Уходите!

Анник не двинулась с места.

– Мне надо убить Короля, – сказала она.

Голубые глаза в свете пожара отливали кровью, лицо безучастно застыло. Словно собиралась подстрелить рябчика.

Полмгновения Гвенна колебалась. Снайперша, как всегда, заглянула в ледяное, застывшее сердце катастрофы. Птица наверняка обречена, но «наверняка» им недостаточно. Хуже гибели Короля может быть только одно: если домбангцы его захватят, переучат, обратят против империи. Вряд ли у них получится, и все же...

– Стреляй, – отозвалась Гвенна.

Невозможно было представить, что громадного Короля Рассвета легко убить тонкой палкой со стальным острием. Чаще всего это и было невозможно. Гвенна видела, как кеттралы возвращались с заданий, испещренные стрелами, болтами, обломками мечей и копий. Только весь этот металл втыкался им в грудь, в крылья, в лапы.

Стрела Анник сорвалась с тетивы, свистнула в воздухе, пронзила языки пламени и горящей вошла Королю в глаз. Птица раскрыла клюв для крика, но вышел только надтреснутый хрип. Отчаянный хлопок крыльев приподнял кеттрала в воздух и тяжело уронил; Король забился, как певчая птица в клетке. Анник выпустила вторую стрелу. Эта вошла в другой глаз и сквозь него – глубоко в мозг. Последний аннурский кеттрал взметнулся, сшибив десяток зеленых рубашек, и рухнул на бок. Одно крыло тщетно вскинулось в поисках опоры, а потом он содрогнулся и вытянулся, как будто поймал наконец поток, и теперь оставалось только скользить по воздуху к спасению...

– Валим отсюда на хрен, – прошипела Гвенна, бегом пускаясь к двери.

Она в несколько шагов догнала Талала, подумала, не перехватить ли у него Квору, но не стала. Снаружи, сквозь огонь, маячили тени: зеленые рубашки, успевшие выскочить из пожара, – их придется убивать. Она отметила, как ей не терпится кого-нибудь прикончить.

– Анник, за мной, – сквозь зубы бросила она. – Расчистим выход.

Снайперша подстроилась к ее шагу, обогнав лича с бесчувственной ношей. Однако на полпути к двери Анник задержалась, развернулась и стала медленно пятиться, обдуманно выпуская стрелы в хаос за спиной Талала, – прикрывала отставшего товарища. Гвенна проскочила, огонь лизнул ей лицо и волосы, а воздух Домбанга после пожара остудил грудь; ветерок омыл ее, как вода. Снова начинался дождь, но слишком слабый, чтобы залить огонь.

Трое зеленых рубашек стояли за дверью – все при оружии, явно ошарашенные. Один вздумал выставить перед собой копьё. Гвенна обрубил наконечник, а копеейщику проткнула горло. Она повернулась, чтобы насадить на меч женщину с темной копной волос, тут же крунулась к лучнику, сапогом сломала ему колено, а другим раздробила гортань. Когда третье тело ударилось о землю, из дверей шагнула Анник.

– В канал! – Гвенна махнула рукой.

В извилистых руслах больше надежды, чем на улицах, особенно ночью. У них на руках боец без сознания, но кеттрал полжизни проводил в воде. Под причалами и мостами можно укрыться; лодки можно угнать, в десятки боковых протоков можно свернуть...

Гвалт и шум прорезал короткий треск. Ужас расцветал в ней гнилым цветком, пока она оборачивалась к медлительной лавине огня и горящих бревен, которыми стена засыпала проход – единственный путь из Бань на свободу. Дверной проем сминался под их тяжестью, а Талал еще оставался по ту сторону, бежал, но опаздывал на четыре-пять шагов.

Для пахаря в поле пять шагов – ничто, дело нескольких движений. Для купца с товаром того меньше – многодневный путь, считай, окончен. И для солдата в конце длинного перехода шаг-другой не стоит упоминания. А вот для кеттрал они, как и пара ударов сердца, иногда решают все. По одну сторону этих нескольких шагов – свобода, и даже победа. По другую – мерзкая кровавая смерть.

Талал остался по ту сторону.

По глазам было видно, что он все понял, но не промедлил: всем телом подавшись вперед, скинул Квору с плеча и, содрогнувшись от усилия, метнул ее в проем. Талал был силен, сильнее Гвенны, но не настолько. В бросок, вынесший женщину за дверь, он, кроме мощи смертного тела, вложил и таинственную силу своего колодца, глубоко почерпнув из него ради спасительного броска.

Квора – тело вялое, как тряпка, глаза закачены под лоб – свалилась перед ними, и в тот же миг стена со стоном сложилась, рассыпала в ночь искры и рухнула.

У Гвенны в горле стояла горькая желчь. Ей почудилось, что сейчас и она свалится, только падать было не время.

Она совладала с собой, метнулась к Кворе, забросила ее себе на плечи.

– Давай в обход, зайдем с севера.

Говоря, она смотрела, как с северного конца Бань высыпают на улицу мятежники – десятки, сотни. С юга была та же картина. Когда загорелся зал, все бросились к самым очевидным выходам.

– Если зайти с того края... – снова заговорила Гвенна, но добраться туда в обход плотной толпы было невозможно.

Позади, к северу от нее, раздался крик, и почти тотчас же в мостовую у ее ног ударил арбалетный болт.

– Надо уходить, – проговорила Анник.

В ее голосе не было сожаления, вообще не было чувства.

– Я иду обратно, – ответила Гвенна. – Ты выноси Квору, а я вернусь.

Враг был в смятении, еще не опомнился от паники. Если скрыться от арбалетчиков, сквозь толпу она проскользнет незамеченной, войдет внутрь...

– Гвенна Шарп. – Голубые глаза лучницы горели огнем. – Ты не имеешь права.

Гвенна устала на нее. Анник никогда не говорила таким тоном.

– Отбить друга?

– Погибнуть, не закончив дела.

– Я не погибать возвращаюсь.

– Именно погибать. Ты не выдержала удара и хочешь разом со всем покончить.

У Гвенны отвисла челюсть. Она искала слов, чтобы возразить, но нашла только одно:

– Талал...

– Он солдат. Ты тоже. Выбор трудный, выбирать обязана ты.

В горле у Гвенны засела острая кость. Что угодно, только не это. Лучше уж клинок в глаз. Меч в живот. Однако в присяге кеттрал ни слова не говорилось о том, что будет легко. Она так скрипнула зубами, что показалось, сейчас раскрошится; поправила Квору на плечах и, отвернувшись от боя, от огня, от друзей – мертвого и обреченного, – бросилась бежать в ночь.

2

На то, чтобы выкрасть лодку и ускользнуть из Домбанга, ушла почти вся ночь. И каждую минуту этой ночи Гвенна разрывалась надвое. Половина требовала вернуться, прорубить дорогу сквозь руины Бань и резать всех, кто там остался, пока не отыщет Талала или не умрет. Другая – умная половина, лучшая половина, та половина, которая не подвела под гибель соратников по крылу, – понимала, что глупее ничего не придумаешь.

Джак погиб. Король Рассвета мертв. Талал, по всей вероятности, мертв. Квора не приходит в сознание, не может ни стоять, ни плыть, а у Анник осталось всего две стрелы. У легионов, по слухам, был закон не оставлять своих. Чтобы выручить обреченного солдата, гибли целые отряды. Кеттрал не были так мягкосердечны.

«Спаси тех, кого можно спасти, – писал Гендран, – и оставь тех, кого нельзя».

В этом была жестокая мудрость, но, работая веслами украденной лодки в каналах между покосившимися халупами городской окраины, а потом в лабиринте протоков, Гвенна гадала, много ли друзей бросил на смерть в пожаре сам Гендран.

Анник всю дорогу простояла на корме лодки – узкого «ласточкина хвоста». Одну стрелу она истратила в середине ночи, убив крокодила длиной в двенадцать футов. Хорошо, что обошлось крокодиллом. Все остальные твари дельты реки Ширван были ядовиты: шершни, пауки, даже поганые лягушки, а клинки – пусть и клинки кеттрал – не лучшая защита от шершней. За два месяца на якорной стоянке в восточной части дельты аннурцы потеряли двадцать восемь человек – одни умерли от болезней, других убили крокодилы и квинры, третьи просто... пропали: вышли из Домбанга и затерялись в тысячах протоков. Кеттрал, конечно, эти опасности не касались. У них была птица – пока Гвенна ее не потеряла.

– Не потеряла, – напомнила она себе, – а прикончила.

Всю долгую ночь, сидя на веслах, она видела перед глазами кричащего Короля Рассвета – как он бил клювом, как Джак рубил клинками, не замечая болта в животе... Как Талал, заваливаясь вперед, тянул руки, из последних сил бросая Квору в дверной проем.

Ей полагалось бы вернуться на корабль обессиленной – летела, потом сражалась, потом гребла, – но, когда к рассвету впереди показался «Лев Аннура», трехмачтовый флагман «флота умиротворения Домбанга», она ощущала только отчаянное нутряное нетерпение без смысла и цели, словно что-то пожирало ее изнутри.

– Сдадим Квору врачу, – сказала она, затабанив веслами под веревочным трапом, – запасемся стрелами, провиантом и водой, возьмем побольше взрывчатки и вернемся.

– Уже светло, – напомнила Анник, покосившись на небо.

– Значит, бросим якорь у самого города и пересидим до темноты в гребаных камышах, – прорычала Гвенна. – Мы его там не оставим.

Лучница не успела ответить: над перилами фальшборта показались головы аннурских арбалетчиков. «Лев» стоял далеко от города, местные рыбаки и патрульные к нему не добирались. И все же на корабле, потерявшем за два месяца двадцать восемь человек, никто не мог расслабиться. У Фрома была тысяча недостатков, но неосторожности среди них не числилось. На мачте днем и ночью дежурили дозорные. Их лодчонку должны были заметить, едва она показала нос из-за последней излучины, и рыжие волосы Гвенны или то, что от них осталось,

должны были узнать издалека, но смотревшие на них сверху казались нервными, а пахли того хуже.

– Вернулись кеттрал! – крикнула она наверх. – Шарп и Френча. У нас раненая.

Она подняла весла на борт и, не дожидаясь ответа, взвалила Квору на плечи. От движения у той сползла одна повязка. Ткань черной формы пропиталась горячей скользкой кровью.

– Сама влезу, – выдавила Квора.

– Ты хоть держись, и на том спасибо, – отозвалась Гвенна, взбираясь по трапу.

Она и с грузом на плечах мигом оказалась на палубе. Солдаты, когда она перекинулась через перила, уставились на нее недоуменными собачьими глазами. Их смтение было понятно: ждали возвращения пятерых кеттрал на огромной птице, а не двух с половиной на краденой лодке. И все же должен же был часовой их предупредить.

– Цельтесь в другую сторону, поганцы! – рявкнула Гвенна и ткнула пальцем в первого попавшегося. – Ты! Отнеси Квору к врачу, а ты загрузи в лодку пайки и полный пакет первой помощи. И заодно веревки – самые легкие и крепкие.

– Что случилось? – выговорил один из солдат. – Где птица?

Гвенна пропустила вопрос мимо ушей: и отвечать было некогда, и слова не шли с языка. Она просто сунула ему в руки Квору:

– К врачу! – и оттолкнула его плечом, направившись к носовому люку.

Ее каюта – крошечная, на двоих с Анник – располагалась на нижней палубе у самого носа. Она проворно соскребла с лица жирную сажу, сменила черную форму на местный наряд, срезала клочья опаленных волос, проверила клинки, пристегнула к поясу новый набор взрыв-снарядов. И уже двигалась к двери, когда вошла Анник.

– Фром ждет объяснений, – сказала она, пополняя свой колчан.

– Пошел Фром на хер.

– Фром адмирал.

– Я знаю, в каком он чине, Анник. Подождет. Нам пора выдвигаться, чтобы к ночи занять позицию.

Малость удачи, и адмирал Фром сидел бы в своей каюте, обдумывая наилучший порядок действий и предписания, и ждал, когда Гвенна сама к нему явится. Чуть больше удачи понадобилось бы, чтобы он узнал об их отлучке, когда они с Анник были бы на полпути к Домбангу. Конечно, припомни она, как сегодня идут дела, не полагалась бы на удачу.

Вынырнув на солнечный свет, Гвенна сразу увидела надвигающегося на нее адмирала. По сторонам от него держались двое арбалетчиков – охрана. Без охраны адмирал и шагу не делал.

Гвенна всегда считала, что адмирал похож на слизняка, а не на аннурского командующего. Пухлый, приземистый, вечно лоснящийся от пота. У его темной кожи был необычный оранжевый отлив, и глаза на плоском лице казались вечно навывкате. Вышагивая по палубе, он ттился возместить все это вздернутым подбородком и оскаленными зубами, но Гвенна чуяла его неуверенность и вытекающую из неуверенности злобу.

– Командир крыла Шарп, – провозгласил он (этот человек никогда не говорил попросту; он провозглашал, вещал или опровергал). – Куда это вы собрались?

Гвенна через плечо оглянулась на Анник.

– Я с ним разберусь, – тихо пробормотала она. – Давай в лодку. Будь готова отдать швартовы.

Лучница кивнула и сдвинулась к перилам, а Гвенна повернулась навстречу адмиралу.

– В Домбанг, – ответила она.

Он нахмурился. Если бы сдвинутые брови были оружием, адмирал бы давным-давно взял город.

– Дозорные сообщили, что вы только прибыли из Домбанга.

– И возвращаюсь обратно. Я оставила там бойца.

– Где ваша птица?

– Погибла.

– Погибла? – захолопал глазами адмирал.

Гвенна задушила в себе бессильную ярость.

– Задание провалено. Я потеряла Джака и Короля Рассвета. Талал или убит, или в плену. Я возвращаюсь узнать.

– Кеттрал мертв?

– И Талалу недолго осталось.

– Император, да воссияют дни ее жизни... – Он сбился, облизнул губы, ковырнул пальцем лампас, затем наконец сказал: – Король Рассвета был последним кеттралом Аннура.

– Охренеть новости.

Адмирал опешил:

– Как вы допустили подобное?

– Это имеет значение?

Фром вытянулся во весь рост:

– Да. Имеет значение, каким образом вы потеряли самое ценное оружие империи. – Он ткнул пальцем в палубу у себя под ногами. – Если бы я потерял «Льва Аннура», меня бы, несомненно, призвали к ответу.

– Ну, вы ведь не собираетесь его терять? Болтаетесь на якоре, пока другие сражаются...

Адмирал побагровел. Глупо было его дразнить, но и все происходящее было глупо. Она не собиралась с ним препираться, пока зеленые рубашки пытаются Талала.

– Отставить, командир Шарп, – распорядился Фром. – Извольте вернуться в свою каюту, написать рапорт о происшедшем и подать его мне, прежде чем будут предприняты дальнейшие шаги.

Вся военная стратегия адмирала сводилась к составлению и чтению отчетов и рапортов.

Гвенна как могла притупила острие ярости.

– Адмирал, у меня человек остался во вражеском тылу. В плену.

– И кто в этом виноват? – осведомился Фром, раздувая ноздри.

– Я, адмирал. Потому и собираюсь это исправить.

– Обсудим это после того, как вы представите рапорт, – покачал головой адмирал. – Я полагаю, командир Шарп, что происшедшее объясняется излишней спешкой и недостаточной продуманностью. Я не допущу повторения этих ошибок.

Гвенна заставила себя сделать вдох, за ним еще один и третий. Вся беда, что разговор происходил на палубе, а не в адмиральской каюте. Кругом было полно моряков и солдат. Никто не отрывался от дела, но все работали так медленно, словно свернуть бухту каната или отскреести палубу стало вдруг тонкой работой, требующей великого терпения и полной сосредоточенности. Все вслушивались в спор адмирала с кеттрал, и Фром не забывал, что его слушают.

– Вы правы, адмирал. – Гвенна сумела проглотить несколько слов, а с ними и подступившую к горлу желчь. – Вы совершенно правы. И я составлю рапорт о своем провале немедленно после возвращения.

Она уже решила, что справилась. Фром коротко кивнул, шевельнул губами – на другом лице эта гримаса сошла бы за глубокую задумчивость. Но, бросив взгляд через плечо, он увидел в зоне слышимости два десятка человек, приосанился и покачал головой.

– Нет, командир Шарп, боюсь, что нет. Нет. Рапорты нужны для того, чтоб, в случае если вы не вернетесь, знать, куда направить следующую группу.

– Следующей не будет. На этом корабле одно крыло кеттрал...

– Крыло? – Он поднял брови. – Вы потеряли птицу и двоих солдат. Не вижу здесь крыла кеттрал.

– Случается, на заданиях не все идет гладко. Задача командира крыла состоит в том, чтобы исправлять ошибки.

Как будто можно вытащить стрелу из живота Джака. Как будто можно пришить отрубленную голову. Как будто можно вернуть прошлую ночь, влить кровь обратно в жилы, восстановить сгоревший мир, отменить все ее ошибки.

Фром снова поднял голову:

– Вы же и провалили задание. С какой стати мне посылать вас обратно?

– А кого вам еще посылать?

– У меня есть люди в городе, – неопределенно махнул он рукой.

– У вас есть сеть шпионов, подобранных по выговору, цвету волос и оттенку кожи, чтобы не выделялись среди местного населения. Никто из них не вытаскивал пленных.

Адмирал до хруста сжал челюсти.

– Я не стану обсуждать этот вопрос, пока вы не представите рапорт.

Гвенна открыла и закрыла рот. Как будто мало ей было потерять половину крыла. Похоже, по собственной тупости и несдержанности она упустила возможность вернуться за уцелевшим.

– Адмирал...

Голос ей самой показался чужим – умоляющим, растерянным. Она возненавидела себя за тон, но что такое еще одна капля в море самоуничтожения, в котором она тонула?

– Иногда успех от поражения отделяют не дни, а минуты.

Она чувствовала, как утекают эти минуты – точно кровь из раны.

Гвенна оглянулась. Анник не было видно, значит та, вероятно, уже в лодке. Гвенна смерила взглядом расстояние до перил и снова повернулась к Фрому. У его людей арбалеты, но в нее они вряд ли станут стрелять. Она неудачница, а не изменница.

Адмирал скроил мину, долженствующую вызывать к рассудку.

– Я отправлю в город гонца с донесением.

– Этого мало, адмирал, – ответила она. – Извините.

Она протиснулась мимо разинувшего рот Фрома, кивнула на ходу солдатам, в шесть шагов пересекла палубу, опрокинулась за перила и упала в лодку под бортом. Суденышко покачнулось. Анник, как она и думала, уже сидела на носу в готовности отдать концы. Гвенна опустила на среднюю скамью и взялась за весла.

И, только подняв голову, поняла масштаб своей ошибки – последней ошибки. Фром стоял над бортом, оскалившись и тыча пальцем ей в лицо. Охранники по обе стороны от него нацелили арбалеты. От них несло страхом и смятением, но, стреляя на трех шагах, сверху вниз и с опорой на перила фальшборта, не надо быть кеттрал, чтобы поразить цель.

– Гвенна Шарп! – взревел Фром. – Приказываю вам вернуться на палубу!

– Некогда, – покачала она головой.

Он открыл рот, застыл, осознал, что пути назад нет, и выговорил:

– Вы не оставляете мне выбора. За открытое пренебрежение долгом, неподчинение и нападение на офицера я освобождаю вас от должности.

В двенадцать лет Гвенну подстрелили на учениях в мангровых зарослях. Ранивший ее кадет перепутал «глушилку» с бронебойным наконечником, и стрела проткнула ей ногу чуть выше колена. Она запомнила, что ощутила не боль, а давление, и долго разглядывала торчащее из мышцы древко и сочащуюся из раны кровь. Она понимала, что ранена, яснее солнечного света видела пробитую кожу... и все равно не верила. Целая минута прошла как во сне, словно стоило закрыть глаза, открыть их заново – и окажешься невредимой.

И сейчас было так же.

Она понимала каждое слово, просто не могла применить их к себе.

Пренебрежение долгом...

Освобождаю от должности...

Слова имели свое значение, но значили и кое-что еще, похуже. Теперь, когда они прозвучали, она не может вернуться в Домбанг, разыскать Талала, исправить хоть малость из того, что натворила.

Значит, они не прозвучали.

Краем глаза Гвенна видела, как Анник выпустила из рук швартов. За лук она не взялась, ей это было ни к чему. На этом корабле все видели, как она стреляет по мишени. Все знали, на что она способна. Наверху, считая только тех, кто стоял у перил, против них было четверо к одному. Кеттрал не прикасались к оружию. И все же лица солдат стали масками ожидающих смерти. Совсем молодые, они не бывали в кровавом деле, их занесло далеко от дома в опасную местность. Они собирались сражаться с изменниками и бунтовщиками, а не с легендой Аннура. Кто-то намочил штаны. Горячий едкий запах повис в застывшем утреннем воздухе.

– Отставить! – снова заговорил Фром. – Это приказ!

Судя по всему, он готов был броситься на палубу собственного корабля при первом ее движении.

– У меня в руках весла, – сдержанно проговорила Гвенна, кивнув на свои ладони, – а не мечи. Мы на одной стороне.

– Сейчас же выходите из лодки, или я прикажу стрелять.

Гвенна медленно, ровно вдохнула. Она чуяла Анник – тонкую прожилку ее гнева, вбитую в ледяное спокойствие. Она чуяла ужас солдат: уксус и ржавчину. Она чуяла бессильную ярость Фрома и приторную вонь речного ила, зелени тростников, плещущей о борт ее лодки воды.

Скорее всего, они могли бы уйти – и она, и Анник. Нырнуть за борт, проплыть под кораблем, скрыться в камышах... но с чем тогда они останутся? Наедине с пауками, змеями, крокодилами и ягуарами, без лодки, без припасов, на десяток миль в глубине дельты, в десятке миль от моря. Одни рыбы порвут их на ленточки, а если они и выживут, до Домбанга добираться не один день, а в эти дни Талала подвергнут пыткам, может быть, убьют. Она представила его привязанным к столу; над ним склоняются верховные жрецы, в его тело впивается раскаленная докрасна сталь, раз за разом слышатся вопросы, на которые он не ответит иначе как воплями.

Она, как во сне, подняла руки.

Все было ненастоящее: солнце на лице, пылающая в плече боль, опасливый взгляд Фрома, стук собственного сердца. Она еще миг верила, что вот-вот проснется, что с Талалом все хорошо, что со всеми все хорошо. Но не проснулась.

Медленно, чтобы не перепугать солдат наверху, она поднялась, влезла по трапу, скользнула через перила. Уже некуда было спешить. Фром хочет, чтобы она унижалась, – она будет унижаться, но прежде он заставит ее ждать. Чтобы каждый моряк и солдат на борту увидел, как она ждет.

– Связать ее, – приказал Фром, когда Гвенна ступила на палубу.

Люди колебались. С такими лицами они бы выслушали приказ прыгнуть в дельту и поплавать.

– Все нормально, – сказала им Гвенна, подставляя сложенные вместе запястья.

Она лгала. Совсем это было не нормально, но обстоятельства не допускали сопротивления.

После долгой паузы солдат шагнул вперед со стальными наручниками в руках. Не их вина, что они служат под командой Фрома.

Через его плечо Гвенна взглянула на адмирала.

– Это действительно необходимо?

Он встретил ее взгляд и вздернул подбородок.

– Отведите ее в карцер.

– Мне очень жаль, командир, – бормотал солдат, застегивая на ее запястьях холодные браслеты.

– И мне, – ответила она. – И мне.

* * *

Карцер был – глянуть не на что: три крошечные каморки в глубине трюма. В той, в которую впихнули Гвенну, можно было только сесть спиной к переборке, да и то поджав колени. Ни встать, ни лечь, ни вытянуться. Ей вспомнились деревянные клетки, в которых на Островах отработывали действия в плену. Она как-то провела в такой целую неделю – под дождем и струями мочи. Да и самой приходилось ходить под себя. Все кадеты соглашались, что хуже недели в клетке ничего не бывает, но что они понимали, кадеты? Из клетки хоть солнце было видно. И ветер чувствовался. И когда тебе мочились на голову, ты видела человеческие лица. А в карцере стояла чернильная тьма, удушающая жара и воняло застарелым страхом и расканием.

Хуже того, здесь не на что было отвлечься. Не с кем драться, некого выносить из огня; ни налечь на весла, ни надерзить начальнику – в темноте нечего делать, кроме как смотреть в глаза своему поражению, заново перебирать все решения. Если бы она иначе вела поиск. Если бы остерегалась «звездочек». Если бы приказала идти в Бани пешими. Если бы удержала Джака. Если бы первым вытолкнула наружу Талала... Она вглядывалась в эти иные миры, как оголодавшая нищенка заглядывает в открытые двери недоступного для нее трактира.

Корабельная рында отбивала вахты: утренняя, полуденная, собачья вахта, ночная, утренняя, полуденная...

Никто не принес ей воды. Язык распух. Рану на плече жгло и дергало, потом она успокоилась. Гвенна поймала себя на том, что от нечего делать щупает отекающие ткани, нажимает, лишь бы почувствовать боль, и заставила себя бросить это занятие. Она ловила слухом голос Анник, потом голос Фрома, но до нее долетали только бессмысленные обрывки разговоров. Затекшие мышцы свело судорогой, стянуло болью, словно их отдирали от костей. Ей представилось, как рвут на части Талала, как палачи, добываясь ответов, медленно режут его на куски.

– Как жаль, – шептала она в темноту. – Святой Хал, как жаль.

Слова на языке были мертвыми, тухлыми. Чего стоят ее сожаления? Что они исправят? Ничего. Ничего не стоят и ничего не исправят.

Гвенна попробовала чуть распрямиться в тесном ящике.

Кто-то завозился с замком, и слабый серый свет ожег ей глаза. Сощурившись, она повернулась к двери, различила два мужских силуэта (солдат, может быть тех же, кто конвоировал ее вниз), а за ними в темноте – прямого как палка адмирала Фрома.

Она открыла рот, чтобы заговорить, но растрескавшийся язык не справился со словами.

– Он мертв, – нарушил затянувшееся молчание Фром. – Тот ваш боец. Тот, что попал в плен.

Он не назвал Талала по имени.

Гвенна вытаращила глаза. Сознание не принимало этой мысли. Домбангцы должны были пытаться пленного кеттрал, но не убить – не сразу, не раньше чем вытянут из него все, что смогут... Они бы держали его живым много дней, недель...

– Нет, – выговорила она.

Адмирал угрюмо кивнул.

– Верховные жрецы казнили его сегодня на рассвете на ступенях Кораблекрушения. Сильный мужчина с темно-коричневой кожей, бритоголовый, весь в шрамах.

Он вглядывался в Гвенну, чего-то ждал. Видя, что она не шевельнулась, покачал головой.

– Он погиб, и это ваша вина. Я прекращаю поход. С ближайшим отливом мы уходим в Аннур, где вы ответите перед императором, да воссияют дни ее жизни, за все свои губительные ошибки.

Гвенна молчала. Не шевелилась. Дверь карцера захлопнулась.

У нее на коленях что-то дернулось. Собственные кисти, сообразила она. Теперь, когда им нечего было держать: ни меча, ни снаряда, ни раненого товарища, – руки тряслись. Она уставилась на них. Даже в темноте корабельного карцера она различала их, только не узнавала. Она привыкла считать свои руки сильными, а эти сильными не выглядели. Они походили на хилых раненых зверьков, которые приползли сюда, в темный угол, подальше от всего мира, чтобы умереть.

3

Трудно ему пришлось с этими парнями.

Двое держали Рука за запястья, а третий – такого и в амбарную дверь не пропихнешь – нависал над ним, хмуро разглядывая свой кулак.

– Гляди, чего натворил, – заговорил он наконец, предъявляя ссадину на костяшках.

Рук сквозь кровь и туман в глазах попытался рассмотреть.

– Гляди! – завопил второй, схватив его волосы в горсть и вздергивая голову, а потом пригибая лицом к самому кулаку, будто предлагал его поцеловать.

– Твой вонючий зуб рассадил мне руку. – Главный склонил голову набок. – Что скажешь?

– Сожалею, – не поднимая глаз, буркнул Рук.

«Прощу тебя, Эйра, владычица любви, – взмолился он, – дай мне сострадания».

Кое-кто из жрецов уверял, будто каждый день беседует с богиней, но Рук, повиснув в руках этих ненавидящих его мужчин, слышал только дробь дождя по мосту, по черепице крыш, по воде – дождь шумел, почти заглушая шаги проходящих мимо людей и скрип весел в уключинах под мостом, и все остальное, кроме его хриплого, натужного дыхания.

Слишком сильный дождь...

Этот, с разбитым кулаком, ударил его столько раз, что в голове мутилось. Рук чувствовал, как уплывают мысли, и нечем было их привязать.

Слишком, слишком сильный дождь...

Жаркий дождливый сезон, джангба, должен был миновать несколько недель назад, с равноденствием, но буря, не считая двух коротких прояснений, не унималась. Солнцу полагалось бы пылать, а в небе светился бледный зеленоватый диск, вроде сна о солнце. Тусклый, неосязаемый.

Зато дождь был даже слишком осязаем. Он обладал собственным весом. Конечно, не отдельные капли, безобидно расплескивавшиеся по мостам и дощатым переходам, стекавшие по глиняным черепицам в десять тысяч домбангских каналов, а понятие дождя: несчетные мокрые дни, навалившиеся на город и давившие, давившие, давившие – мягко, но неотступно, миллиардом неумолимых пальцев, так что даже исконные обитатели дельты, пережившие сорок или пятьдесят дождливых сезонов, начинали сутулиться и горбиться, словно взвалили тяжесть дождя на свои плечи.

По каналам плыл мусор, вода заливала причалы и рынки. Первый остров наполовину ушел под воду. Мост в Запрудах обрушился. К востоку от Верхов смыло квартал доходных домов, а занесенная столетним илом Старая гавань снова стала походить на гавань, с нелепо торчащим посередине Кругом Достойных – вода со всех сторон подступила к гигантской арене. Домбанг за столетия существования так разросся, что легко забывалось: весь город с его мостами, причалами, набережными был выстроен на илистых и песчаных отмелях. А сейчас в разбегающихся мыслях Рука вставал образ тонущего Домбанга: уходящих под воду черепичных крыш с резными «хранителями» и ветра, веющего над пустынной дельтой на месте древнего города.

Если бы этот дождь хоть огонь залил...

Если бы дождь залил огонь, Пурпурные бани бы не сгорели. Если бы не сгорели Бани, не начались бы беспорядки. Если бы не начались беспорядки, тот человек, что сейчас орал ему в лицо, прошел бы мимо.

– Эй! – Короткая пощечина привела его в чувство. – Разговор еще не окончен, ты, тухлоед. Разве я сказал, что разговор окончен?

Рук с трудом навел взгляд на его лицо, увидел, как запекается в нем исчерна-багровый жар нарастающей ярости.

– Он тебя спрашивает! – крикнул другой, встряхивая Рука за волосы.

– Нет, – выдавил Рук, – не закончен.

Третий, стоя с другой стороны, молчал – с начала стычки слова не произнес, – но его пальцы кандалами сжимали запястья Рука, и на насилие он смотрел с пугающей жадностью.

Лупила, Вопила и Молчун. Мрачная троица.

– И что ты можешь сказать? – терпеливо добивался Лупила, снова предъявляя разбитый кулак. – Насчет моего кулака?

– Извиняюсь, – ответил Рук.

Лупила кивнул, словно того и ждал, словно иначе и быть не могло. И снова насупился.

– На царапину мне плевать. – Он передернул плечами. – Каждый день похуже бывает.

Он уставился на свою расшитую шрамами руку.

– Меня зараза волнует. Я слышал, такие вот тухлоеды разносят заразу.

Вопила присунулся поближе:

– А я слышал, что они и говорить толком не умеют. Лопочут по-своему, по-тухloedски. «Иа тра. Чи-чо-ча». – Он расхохотался собственной шутке высоким пьяным смехом и тут же подозрительно прищурился. – А ты, во имя Трех, где выучился говорить?

– Я не вуо-тон, – ответил Рук. – Я здешний, городской.

– Ну это ты, я вижу, врешь, – замотал головой Лупила и поддел пальцем ворот промокшей рубахи Рука, открывая протянувшиеся по плечу татуировки. – Так размалевываются одни тухлоеды.

Эти татуировки – черные штрихи, тонкие, как молодой тростник, – почти всю жизнь спасали Рука от подобных «бесед». Жители Домбанга веками остерегались вуо-тонов. Мало кто из горожан решался сунуться в окружавшую город дельту, а вуо-тоны проводили в этих лабиринтах изменчивых протоков и тростниковых зарослей всю жизнь; обитали среди ягуаров и крокодилов, среди стай квинр и гнезд смертельно ядовитых змей, среди пауков, откладывающих яйца в тела людей и животных. Погибнуть в дельте было проще простого, и горожане обходили стороной тех, кто умудрялся в ней не пропасть.

Обходили – до переворота.

Одним из последствий кровавой жажды независимости стала вот такая ненависть. Все непохожее, все чужое – не тот оттенок кожи, не такие волосы, странный выговор... – все могло подвести человека под побои, если не хуже. Нетрудно было понять подобное отношение к аннурцам: население с радостью избавилось от двухвекового ига империи и свирепо защищало обретенную свободу. Однако эта праведная ярость, наподобие реки после долгих дождливых недель, подступала к берегам, подрывая старые дамбы человеческого сочувствия, пока те не рухнули. Перебив, выдавив из города или загнав в подполье аннурцев, Домбанг напустился на маленькие общины антеранцев, потом на манджари, требуя от них той же покорности, в какой раньше пребывал сам.

После первых жестоких чисток насилие постепенно стало спадать. И сейчас убивали людей, дырявили лодки, сжигали до уровня воды дома, хозяева которых провинились лишь неподходящим именем или разрезом глаз, но в общем и целом ходить по городу было не так опасно. Пока кто-то не вздумал спалить Пурпурные бани.

Поджог за одну ночь возвратил город к прежней дикости, и на этот раз насилие не обошло и вуо-тонов.

Хотя он-то был не вуо-тон.

– Я вырос в дельте, – сказал Рук, – но предпочел жить здесь, в городе.

Вопила в явном замешательстве покосился на Лупилу. Вуо-тоны никогда не покидали дельту. Дарованная страна вросла в их плоть наравне с почитанием Трех.

Но Лупила только сплюнул:

– Ясное дело! Подобрался поближе. Затаился. Чтобы жечь наши дома, пока мы спим.

Слухи большей частью приписывали нападение аннурцам, но люди были не в настроении разбираться. Вуо-тон или Аннур – кто-то дерзнул напасть, а под руку попался Рук.

Лупила снова сплюнул, прямо в лицо Руку, и врезал ему кулаком под дых.

Рук чуть не задохнулся от боли. Втянув наконец в себя воздух, сделав пару вдохов, он открыл глаза и заставил себя взглянуть на ударившего его сукина сына – взглянуть по-настоящему.

«Прошу, богиня, помоги мне увидеть в чудовище человека».

Это были плотогоны – судя по орудиям, которые они отложили в сторону перед избие-нием: крюки, шесты, пару здоровенных клещей. Работа у них во всякое время опасная, а при затяжных дождях особенно. Домбанг строили из бревен, срубленных выше по течению и сплав-ленных вниз по реке Ширван. Без дерева не стало бы ни лодок, ни зданий, ни мостов – не стало бы самого города. А потому плотовщики и в дождливый сезон не прекращали работы. При каждом сплаве кто-нибудь погибал, задавленный между бревнами или затянутый под плоты. Иногда тела выносило в город. Чаше они пропадали бесследно, пожранные миллионами зуба-стых обитателей дельты.

Рук всматривался в лицо Лупилы, проникая взглядом за ярость и жажду насилия.

Даже в этот ранний час от него тянуло квеем – от всех них тянуло. Видно, пили всю ночь.

И тут наконец, словно по мановению незримого пальца богини, у Рука открылись глаза.

– Я, – сказал он, – сожалею о гибели ваших друзей.

Верность его догадки подтвердил прищур Лупилы, и сжавшиеся пальцы Молчуна, и еще то, как Вопила, клонившийся все это время к самому лицу Рука, так что тот чувал квей и слад-кий тростник в его дыхании, отпрянул вдруг, как от удара.

«Понимание открывает врата любви», – гласила четвертая заповедь Учения Эйры; Рук начал понимать их гнев.

– Что ты знаешь про наших друзей? – помолчав, сердито спросил Лупила.

– Ничего, – ответил Рук.

Каждое слово давалось ему с болью, но лучше боль, чем другое.

«Любовь чурается легких путей, – напомнил он себе. – Она шагает по лезвиям кинжалов, ступает по углям. Ее сила в смирении».

Ему долго пришлось учиться смирению. Иногда, как сейчас, он боялся, что так и не выучился.

– Я ничего о них не знаю, – сказал он, отстраняя лишние мысли, – кроме того, что они были солдатами и погибли, отстаивая Пурпурные бани, защищая Домбанг. Город в долгу перед ними. Мы все перед ними в долгу.

Всего на миг ему открылось, каким видели мир эти люди. Купцы и жрецы, корабельщики и портные жили под защитой бревенчатых стен, в то время как плотогоны, рыбаки и солдаты рисковали всем, поддерживая жизнь города. Рисковали всем и, если правду говорили о бойне в Банях, иногда теряли всё.

И пусть в Домбанге никто не был в безопасности. Пусть со времени переворота каждого корабельщика или швею могли привязать к мостовой опоре и оставить на смерть, если сосед подслушал, как те шепчутся о запретном, молятся не тем богам, обращаются не к тем жрецам.

Пусть до сих пор, спустя годы после казни последнего аннурского legionera, людей среди ночи выволакивали из домов и увозили в дельту на съедение зверью трактирщика за то, что когда-то слишком приветливо встречал аннурцев; женщину, имевшую неосторожность полюбить солдата...

«Пусть все так, – сказал себе Рук. – Нельзя ненавидеть человека, однажды взглянув на мир его глазами».

Прошлой ночью погибли домбангские солдаты, десятки солдат. Может быть, друзья детства этих плотогонов. Или любовники. Мало того, плотовщики и сами едва ли проживут еще пять лет. Сплавать бревна по Ширван – зверский труд. Избившие его в кровь люди, вероятно, встретят свою смерть, угодив между плотами, захлебнувшись, попав под стрелу аннурского снайпера, или от змеиного укуса – в этом сезоне, или в следующем, или еще сезоном позже. Они чувствовали это нутром. Избивая его, причиняя боль, они напоминали себе, что еще живы. Рук лучше, чем ему бы хотелось, понимал, какая яростная жажда жизни пылает под личиной насилия.

– В долгу... – протянул, раскачиваясь на пятках, Лупила.

Рук кивнул:

– Долг этот неоплатный, но позволь мне предложить вот что. – Он указал подбородком на свою насквозь мокрую одежду. – В кармане нока у меня несколько серебряков. Примите их вместе с моей благодарностью. Помяните за меня отважных погибших друзей.

Посмотреть на них, едва ли им пошла бы на пользу новая выпивка, но не жрецу Эйры наставлять людей, что им на пользу.

Вопила под бесстрастным взглядом Лупилы нашарил монеты. И, усмехнувшись щербатой улыбкой, поднял их к восковому свету.

– Тут самое малое на пару бутылок.

Рук почувствовал, как разжалась хватка на его запястьях, и позволил себе на миг понадеяться, что тем и кончится. Они возьмут монеты, найдут таверну, оставят его истекать кровью на мосту. Больше не будет побоев. Любовь победила другие, темные чувства, которые зрели в нем, толкая порвать их в кровавые клочья...

– Прошу, богиня, – забормотал он. – Пусть моя любовь к этим людям осветит мой взгляд, пусть они увидят ее, ощутят ее и уйдут.

Но если бы любовь всегда торжествовала над страхом, ненавистью и отчаянием, в других богах не было бы надобности.

– Жалкая пара монет! – Лупила смахнул деньги с ладони Вопилы. – По-твоему, жизни Долговязого Трака и Селедки стоят пары вшивых серебряшек?

Металл блеснул под дождем рыбьей чешуей. Плотовщик с презрением отшвырнул монеты за перила моста.

Вопила недоуменно нахмурился.

– Будь у меня больше, – искренне сказал Рук, – я бы дал больше.

– За них двоих не расплатишься и всем серебром Баска, – покачал головой Лупила.

Мужчина не шевельнулся, не изменился в лице, но от него вдруг ударило жаром горячее прежнего. Рук видел, как он горит – если это слово годилось для черного пламени, раскалившего его грудь, голову, кожу, так что дивно было, как не шипят падающие на них дождевые капли. Богиня любви наделила Рука множеством даров, но эта способность видеть жар брала начало в других, темных временах. В непогожую безлунную ночь он видел красноватые промельки летучих мышей, тусклые огоньки шныряющих в мусорных кучах за храмом крыс; прослеживал путь крадущихся по карнизам хищных кошек. Сквозь тонкие стены зданий он различал смутные очертания людей. Это красное зрение было дано ему не для любви, а для охоты, погони, убийства.

В ответ на жар Лупилы в Руке тоже вздымался жар – жажда насилия.

Плотогон вогнал кулак ему в живот. Рук сложился пополам и закашлялся бы, но Вопила вздернул ему голову.

– Думаешь, ты можешь расплатиться за жизни наших друзей? – взвыл он так, что слюна забрызгала Руку лицо.

Молчун придвинулся, округлил глаза, широко улыбнулся и медленно покачал головой. Они с Вопилой все еще держали Руку за запястья, но переместились так, что Рук, упав на колено и извернувшись, мог бы вырвать правую руку, с разворота рубануть Лупилу пониже локтя, сломать кость, отшвырнуть...

«Нет! – зарычал он на себя. – Любовь не платит мерой за меру».

Он отчаянно боролся со своей натурой.

«Ни болью за боль, ни яростью за ярость».

Рук вновь воззвал к богине, закрыв глаза, чтобы не видеть плотогонов.

Но в темноте под веками ему явилась не Эйра – совсем другая богиня, не имевшая ничего общего с любовью. Она взглянула на него золотыми глазами, молчаливыми, как солнце. Рук за всю жизнь не услышал от нее ни слова, но ей и не нужно было говорить. Он читал слова в ее упорном взгляде.

«Они – слабые твари, – сказала богиня. – Встань и погаси их жизни».

Удары сыпались на него – в голову, на плечи, под ребра.

«Не для того я растила тебя, – читалось в ее глазах, – чтобы ты пресмыкался перед слабыми тварями этого мира».

Кулак врезался ему в подбородок, рассадил губу о зубы. Рот затопила кровь. Ее вкус пробудил в нем голод.

«Ты охотник, – настаивала она. – Хищник».

Его омыло видение. Не видение – воспоминание: он, нагой, бежит через камыши с копьем в руке, пронзает ягуара, прыгает на раненого зверя, вгоняет наконечник ему в загривок, горячая кровь заливает ладони...

Рук слабо мотнул головой.

«Нет. Я жрец Эйры».

Она оскалила зубы.

«Эти трое тебя убьют».

«Значит, так тому и быть, – ответил он. – Любовь, которая внимает только своему голосу, не есть любовь».

Она еще мгновение смотрела на него, в отвращении кривя губы, затем отвернулась.

Он открыл глаза. Дождь и кровь мутили зрение, но он различал проходящих по мосту всего в нескольких шагах домбангцев: все гнулись под дождем, никто не замечал трех плотовщиков и избитого человека, обвисшего у них в руках. В Домбанге слепота служила щитом. Того, кто увидит насилие, оно может захватить.

Рук гадал, убьют ли его эти плотогоны. Забить человека насмерть голыми руками долгое дело, а они в жизненные точки не метили – ни в горло, ни по глазам, ни в солнечное сплетение. Если так и будут колотить, сломают ребро, а там и другое, третье. Рано или поздно обломки проткнут что-нибудь внутри – легкое или печень, и тогда он умрет.

Лучше умереть человеком, чем жить тупым зверем.

«Спасибо тебе, Эйра, – бормотал он, принимая новый удар в живот. – Спасибо, богиня. Спасибо, что дала терпение».

Богиня, как обычно, не отозвалась.

Зато из толчеи прохожих на мосту взметнулся другой голос, высокий, чистый, сердитый, – голос, знакомый ему лучше прочих.

– Прекратите!

Из толпы к ним шагнула Бьен Кви Гай, жрица Эйры: волосы отлакированы дождем, лицо залито струями, жилет мокрый насквозь; обнаженная рука тянется вперед, словно она одной протянутой рукой могла выручить Рука из беды. Конечно, утром она вышла из храма с проворным зонтиком. И конечно, увидела кого-то – сироту, или нищего, или злополучного старого пьяницу – и отдала зонт. Она всю жизнь отдавала.

«Не надо», – хотел сказать он, но сгустки крови забили слова.

Вопила прищурился. Лупила помедлил и неторопливо развернулся.

– Отпустите его, – велела Бьен.

Она плечом оттолкнула Лупилу и, схватив Рука за плечо, потянула его из хватки Вопилы. Женщина на голову уступала в росте самому невысокому из мужчин. Лупила мог бы поднять ее за пояс и перебросить через перила, но пока они только таращили глаза. Рук видал, как речные крысы замирали при виде извивавшейся в камышах змеи. Увы, плотовщики были не крысы, а Бьен – не ядовитая змея.

– Это пустяки, – выдавил Рук.

– Нет, не пустяки, – покачала головой Бьен.

– Они потеряли друзей.

– И потому вправе хватать невинных? Избивать их до беспамятства?

– Я еще в памяти.

«И не невинный», – добавил он про себя.

Лупила, справившись наконец с изумлением, взял Бьен за плечо и развернул к себе лицом.

– Он тебе кто?

– Он человек, – дрожащим от негодования голосом объявила Бьен.

Рук не знал, почему именно она не добавила: «Мы делим с ним храм, веру, иногда и постель» – потому, что плотовщиков это не касалось, или понимала, что ее любовь к нему только подстегнет их жестокость.

– Это Домбанг, – расхохотался Лупила. – В Домбанге люди только и делают, что умирают.

– Если он умрет, так потому, что вы его убили.

– Ну и что? – оскалился Вопила. – Трое рады жертвам.

Рук представил, как боги дельты вылавливают его разбухшее тело из протоки и раскладывают на отмели. На их лицах рисовалось только отвращение. Брезгливость к его неразбитым кулакам, к отсутствию зажатых в зубах ключев мяса, к явным свидетельствам, что он сдался без борьбы.

– Это не жертва, – покачала головой Бьен.

– Почему еще? – Лупила вдруг угрожающе понизил голос.

– На что богам вынесенный на берег труп?

– Когда я был мальчишкой, – заговорил Лупила, – мой отец годами откладывал монетки. Десять лет? Двенадцать? Пятнадцать? Он копил с моего рождения, выгадывал на еде, до дыр изнашивал одежду, а все почему?

Рук догадывался. Любая история, если проследить ее до конца, ведет к одному и тому же.

– Чтобы купить раба. Бледнокожего аннурского мальчишку лет четырнадцати-пятнадцати. На эти деньги отец мог бы снять нам новое жилье. Мог бы отправить нас с братом в аннурскую школу у Горшка. Мог бы купить лекарство от убивавшей мою мать легочной гнили, но не купил. Он купил раба, нанял лодку, отвез раба в дельту, перерезал ему горло и свалил в воду. Он сказал, что теперь Трое благословят нас. Я тогда впервые в жизни увидел его улыбку. Он сказал, что это большая жертва. Он потратил все, что имел. Рисковал быть повешенным аннурскими захватчиками. – Лупила склонил голову к плечу, прищурился на Бьен. – Скажешь, богам это было не нужно? Ты назовешь моего отца дураком?

– Где он теперь? – спросила Бьен. – Твой отец.

– Умер. – Лупила отвел глаза. – Раздавило плотами.

– Не похоже, что боги слышали его молитвы, – отрезала Бьен.

– А может, это потому, – ответил Лупила, взяв ее за шею, – что он мало пожертвовал?

Глядя на них, Рук почувствовал, что и у него перехватило горло.

Побои он мог перетерпеть. И даже свою смерть, если так нужно Эйре. Чего он не мог, это оставаться на коленях, когда убивают Бьен. Даже ради богини любви.

– Зря ты... – тихо заговорил он.

Вопила дал ему затрещину, но и сам смотрел с тревогой.

– По-моему, не дело бить девчонку, – заговорил он и дернул Рука за татуированное запястье. – Этот – тухлоед, а она просто...

– А она просто защищает тухлоеда, – угрюмо ответил Лупила. – Его защищает, а над моим отцом насмехается.

Бьен пыталась ответить, но плотовщик слишком крепко сжал ей глотку. Она кое-как тянула в себя воздух, но ее темная кожа покрылась болезненной синевой.

– Пожалуйста, не надо, – проговорил Рук. – Твой друг верно сказал: она тут ни при чем.

– Теперь при чем. – Лупила махнул рукой на мост. – Сколько народу мимо нас прошло?

Рук промолчал. Лупила, отвлекшись, ослабил хват. Прямо у него за спиной у перил стояли большие стальные клещи, какими цепляют бревна, – длиной в руку, со страшными крючьями на концах. Крючья впивались в свежую древесину, и нетрудно было вообразить, что случится, если вогнать их в глаз. Нетрудно было вообразить, как скорчится человек, как брызнет горячая кровь, как тело обмякнет в смертной судороге.

Рук мог это не только представить. Он мог вспомнить.

– Сотни людей, – сам себе ответил Лупила. – Сотни прошли мимо, не сунув носа не в свое дело.

Бьен выкатила глаза. Губы раздулись. Она слабо попыталась разжать пальцы Лупилы и уронила руку. Она еще была в сознании, но уже теряла его.

Память детства разворачивалась в Руке, как змея после многолетней спячки. Согласно учению Эйры, даже такое насилие следовало встречать сочувствием и пониманием. Он мог умолять пощадить Бьен, но вера воспрещала ему поднять руку для ее защиты. Жрецы, погибшие без сопротивления, становились мучениками. Их кротость восхвалялась в анналах Учения.

«Худебрайт, как никто другой, понимал, что легко любить любящего тебя. Он пошел дальше. Когда ургулы убили его детей, он отпустил им вину. Когда они пронзили копьями его ладони, он благословил их. Когда они плевали ему в лицо, он тянулся навстречу, чтобы поцеловать их. Когда они бросили его на смерть в холодной степи, он до последнего вздоха молился за них».

Как видно, Худебрайт был куда лучшим жрецом, чем Рук Лан Лак.

Он вздохнул, глубоко загнал воздух в избитую грудь, проверяя, много ли повреждений. Боль горела огнем, но под болью, терпеливо ожидая приказа, залегли прежняя сила и ярость. Он хорошо помнил это чувство: неподвижность перед действием – и почти чувствовал вкус предстоящего.

Слезящиеся глаза Бьен, поймав его взгляд, чуть округлились. Губы ее шевельнулись, но не хватило дыхания взмолиться за жизнь плотовщиков.

Рук ощутил, как растягиваются в улыбке его губы, открывая кровавый оскал.

Иногда человеку приходится самому отвечать на свои молитвы.

«Прости меня, богиня», – сказал он про себя.

Он уже готов был взметнуться на ноги, когда в толпе зашумели. Торопливо, потупив взгляды, люди, которые сновали по мосту, стали замедлять шаг, вскрикивать. Руку подумалось было, что кто-то их все же увидел, что горожане в кои-то веки заметили насилие и решились

не пройти мимо. Но он быстро понял, что люди указывают совсем в другую сторону, и никто не отделился от толпы, чтобы остановить сжимающего горло Бьен мужчину. Нет, все смотрели на человеческую фигуру, едва различимую среди толпы и струй дождя.

Рук ловил обрывки разговоров:

– ...Иноземец...

– ...Белый, как молоко...

– ...Аннурец...

– ...В жертву богам...

Молчун прищурился.

Лупила нахмурился, развернулся к густеющей толпе, прикусил щеку изнутри и вдруг отбросил Бьен в сторону – так небрежно, будто ее жизнь не висела только что на волоске.

У Бьен подогнулись колени. Она кучкой мокрого тряпья распласталась на досках настила и хватала ртом воздух, как рыба без воды.

– Что там? – окликнул, вытягивая шею, Вопила.

– Похоже, что-то интересное, – отозвался Лупила. – Может, изловили аннурского прихвостня.

– А с этим что? – кивнул на Рука Вопила.

Лупила чмокнул языком, глянул искоса и врезал Руку кулаком в живот.

– Кому он нужен? – ответил плотогон, озирая скрючившегося, кашляющего кровью Рука. – Грязный тухлоед, даже драться не умеет. Пусть его.

Тем все и кончилось.

Плотогоны подобрали инструменты и скрылись в толпе, оставив на краю моста скорчившихся Рука и Бьен. Десять лет назад Рук, вероятно, удивился бы. Странно, как люди мигом забыли свои убийственные намерения, отвлекшись на зрелище и слухи. Но переворот показал ему, как прихотливо насилие. Ягуар будет выслеживать жертву, пока не убьет или не потеряет из виду, а люди не так постоянны. Человек, обнаживший меч из-за какой-то воображаемой обиды, может убить, а может и не убить. К убийству ведут тысячи путей, и тысячи путей от него уводят. Опыт Рука говорил, что люди отдаются на милость течений, которых толком не понимают. Тот, кто убивает без причины, так же легко забывает об убийстве.

Когда троица скрылась, Рук ощутил мимолетное сожаление. Боль в груди смешалась с чувством потери. Что-то в нем желало боя, желало вскрыть уродов от горла до брюха, увидеть, как вывалятся на мост потроха – блестящие веревки кишок...

Он оттолкнул от себя жестокое наваждение.

– Я жрец Эйры, – зарычал он на себя, – а не зверь из дельты!

Он произнес эти слова с большим жаром, но на языке остался привкус фальши.

«Если любви нет в твоём сердце, создай ее сам».

Он, преодолевая боль, подполз к Бьен, приподнял ей голову руками, прислонил к себе. Ее тепло впитывалось в рубаху вместе с кровью и дождем.

– Какие же, – срывающимся голосом проговорила жрица, – они засранцы.

– Просто мужчины, – напряженно усмехнулся он.

– Чего они хотели?

Рук покачал головой: чего всегда хотят мужчины?

– И ты тоже засранец, – добавила она, приходя в себя и обжигая его взглядом.

– Потому что меня побили?

– Потому что не сбежал.

– Меня учили любить своих врагов, – улыбнулся он, глядя на нее сверху вниз.

– Засранец и придурок.

– Я молился богине, – покачал он головой. – Она послала мне тебя.

Бьен приподняла руку,хватила его за загривок, притянула к себе и поцеловала.

– Воистину велика владычица любви, – пробормотал Рук.
– Надо возвращаться в храм, – ответила она, отпустив его и неуверенно поднимаясь на ноги. – Займемся твоими ранами.

Она потрогала его рассеченную бровь и нахмурилась.

– Заживет. – Рук указал на толпу у подножия моста. – Хочу посмотреть, что там происходит.

Бьен тяжело вздохнула:

– Не стоит бродить сегодня по улицам. После Бань... в городе опасно.

– Домбанг есть Домбанг.

Поколебавшись, она кивнула.

Рук был на голову выше большинства горожан, но и ему видны были лишь макушки да зонты. У моста собралось человек двести-триста, но многие, судя по их бормотанию, просто присоединились к толпе.

– Пособник! – крикнула старуха справа от них. – Помогал имперским мерзавцам.

Она была вдвое меньше Рука и наверняка видела только спины и задницы, но пальцем грозила с полной уверенностью.

– Не переводятся у нас эти крысы. Вчера одного повесили на мосту Тума... – Бабка захихикала. – Он чуть не все утро проплясал, пока уgomонился.

Рук, не слушая ее, пробивался вперед. Бьен отставала на полшага. У самого берега толпа вдруг исчезла, словно люди не смели переступить невидимую черту.

По ту ее сторону стоял на широких перилах моста мужчина. Сразу видно, не здешний. Слишком светлая кожа, и глаза, и волосы – скорее каштановые, чем черные, и падают на спину пышными волнами. Он мог оказаться аннурцем – среди граждан империи попадались светлокожие, – но не солдатом.

Аннурский солдат дрался бы, пресмыкался или пытался бежать, а этот стоял на перилах, как хозяин, блестел улыбкой, радушно распростерши руки навстречу толпе. Солдат был бы при оружии, а у этого оружия не было. Он был совсем голым, мышцы блестели под дождем...

«Нет, – поправил себя Рук, – не совсем голый».

Его шею туго охватывал широкий воротник наподобие ошейника, какой могла бы купить своей собачке богатая горожанка. Только по манере держаться не скажешь, что его можно водить на поводке. Если на то пошло, мужчина озирает толпу, готовую порвать его на куски, как если бы все эти люди каким-то загадочным образом были в его власти.

4

Бледнокожий иноземец, устроившись над бегущей водой, раскинул руки, устремил взгляд на толпу и стоял молча, будто его голое мускулистое тело говорило за него.

В Домбанге привыкли видеть наготу. Ежедневное купание вошло в обычай почти наравне с приемами пищи. По всему городу стояли общественные бани. Ребятишки плавали в каналах голышом, рыбаки после дневных трудов преспокойно скидывали одежду, чтобы дочиста отмыться в течении. На любой палубе или причале в любое время дня можно было увидеть более или менее раздетого человека, однако в наготе этого мужчины было что-то необычное, вызывающее. Он предъявлял свое тело как утверждение, как вызов.

– Ох ты... – пробормотала Бьен, пробегая взглядом по толпе.

– Любовь плоти – мелкая любовь, – процитировал пятую заповедь Рук.

Бьен покосилась на него:

– Поговорим, когда снова придешь скрестись в мою дверь. – Но, опять обернувшись к незнакомцу, она помрачнела. – Недолго ему так стоять.

Она была права.

Пока толпа только пялилась да роптала. Зрелище было до того странным и нелепым, до того неожиданным, что не успело еще разжечь недоверие и ярость наблюдателей. На мужчину глазели, как на редкостного зверя – медведя или лося. И его нагота, и молчание усиливали впечатление, – впрочем, молчал он недолго.

Пока Рук разглядывал незнакомца, по городу зазвонили утренние гонги – поднялся один бронзовый голос, за ним десять, сто, пока не задрожал сам влажный воздух. Звоном заглушило и дождь над мостом, и гул течения внизу, и отдельные голоса в толпе. Незнакомец запрокинул голову так, словно купался в звуках. Толстая веревка у него на шее дернулась, как живая. А когда содрогнулось и само небо, он заговорил:

– Благо вам, жители Домбанга!

– Благо вам? – изумился Рук. – Кто же так говорит?

– Покойники из книжек, – ответила Бьен.

– И, как видно, живые из тех мест, откуда он явился.

Она насупилась:

– Что у него за выговор?

Рук опять покачал головой. Слова звучали достаточно понятно, но слоги непривычно наплывали друг на друга, словно их переливали из сосуда в сосуд.

– Благо вам, братья по вере! – вещал мужчина. – Привет, хранители древнего пламени!

Он говорил с улыбкой и пробежал глазами по толпе с непринужденностью уверенного в хорошем приеме оратора.

– Благо вам – тем, кто поклоняется Троице!

По толпе пробежала тревожная рябь. Именно за свою веру пять лет назад Домбанг восстал против имперской власти. Аннур в большинстве уголков империи допускал и даже поощрял сохранение традиционных религий. По крайней мере, так утверждали моряки, когда моряков еще привечали в городе. Сам Рук никогда не бывал за пределами дельты, но моряки рассказывали о святилищах двух богов бури на Баске, о врезанных в камень идолах над Разби-

той бухтой, о храмах, выращенных в живых деревьях близ устья реки Байвел, где поклонялись духам леса. Аннур не почитал этих лесных духов и каменных идолов богами, но империя их терпела. Легионеры не разбивали статуй, не жгли святилищ. И не вешали тех, кто произнесет святое имя.

– Почему? – спросил однажды у жреца, жреца Эйры, Рук, который был тогда моложе и глупее: почти ребенок, силящийся сшить мир из разрозненных кусочков. – Почему аннурцы разрешают своих богов баскийцам, бреатанцам, раалтанцам, а в Домбанге – нет? За что они ненавидят Троиых?

– Все потому, – ласково потрепал его по плечу жрец, – что через почитание Троиых человек становится убийцей.

Его фраза, брошенная так просто, холодным лезвием вошла в живот Рука.

Она лишь подтверждала то, что он и так знал, и все равно он привычно возмутился:

– Жертва – не убийство!

– Нет ничего святого в том, – строго ответил жрец, – чтобы утащить в дельту больного, маленького сироту или пьяного и оставить там на смерть.

– Трое тут ни при чем. Троиим не нужны больные и дети. Для охоты и сражений им нужны воины.

Жрец, грустно глядя на Рука, покачал головой:

– Ты слишком долго прожил с вуо-тонами, дитя. Их вера, как и старинная вера нашего города, – вовсе не вера, а ненависть, насилие, кровь. Больше того, она стоит на лжи. Троиых не существует. Кем Анх, Синн, Ханг Лок – всего лишь имена, которые люди в давние времена дали самому дурному и мерзкому в себе – своему желанию причинять боль, унижать, убивать.

«Ошибаешься, – хотелось возразить Руку. – Не просто имена, и совсем они не мерзкие. Они так прекрасны, что больно смотреть».

Но скажи он так, жрец принялся бы расспрашивать, откуда такая уверенность, а Рук не нашел бы слов для ответа. У него были только воспоминания, сотни воспоминаний, тысячи – о золотых глазах Кем Анх, прижимавшей его к груди. О разбивающем змеинный череп Ханг Локе: вот он отдирает чешую и извлекает самую нежную часть – глаза, чтоб вложить Руку в крошечный жадный ротик. Вот они оба опускаются на колени в мягкий ил, чтобы высадить в черепа речные фиалки, вот он спит между ними, согретый теплом их дышащих тел.

«Ты ошибаешься», – хотелось ответить ему.

Но жрец, конечно, не ошибался. Вместе с воспоминаниями о цветах, тепле и свете хранились другие, нестираемые воспоминания о том, что творили боги и чему научили его, – они-то и изгнали его из дельты. Рук ощутил на своем лице горячий солнечный свет и брызги крови, крепче сжал рукоять ножа.

– Людьюми нас делает любовь, сынок, – сказал жрец.

И Рук, дитя города и дельты, усомнился в его словах так же сильно, как в них уверовал.

Жрец умер через несколько лет после того разговора, и вероятно к лучшему. Переворот опрокинул старый мир с ног на голову. То, что двести лет считалось скверной, вновь стало священным, а священное – несказуемым. Доживи жрец до этих времен, попытайся он проповедовать на улицах Домбанга после свержения империи, взбешенная толпа растерзала бы вестника любви за богохульство. Храм Эйры и ее жрецы уцелели в основном потому, что старались не говорить об Аннуре, о его богах и о Троиых. Самое благоразумное, что мог сделать чужеземец, переживший чистки и желавший и впредь остаться в живых.

Видно, человека на перилах никто об этом не предупредил.

– Лишь Домбанг, – вещал тот, – из всех городов на земле еще помнит старые обычаи, закон зуба и кулака, цветка и кости.

Он заслужил робкие аплодисменты. Слушатели колебались. Никому не охота, чтобы его заметили за поддержкой чужака, а с другой стороны, чужак вроде бы восхваляет Троиых и доб-

родетель их почитателей. Пожалуй, разумнее поддержать его речь, и поддержать явно. И все же очень многие в толпе надвинули на лица маски безразличия. У верховных жрецов имелись доносчики на каждой улице, а если и нет, переворот преподал каждому главный урок: твои соседи видят всё.

– Лишь Домбанг помнит ритмы земли и истину испытания. Память еще здесь, хотя бы и зыбкая.

– Не говорил бы он «зыбкая», – покачала головой Бьен.

– Лучше бы вовсе молчал, – добавил Рук.

– Я, Валака Ярва, рашкта-бхура хоти оружейников, любимец Владыки и гордый носитель его аксоча... – мужчина двумя пальцами тронул свой странный ошейник, – пришел к вам с приветствием, напоминанием и предостережением.

Он шире развел руки, словно приглашая в свои объятия весь Домбанг.

– Приветствие таково: благо вам! Приветствие от тех, кто держит нас в кулаке, чей сон порождает мир. Привет от Первого, вашего бывшего и будущего Владыки.

По толпе пробежал недоуменный ропот. Слова звучали достаточно разборчиво, но половина ничего для них не значила. Рашкта-бхура? Аксоч?

– Что еще за «хоти»? – не выдержал кто-то.

Мужчина улыбнулся шире:

– Меня предупреждали, что вы забыли, и потому я напоминаю: вы уже жили прежде, люди Домбанга. Вы прожили и утратили тысячу тысяч жизней. Вы жили и забыли, но Владыка откроет ваш разум. Он наполнит вас истиной о том, чем вы были, и, узрев ее, вы, народ Домбанга, хранители древнего обычая, вместе с нами станете служить его великой и святой цели.

Шепотки перешли в недовольное ворчание.

В толпе поднялись новые, более громкие голоса – так распускаются после дождя цветки растения под названием «сердце изменника».

– Пошел ты со своей великой и благородной истиной!

– ...Аннурская свинья...

– Домбанг никому, кроме Троих, не кланяется.

Посланец – Валака Ярва – кивнул, словно ждал такого взрыва, словно видел в собравшихся на мосту людях замороченных глупой сказкой детей. Он поднял руку.

– Трое достойны вашего поклонения, но они – не всё! Владыка содержит в себе Троих, и он выше их, шире их. Потому он и зовется Первым. Ваши боги перед ним – как луна перед солнцем. Он грядет, люди Домбанга, и вы увидите, что он подобен тем, кого вы чтите, но сильнее их, быстрее, мудрее, больше!

– Надо его вытащить, – сказала Бьен, взяв Рука за локоть.

Рук взглянул на нее:

– Как ты думаешь его вытаскивать?

– Не знаю, – ответила она, проталкиваясь вперед, – но еще десять фраз, и язык ему прибит гвоздями к перилам.

Прибитый к перилам язык при таких обстоятельствах можно было бы счесть благоприятным исходом. Во время чисток Рук видел, как с аннурцев сдирали кожу, привязывали к мостовым опорам и оставляли ждать прилива, резали на куски на приманку для крокодилов. Бывали вещи похуже, чем лишиться языка. И, судя по изменению настроения толпы, их недолго было ждать.

Не только Рук с Бьен проталкивались к перилам. Люди на мосту слились в туловище огромной змеи, мало-помалу охватывающей свою жертву. Этот идиот только потому был еще жив в распаляющейся толпе, что никто не собрался с духом нанести первый удар. Толпа держится, пока не сорвется. А уж тогда она не знает удержу.

– Подвинься, – покрикивала Бьен, пробиваясь вперед. – С дороги!

Жилистый коротышка – по одежде судя, рыбак – раздражено зыркнул на нее:

– В очередь! Здесь каждому нужен клочок от выроodka.

«Не каждому», – угрюмо подумал Рук.

Он как можно мягче поднял рыбака и, морщась от боли в ребрах, переставил в сторонку.

– Эй! – выкрикнула Бьен, оказавшись всего в нескольких шагах от перил. – Эй!

Она замахала руками над головой.

Балака Ярва повернулся, встретил ее взгляд и кивнул, как кивают просительнице. Он будто не замечал разгорающейся в толпе злобы и думать не думал об уготованной ему жестокой смерти.

– Спускайся! – Бьен махнула на мост. – Тебя убьют!

Рук, сдержав проклятие, ухватил женщину за плечо.

– Ничего не выйдет, – понизив голос, зашептал он. – Поздно. Ты сегодня уже спасла одного идиота.

– Любите кротких... – выпалила она, отбросив его руку.

– Нашла кроткого! Торчит голым на перилах и вопит на весь свет, что служит величайшей и святейшей в мире цели.

– Любите тех, кого мир осыпает ненавистью, отвергает и гонит...

– «Гонит» – слишком слабое слово, чтобы описать, что с ним сделают эти люди. И с тобой, если попробуешь его выручить.

Ее сегодня едва не убили у него на глазах. Он не готов был снова такое увидеть.

Мост вздрагивал от топота. Сотни гневных голосов врезались яростью в ненастное небо. Кругом вырастал лес стиснутых до хруста кулаков. Рук, обводя толпу взглядом, почти не различал лиц из-за горевшей яростным жаром кожи.

– Кем мы будем, если не поможем этому человеку? – со слезами накинута на него Бьен.

На язык просились сто ответов, тысяча. «Будем живыми, – хотелось выпалить Руку. – Слугами Эйры, а не кормом для рыб».

Спаси всех и каждого невозможно. Мятеж убил десятки тысяч, и ни Рук, ни Бьен даже не пытались их спасти. Дельта с малых лет внушила ему один урок: есть время драться, а есть – бежать. Камышовка не стыдится вспорхнуть при виде подползающей змеи. Даже крокодил отступает перед ягуаром. В плоть каждого существа вшит один простой и неизменный закон: «Выживи!» Ни один зверь не рискнет жизнью ради незнакомого существа, но ведь Бьен к тому и вела: она не зверь, и Рук, как бы ни провел детство, тоже.

– И наконец, – не унимался посланец; его взгляд посуровел. – Мое предостережение. Если вы не отбросите свое забвение, если залепите себе глаза грязью, если обратитесь спиной к истине... – Он глубоко вздохнул, будто наполнил грудь яростью и жалостью, и покачал головой. – Если вы отвергнете его, он уничтожит вас. Он разъемлет вас, как разъял множество больших, чем вы, и следующие жизни вы проведете червями и личинками, низшими из всех, кто когда-либо пресмыкался в ужасе на просторах этого огромного мира.

Он еще не окончил речь, когда из толпы вырвался здоровенный мужчина – Рук узнал Лупилу – и со злобной ухмылкой уставился на глашатая. Бьен, отчаянно вскрикнув, метнулась между ними. Ее спасла сумятица. В давке, среди дождя и шума, никто не разобрался в ее намерениях, приняв за исполненную праведного гнева горожанку. Только сумасшедший допустил бы, что она своим телом пытается заслонить незнакомца.

Лупила на нее даже не взглянул – еще одна удача, – а просто с бранью отпихнул в сторону. Бьен упала, но не сдалась: вцепилась ему в колени, как ребенок, упрасаивающий взять его на руки, словно забыла, что этот самый человек совсем недавно чуть не придушил ее.

Ничего глупее и отважнее Рука в жизни не видел. Эйра взяла его за горло, любовная хватка богини пересилила жажду жизни.

Он растолкал теснившийся вокруг народ, отшвырнул собственную боль, нырнул под выставленный вперед крюк плотовщика и в кипящей яростью толпе метнулся к перилам. Жрецы Эйры не были охотниками, следопытами, ловцами, но Рука с малолетства растили не жрецы Эйры.

Рук ударил голого в плечо, выбил из него дух и, когда тот сложился пополам, обхватил обеими руками и вместе с ним упал в кипящее внизу течение, подальше от смертоносной толпы.

5

– Милостью доброй Эйры!.. – выдохнула Бьен, бросаясь к ввалившемуся в дверь Руку. Ее лицо омывал красноватый свет фонарика из рыбьей чешуи. Страх – страх и гнев искажили черты. На миг она окаменела, а потом ее волной накрыло облегчение.

– Живой, – сказала она, коснувшись его щеки, словно проверяла себя.

– Живой, – согласился он.

Большого о таком помятом человеке сказать было нельзя. Рука била дрожь. Эхо ударов Лупилы отзывалось болью в груди и лице. Ребра слева при развороте дергало, из разбитых лба и губы капала кровь.

– Я только за фонарем зашла, как стемнело, – сказала Бьен. – Весь день тебя высматриваю.

– Извини, – отозвался Рук, стараясь осторожнее уложить на постель бесчувственного вестника. – Я делал все, чтобы меня не высмотрели.

– Как ты умудрился проскочить незамеченным? Город – что разворошенный муравейник. Каждый только и думает, кого бы убить.

– Долгая история. За Рыбный рынок проскользнул с плавучим мусором, но на Као, к востоку, было слишком шумно – не рискнул. Повернул вместо того на север, отсиделся дотемна в обломках храма Интарры, потом проплыл на восток в тени патрульного судна.

– Патрульного судна! – вытаращила глаза Бьен. – Поймай они тебя с ним, попал бы в Кораблекрушение или в Бани.

Рук тронул ее за плечо:

– Бани сгорели, забыла? А меня не поймали. И вообще, ты бы не обо мне беспокоилась. – Он кивнул на кровать.

Кожа у Валаки Ярвы стала восковой, пожелтела даже сквозь загар. Кем бы он ни был, а выглядел нехорошо. Ошейник докрасна натер ему шею, губы отливали мертвенной синевой. Сейчас они дернулись, словно раненый пытался заговорить, и снова замерли.

– Что с ним?

– Под водой торчала подпиленная опора старого моста. – Рук поморщился. – Когда я его сбросил за перила, он на нее и свалился. А я на него.

Он чуть приподнял вестника. Бьен ахнула. Гнилой обломок сваи вошел тому в спину, порвал кожу и поломал ребра. Из раны торчали темные щепки с палец длиной, постель уже пропиталась кровью. Раненый весь день не приходил в сознание, только бормотал обрывки угроз или пророчеств на неведомом Руку языке.

– Надо промыть... – сказал Рук, но Бьен уже взялась за дело: подхватила с ночного столика кувшин и таз для умывания и вернулась к постели.

Она обмакнула в воду салфетку для лица.

– Переверни-ка его.

Вестник, когда Рук переворачивал его на живот, издал слабый стон, потянулся куда-то слабой рукой и затих. Рана и сама была плоха, но главной опасностью грозило заражение. На западе, при впадении в Домбанг, протоки Ширван были чисты, но ближе к центру города кишели мухами и заразой. За себя Рук не волновался, несмотря на все ссадины. Он в жизни

не болел – еще один необъяснимый дар, вынесенный вместе с красным зрением из детства в дельте. Но вестник, если ему не помочь, почти наверняка умрет. И неизвестно еще, спасут ли его их заботы.

Бьен придвинула к кровати табурет и склонилась над раной. Одной рукой разводя края, другой она вытаскивала самые крупные щепки. Измазанные в крови и гное пальцы она рассеяно вытирала о простыни и продолжала работу. Жрица Эйры с малолетства заботилась о больных и раненых горожанах. И говорила она спокойно и собранно.

– Мне понадобится белый квей. Из лазарета. И гладкий тростник.

Рук кивнул, еще раз покосился на спасенного от толпы таинственного незнакомца и выскользнул за дверь.

Храм Эйры вместе с трапезной, спальным корпусом и лазаретом составлял большой четырехугольник. По стенам из темного тика вилась призрачная лоза, цветки этого растения, распускаясь к вечеру, наполняли горячий густой воздух ароматом. Двое молодых послушников зажигали длинный ряд красных рыбих фонариков. Выпотрошенные и высушенные тушки рыб просвечивали мягким оранжевым сиянием, будто в смерти эти хладнокровные создания обретали живое тепло. Строй разинувших рот рыбин словно плыл сквозь городской чад прямо к звездам.

Рук, стараясь не спешить, зашагал через двор.

Он уже был у лазарета, когда из двери, тяжело опираясь на трость, вышел знакомый – Старик Уен. Он всмотрелся в Рука белесыми подслеповатыми глазами и улыбнулся.

– Здравствуй, сын.

Для Уена все были «сыновьями», но сейчас обращение звучало теплее обычного. В двенадцать лет покинув дельту ради чужого города, Рук там никого и ничего не знал. Все, чему он выучился в камышах – охотиться, скрываться, подкрадываться, убивать, – в городе было ни к чему. Высокие здания теснили его, среди множества людей не хватало воздуха. В иные дни мальчику чудилось, что город его раздавит. Рук и теперь, пятнадцать лет спустя, помнил, как замирал испуганной норной крысой, чувствуя тяжесть города, тяготившую его грудь. Так складывалось, что в подобные минуты его всегда находил Уен. Старик выводил его на крышу над спальней, где было больше простора и воздуха; покуривая трубку, Уен ждал, пока отступит паника. Он никогда не задавал вопросов, будто понимал, что такой ужас нельзя высказать, а можно только перетерпеть. К двенадцати годам Рук смирился с отсутствием родителей – или хотя бы с тем, что никогда их не увидит. И все же ему делалось спокойней, когда Уен на него смотрел, замечал его, улыбался и звал сыном.

– Здравствуй, отец, – откликнулся он, остановившись в двух шагах от лазарета.

– Странный день.

Рук не дал себе измениться в лице, не напрягся. Он бы доверил Уену любую тайну, только этот двор был неподходящим местом, чтобы делиться секретами. В городе нашлось бы мало мест безопаснее храма Эйры, но это не значило, что здесь безопасно.

– Я слышал про какого-то безумца, – с оглядкой заметил Рук. – Голый человек на Весеннем мосту... По слухам, его убили, столкнули в реку и утопили.

– И я слышал. Кое-кто так говорил. А кто-то говорил, что его забрал вуо-тон. – Уен надолго замолчал, вглядываясь в Рука старыми глазами. – Или кто-то, похожий на вуо-тона, с татуировками. Утащил его в дельту.

Рук проглотил ругательство. Все произошло так быстро: один миг, чтобы сбить человека и нырнуть за ним – на мосту была такая сумятица, ливень слепил глаза... Можно было надеяться, что никто не заметит вытатуированных полос под манжетами его балахона.

– Мало кто верит в историю про вуо-тона, – спокойно заключил Уен.

– Зачем вуо-тонам безумный дурень?

– В самом деле. Сам я думаю, что того человека убили, как и остальных.

У Рука зачастил пульс.

– Остальных?

– Их по городу было не меньше десятка, – сурово кивнул жрец, – а может, и больше того. Один на Арене. Один в Пурпурных банях. На горе Безумного Трента. У Гока Ми. На Пивном рынке.

– Что им тут понадобилось?

– Все обращались с теми же словами: «Благо вам!» Кто-то толковал о Владыке или о Первом. Вступайте в его воинство... великая святая цель...

– И всех перебили?

Уен снова кивнул:

– Домбанг полон страха, особенно после бойни в Пурпурных банях. Пожалуй, жаль, что того, с Весеннего моста, не спас какой-нибудь вуо-тон. – Старик послал Руку острый взгляд. – Или кто-нибудь, похожий на вуо-тона.

Рук мягко коснулся плеча Уена:

– Лучше, чтобы эта история не пошла дальше, отец.

– Конечно, сын мой, – кивнул старик.

Не так много времени ушло, чтобы проскользнуть в лазарет и вернуться с квеем и гладким тростником, но Бьен, зажимавшая рану вестника своей чистой рубахой, уже потеряла терпение.

– Ты за квеем на Пивной рынок таскался?

Он передал ей кувшин и горшочек.

– Не хотелось привлекать внимание. О происшествии уже идут толки. И кто-то рассказывал, что вестника забрал вуо-тон.

Бьен бросила на него острый взгляд.

– Всего лишь слухи, – успокоил ее Рук. – Но я не хотел подкреплять их, бегая туда-сюда.

– Еще один довод против расписной кожи.

Едва она отняла наспех свернутый тампон, рана наполнилась кровью и гноем. Бьен откупила квей, пропитала напитком ткань и прижала ее к разодранной коже. Вестник забился – квей обжигал открытую рану еще сильнее, чем жег язык, – и выкрикнул несколько слов.

Бьен подняла глаза на Рука:

– Что это было?

– Не знаю. Он весь день пытался что-то сказать. – Рук выглянул в ночь за узким оконцем: на сотне крыш горели огни жертвоприношений, большие и малые. – Я говорил с Уеном: такие вестники, не меньше десятка, объявились по всему городу.

– Знаю. – Бьен еще раз промыла рану квеем и отставила кувшин. – Пока ждала тебя, наслушалась. Толкуют, одну такую перехватили зеленые рубашки, не дав людям совсем ее растерзать. Но и та умерла прежде, чем верховные жрецы приступили к допросу.

– Что, надо думать, рассердило верховных жрецов.

– Меньше, чем богохульники-чужестранцы в городе.

– Это у нас называется богохульством?

Бьен оглянулась на него:

– «Придет Первый, подобный тем, кого вы чтите, но сильнее и быстрее»? Да, у нас это так и называется.

Гладкий тростник был уже готов: разрезан вдоль сердцевины на длинные плоские полосы. Бьен взяла одну, прижала влажной мясистой стороной к разодранной коже вестника. Его счастье, если квей и тростник не дадут ране заискнуть. Бьен работала уверенно и проворно. Залепив рану листьями, она промокнула ее окровавленной рубашкой и замотала все свежей.

– Твой пояс, – потребовала она, протянув руку. – Ты усади его, а я закреплю повязку.

Стянув с себя пояс, Рук передал его Бьен и обхватил вестника за плечи. Он действовал как мог бережно, но когда приподнял раненого, у того вырвался бессловесный звериный вой, продолжавшийся несколько ударов сердца, – пока Рук не зажал ему рот ладонью. Бьен ловко накинула петлю пояса на повязку и крепко затянула. Вестник корчился, но Рук поддерживал его, пока она не закончила, а потом мягко опустил на постель.

Вестник пробормотал что-то и затих на запятнанных простынях.

Рук еще минуту его разглядывал, затем обернулся к Бьен:

– Что люди говорят о Банях?

– Винят Аннур.

– Аннур? – нахмурился Рук.

– Это такая огромная империя. К северу от нас. Лет двести владела Домбангом...

Он пропустил ехидство мимо ушей.

– Зачем им нападать на Бани?

– Их гигантская птица: кетпрал, кетрель или как их там...

– В городе вечно толкуют о кеттралах, – покачал головой Рук. – Стоит облачку закрыть луну, кто-нибудь вопит, что Аннур возвращается.

– Ну да. Но это «облачко» оказалось весьма убедительным. У верховных жрецов остались извлеченные из руин обугленные останки, их выставили на Арене всем напоказ.

– Ты их видела?

Она уставилась на него, как на полоумного:

– Я тебя, засранца, искала. А если бы и не искала, я, сам знаешь, на Арену не хожу. Зато ходил Чуи. И еще кое-кто. Говорят, когти длиной с весло.

– А еще атаки были?

– Только на Бани, – покачала головой Бьен. – Сгорели почти дотла.

– Пленников жрецы захватили?

– Одного. Объявили, что его казнят на ступенях Кораблекрушения завтра на рассвете. – Лицо ее сурово застыло. – Если бы не ждала тебя, пошла бы посидеть с ним эту ночь.

– Я рад, что не пошла. Доброта в этом городе стала опасной игрой.

– Это не игра, – ответила она. – Какие бы преступления он ни совершил, сейчас он наверняка в ужасе.

Рук предпочел уклониться от спора.

– Тот был в таком же ошейнике? – Он указал на странную змею, обвившую шею вестника.

– Не слышала такого, – мотнула головой Бьен. – Но ведь не бывает подобных совпадений? Аннурцы сжигают Пурпурные бани, и тут же, на следующее утро, объявляются эти голые придурки, толкующие о наступлении войска.

– Какое там войско? Горстка солдат подпалила Бани.

– Бани служили главной казармой зеленых рубашек.

– Все равно выглядит как-то бестолково. Аннурцы завоевали мир благодаря тщательному планированию, а не случайным поджогам.

– Может, они отчаялись. Или что-то у них пошло не по плану.

– Может, и так, – кивнул он.

Бьен собралась ответить, но тут вестник дернулся, попытался сесть, упал навзничь, но сумел схватить ее за запястье. И открыл глаза, остекленелые, но властные.

– Готовьтесь! – простонал он.

Бьен глянула на Рука и снова на вестника.

– К чему готовиться?

– Владыка. Вы должны идти с ним, с его людьми, в его войске.

– Что за владыка? – тряхнул головой Рук.

– Первый. Я вам говорил. Я, как мед, вливал вам в уши истину, а вы не желали слышать.

Руку его слова не казались медом. В них чудились шипы и зазубрины угроз.

Лоб вестника взмок. Сейчас он выглядел еще белее, чем утром на мосту.

– Нет, мы слышали, – ответил Рук. – Великая святая цель и все такое прочее. Но кто он такой?

– Наш источник и очиститель. Тот, кто явится, чтобы сломать вас и сложить сызнова.

– Вот за такие разговоры, – строго напомнил Рук, – тебя чуть не убили на мосту.

– Убийство... – Лежащий слабо покачал головой. – Что моя смерть, что значит одна моя жизнь против всего, чем я был и стану?

Рук дернул плечом, отгоняя досаду.

– Говоришь, у него войско...

– Не войско – воинство. Великая армия его людей.

– Прекрасно. И откуда они? Сколько людей?

– Все.

– Все?

– Каждая женщина, мужчина, ребенок из каждого хоти. Андара-бхура, шашкта-бхура, шава-бхура, все...

Слова сменились кровавыми пузырями.

– Мы не понимаем, что это значит, – покачала головой Бьен.

– Не важно, – возразил Рук. – Никакое воинство и десяти шагов не сделает по дельте.

Взгляд вестника исполнился веры.

– Владыка уже в дельте. Пока мы с вами говорим, он идет на ваших богов.

– Мы почитаем Эйру, госпожу любви, – не сводя с вестника глаз, ответила Бьен. – Трое – не наши боги.

Она оглянулась на Рука. Тот медленно кивнул, но в то же время на него нахлынули воспоминания: широкие плечи катающего его на закорках Ханг Лока, ласковые шлепки Кем Анх, вкус рыбы, выхваченной ими из блеска речной ряби. Бьен права – они для него не боги. Для Рука Лакатур Лан Лака они были куда ближе богов.

– Как понимать, – осторожно спросил он, – что твой бог «идет на них»?

– Он идет принять их покорность и клятвы верности, – горячо закивал раненый.

Рук попытался вообразить Кем Анх покорной чему бы то ни было. Его разум не принимал этой мысли. С огромным усилием он мог бы вообразить ее мертвой – Синна как-никак убили, что бы ни думали об этом домбангские жрецы, – но представить, что кто-то принудит ее покориться...

– Если он, этот твой Владыка, существует и в самом деле вошел в дельту, то он уже мертв.

– Он не мертв, – с пугающей уверенностью замотал головой раненый. – Умри он, я бы узнал. Я бы почувствовал.

– Как почувствовал? – насупилась Бьен.

Вестник указал на свой ошейник. Рук принимал его за изделие из кожи змеи или иного чешуйчатого создания, но, склонившись поближе, увидел, что это не просто кожа. Ошейник был толще ремня, круглый в разрезе, словно кто-то отрубил голову и хвост целой змее и сшил туловище в кольцо. Когда Рук протянул палец, чтобы его пощупать, вестник отпрянул, оскалил окровавленные зубы.

И Рук увидел, как ошейник пронизала судорога. Под чешуйчатой кожей пробежала рябь, словно живая змея стянула кольцо и замерла.

Все смолкли. Под потолком билась попавшая в фонарь бабочка, колотилась хрупкими крылышками о высохшую чешую.

– Что это? – спросила наконец Бьен, не сводя с ошейника темных глаз.

– Мой аксоч.

– И что же такое этот аксоч? – негромко поинтересовался Рук.

– Знак благосклонности, – звенящим от гордости голосом отвечал вестник, – в глазах моего Владыки.

– Он... – Бьен запнулась, не зная, как спросить. – Он живой?

– Пока я жив, жив и он. Он питается моей силой.

Рук с отвращением рассматривал мясистое кольцо. Дельта служила обиталищем десяткам существ, питающихся живой плотью: кишечным мухам и летним глистам, мясным кукольникам и глазным осам... Жуткие, омерзительные твари, и все же они, вгрызавшиеся и внедрявшиеся в тела, всегда представлялись Руку естественными. Они, как все живое в дельте, нуждались в пище и стремились оставить потомство. А эта штука на шее вестника, этот его аксоч был каким угодно, только не естественным, и вовсе не живым, а извращенной пародией на живое.

– А что бы ты почувствовал, если бы умер твой Владыка? – спросил Рук.

Раненый поднял палец и погладил чешую аксоча. Со лба у него текло, кожа в свете фонаря была мертвенной, но он улыбался, словно святой, узревший свое божество.

– Аксоч соединяет меня с ним. Так я ощущаю его милость и неудовольствие. – При слове «неудовольствие» по лицу раненого прошла тень и тут же растаяла. – Я и теперь его чувствую.

Бьен оглянулась на Рука – тот мотнул головой.

– Что именно ты чувствуешь?

– Его мощь. – Мужчина содрогнулся, закатил глаза. – Я чувствую, как он несется сквозь камыши, я чувствую, как бьется кровь в его жилах. Он нетерпелив. Он охотится.

– На кого охотится?

– На ваших богов.

Рука от этих слов пробрал холод.

– По-моему, ты говорил, что Трое нужны ему в союзники, – заметила Бьен, нахмурившись.

Вестник встряхнулся, избавляясь от овладевшего им видения, и устремил на женщину горячий взгляд.

– У него нет союзников, он – Первый. Ваши боги склонятся перед ним, или он порвет их на части. Вот сейчас он преследует...

Аксоч дернулся.

Раненый распахнул глаза.

– Прости, Владыка, – забормотал он. – Мне было повелено нести весть, славить тебя...

Ошейник изогнулся и стал сжиматься. На шее вестника вздулись жилы. Лицо стало наливать багрянцем. Он поднял руку к аксочу – и отдернул, как от ожога.

– Прости, Владыка, – с кашлем выдавил он. – Убей меня быстро. Заткни эту негодную глотку...

– Что происходит? – не выдержал Рук.

– Он его душит, – огрызнулась Бьен, пытаясь поддеть ошейник, но палец не проходил.

Глаза вестника выкатились, налились слезами.

– Держи его, – рыкнул Рук, выхватив поясной нож.

Бьен бросилась к вестнику, прижала его к кровати.

Тот разевал рот, но кашель глушил обрывки слов. Из последних сил он попытался оттолкнуть Бьен, которая, крепко обхватив его за плечи, навалилась всем весом. Рук работал ножом, но вестник мешал ему, отбиваясь, а аксоч был тверже двадцатилетней лианы-душительницы. С топором в руках он бы справился, а нож, хоть и остро отточенный, только бессильно царапал чешую.

– Скорее, – прошипела Бьен.

Рук торопливо пилил. Вестника скрутила судорога, и нож, сорвавшись, резанул его по плечу.

– Он умирает! – воскликнула Бьен.

Рук покачал головой, выпрямился, выравнивая спертое дыхание. Из распухших губ вестника вывалился синий язык, лежащие вдоль тела руки больше не вздрагивали. Аксоч продолжал сжиматься, пока не врезался наполовину в кожу и плоть шеи, а потом замер.

– Не умирает, – буркнул Рук, – умер.

6

– Погибших я помню, – говорила император. – Пять лет назад они помогли спасти Аннур. Они были хорошими солдатами.

Гвенна кивала в безмолвии. Император следила за ней своими горящими глазами.

Сидели они в маленькой комнате. Пол из сланцевой плитки, стены в деревянных панелях. Единственное широкое окно за спиной ее собеседницы открывалось в сад. Со своего места Гвенна не улавливала ни намека на то, что они в Рассветном дворце, – ни регалий, ни золота, ни державного блеска. Из этой комнатухи не видны были возносящиеся ввысь башни, многомильное кольцо опоясавших крепость красных стен и сотни строений – храмов, арсеналов, скрипториев, пиршественных залов. Очнись она здесь без памяти, предположила бы все, что угодно: эта опрятная комнатка могла находиться в любом обычном доме от Сиа до Фрипорта.

Но Гвенна не сейчас очнулась и помнила все слишком хорошо.

До столицы добирались дольше недели – дольше недели она провела скованной по рукам и ногам в темном ящике карцера, дольше недели ни с кем слова не сказала, даже с солдатом, заходившим принести еду и вынести ведро с мочой и калом. Тот пытался завести разговор, объяснял, что Фром вывел из дельты всех и каждого, покончил с аннурским присутствием. Она не давала себе труда отвечать. Разговор, как и бой, стоит усилий только тогда, когда что-то дает, что-то меняет, что-то может исправить, а ее действий исправить было нельзя.

– Я соболезнаю вашей потере, – сказала император.

Гвенна снова кивнула. Соболезнования. Они стоят еще меньше прочего.

– Вы лишились также одной из важнейших военных баз Аннура. – Император замолчала и качнула головой. – Нет. Все это не совсем верно. Вы их не потеряли – ни друзей, ни птицу. Вы отправили их в надежную крепость, гарнизон которой клялся уничтожить Аннур; в крепость, которой вам было особо приказано избегать. Вы залетели внутрь, проиграли сражение и оставили их там. Кого убитым, кого живым.

Стыд в Гвенне мгновенно перекипел в ярость. Императора не было тогда в Банях. Император не видела, как зеленые рубашки рубят Быстрого Джака. Императору, хрен ей в глотку, не приходилось принимать решений здесь и сейчас, между ударами сердца.

Она открыла рот, чтобы все это высказать, но женщина предупредила ее слова движением пальца. Она была невелика ростом, Адер уй-Малкениан. Уступала Гвенне в силе, в подготовке, в вооружении. Дойди дело до драки, Гвенна могла бы сто раз убить ее на сто ладов, даже со скованными за спиной руками, как сейчас. Все это не играло роли. Здесь, при таких обстоятельствах, одно движение ее пальца обесценивало любые возражения и оправдания, а Гвенне, при всем ее бешенстве, оправдаться было нечем.

Адер бросила взгляд на развернутый на столе пергамент и постучала ногтем по округлым буквам строки.

– Адмирал Фром докладывает, что вы с самого прибытия в дельту вели себя дерзко. Что регулярно игнорировали или извращали его приказания.

Хоть на это у Гвенны нашлось что ответить.

– Я проиграла в Банях, – сказала она. – Потеряла своих людей и подвела империю, я приму любое наказание, какое вы сочтете уместным. Однако вам следует знать, что адмирал

Фром – болван. Его приказание нанесли делу Аннура в Домбанге больший ущерб, чем все тамошние жрецы и зеленые рубашки, вместе взятые.

К изумлению Гвенны, император кивнула в ответ:

– Фром дурак.

– Тогда какого хера он командовал операцией?

– В Домбанге он был наименее вреден.

– Наименее вреден он был бы, копая ямы для солдатских нужников!

Император угрюмо хмыкнула:

– Поместья семьи Фром покрывают четверть Раалте и кормят полмиллиона людей. Моих людей. Созданная его сестрой сеть союзов охватывает северные атрепии от Катала до Ниша. Его брат только что породнился через брак со старейшим родом Сиа. Для выживания Аннура мне нужны поддержка и сотрудничество семьи адмирала. А значит, я должна давать им то, что им вздумается получить.

– Адмиральский пост?

– В данном случае – да, – кивнула Адер.

– А платят за это аннурские солдаты.

– Кому-то всегда приходится платить, командир Шарп. Но я надеялась, что вы сумеете компенсировать идиотизм Фрома. А вы вместо того его усилили.

Стыд жег Гвенну огнем. Из горла рвался вопль, острый как нож. Она не дала ему воли. Она в тысячный раз представила казнь Талала на ступенях Кораблекрушения. Она вообразила его голову и головы Джака и Короля Рассвета на кольях вокруг Арены, их сброшенные в канал тела.

Кандалы врезались ей в запястья. Она пыталась порвать железные браслеты. Было бы здесь с кем схватиться...

– Что с Анник и Кворой? – спросила Гвенна.

– Я не считаю их ответственными за этот провал.

– Где они?

– Мне бы не хотелось, чтобы вы бросились к ним, – покачала головой император.

– Никуда я не брошусь. Я сидела в карцере, потом в клятой камере... – Она встретила пылающий взгляд Адер. – Я должна знать, что Квора жива.

– По словам Фрома, она полностью оправилась. – Император снова взглянула на лежащий перед ней документ, долго его изучала, потом смахнула в сторону и подняла взгляд на Гвенну. – Зачем вы проникли в Бани?

– Местные захватили двух моих бойцов.

– Почему не отступили, не перестроились, не запросили поддержку у Фрома?

– В бою все происходит быстро. Некогда было перестраиваться. Помните бой в Андт-Киле? Сражение за Аннур? Вы лично в них не участвовали, но видели их ход. Вы не глупы. Солдаты – не чиновники. Мы не можем целыми днями мусолить решения. Обычно нам выпадает один вздох, один удар сердца, один взгляд, чтобы решиться. А знаете, что бывает с теми, кто этого не умеет? Они умирают!

Лицо императора застыло как маска.

– Ошибка игрока.

– Это что такое?

– Вы играете в кости, командир Шарп?

– У кого есть время на игры, когда весь Аннур в огне?

– Ирония в том, – фыркнула император, – что вы бы причинили меньше вреда Аннуру и своему крылу, играя в кости, чем залетев в укрепленные позиции на нашем последнем кет-трале. Заодно смогли бы усвоить основы оценки вероятности и правила принятия решений.

– Вас там не было...

– Мне и не нужно там быть. – Адер покачала головой. – Есть выигрышные ставки, командир Шарп, а есть умные.

– Победа есть победа. Остальное – просто мудреные слова.

– Ну, вам победа не выпала. – Адер долго сверлила ее глазами и наконец устало вздохнула. – Вы как пьяный игрок в кости, Шарп. Слепая удача помогла вам выиграть пару очень трудных партий: Андт-Кил, Аннур, и вы, заполучив несколько кошельков с парой единиц на костях, забыли истину: семерка больше двойки. Только малые дети, пьяницы и глупцы думают иначе.

Дети, пьяницы и глупцы...

Гвенна обдумала ее слова. Она не была пьяна и уж точно давно выросла.

Она вспомнила все миновавшие ее на дюйм клинки, все просвистевшие над самой головой стрелы, все копыта и арбалетные болты, что прошли мимо. Отчасти благодаря ее искусству – как же, тактика, стратегия и тому подобное. Но сколько раз ее спасало тупое везение!

– Вести птицу в Бани, – выговорила она, – было ошибкой.

Слово оставило на языке привкус пепла.

– Слишком поздно вы это поняли, – ответила император.

Гвенна, не успев осознать, что делает, сорвалась с места. Руки были скованы за спиной, но она всем телом нависла над столом, над правительницей Аннура.

– Джак и Талал были моими друзьями, жалкая ты сука! Я запорол дело. Я повела их на смерть. Обойдусь без твоих нотаций, что рано, что поздно!

Адер медленно откинулась в кресле. Ее глаза пылали. Гвенна уловила запах настороженности, но настоящего страха в ней не было.

В открытое окно залетел ветерок. Повеяло влажной землей и скошенной травой.

– Знаете, почему я выбрала для аудиенции это место? – спросила Адер, выдержав паузу. – Эту комнату? Осталась наедине с вами?

– Потому что хотели мне что-то сказать?

– Потому, – мрачно поправила император, – что подобного от вас и ждала. И проделай вы такую штуку перед всем двором, я была бы вынуждена вас казнить.

– Ну и казните.

– Вы меня не слушаете, Гвенна.

«Уже „Гвенна“, – угрюмо отметила та. – „Гвенна“, а не „командир Шарп“».

– Мы беседуем наедине именно потому, что я не желаю вашей смерти.

– А чего желаете? – Гвенна всмотрелась в ее лицо.

– Сядьте.

Гвенна помедлила, заметила, что ноги дрожат, и тяжело опустилась на место. Император же, поднявшись, прошла к окну, выглянула в сад. И заговорила, не оборачиваясь:

– Из донесений следует, что вы изначально не были наилучшим кандидатом на пост командира крыла. Как я понимаю, вам просто... выпала эта роль, когда пропал ваш прежний командир – мой брат.

Гвенна не ответила.

– В дальнейшем Анник Френча возглавит... то, что осталось от крыла. Ее служебное досье безупречно даже по вашим собственным отчетам.

Эти слова принесли ей темное облегчение, как будто проткнули давно загноившийся, воспаленный нарыв.

– Анник великолепно, – сказала Гвенна. – Она будет идеальным командиром крыла.

– Придется постараться, учитывая, что ей предстоит обходиться без птицы и без полного состава. – Адер покачала головой. – Я бы отдала правую руку, лишь бы вернуть кеттрал в полной силе. Сколького я могла бы добиться, будь у меня десять крыльев. Да и с пятью...

Она не договорила, устремила на Гвенну горящий взгляд.

– Возможно, когда-нибудь я смогу простить вам потерю трех моих последних, лучших кеттрал. И птицы.

– Двух, – покачала головой Гвенна. – Талала и Быстрого Джака.

Император нацелила на Гвенну длинный палец:

– Трех, считая вас. Я лишаю вас звания. И устранию из ордена.

Воздух в комнате стал слишком жидким, чтобы дышать, как бывало на птице, на большой высоте. Кресло Гвенны всеми четырьмя ножками стояло на полу, но ей страшно было с него упасть. Свет в окне стал слишком ярким. День выдался прохладным, куда прохладней, чем в Домбанге, но ее черная форма пропиталась потом.

Император прищурилась на нее:

– Вам нехорошо?

– Хорошо, – отозвалась Гвенна, загоняя внутрь подступившую тошноту. – Мне отлично.

Она всегда так отвечала. Больная или раненая, измотанная до предела, она всегда держалась – еще немного, еще чуть-чуть, и если кто-то спрашивал: «Тебе плохо?» – отвечала: «Все отлично». И не задумывалась, даже вообразить не смела, что это когда-нибудь кончится.

Где-то на свете обесчещенные воины бросались на свои мечи. Ей представилось, как она после окончания аудиенции выходит из комнаты, из Рассветного дворца, из города, поцелуй его Кент, отыскивает тихое безлюдное местечко вроде утеса над морем, где волны лижут подножие скал, кружат чайки... Ее не раз резали, так что легко было представить, как ощущается прижатая к ребрам сталь, холодное отточенное лезвие, готовность. Чего она не могла вообразить, это как будет ощущать себя. Задрожат ли руки? Ослабнет или усилится ее ненависть к себе с входящим в тело клинком? Она задумалась, что сказали бы Талал и Анник. Теперь трудно было понять, отвага или трусость – умереть в такое время. Все старые мерки силы и чести лежали прахом под ее ногами.

– Понятно, – хрупким, как стекло, голосом ответила она. – Мне дают отставку.

– Ничего подобного, – рассмеялась Адер с неподдельным, сочным весельем.

– Если я больше не кеттрал...

– Миллионы аннурцев не кеттрал. Они тоже мои подданные.

– Чего вы от меня хотите?

Долгое молчание.

– Хочу, чтобы вы отправились в путешествие.

– Изгнание, – уточнила Гвенна.

– Не изгнание. Кое-что другое. – Пальцы Адер забарабанили по полировке стола; она вглядывалась в Гвенну своими негасимыми глазами. – Мне нужны кеттрал. Аннуру нужны кеттрал.

– Сигрид, Ньют и Блоха как могут торопятся с подготовкой новых кадетов. Быстрее не получится.

– Я не о солдатах. О птицах. Именно птицы делали кеттрал – кеттрал.

– Ну, их больше нет. Король был последним, а я его потеряла.

Император покачала головой. Она вдруг показалась Гвенне усталой и слишком старой для своих двадцати восьми.

– Пять лет назад их было... сколько? Сотни?

– Триста сорок.

– Просто не верится.

– На войне такое случается.

Птаха в ярком оперении опустилась на подоконник, склонила голову, оглядела людей в комнате и пропала, взмахнув крылышками.

После долгого молчания император шевельнулась в кресле.

– Что, если их было больше?

– Больше войн?

– Больше птиц.

– Птиц не осталось.

Император поджала губы:

– Напрасно вы так уверены.

Свинцовая тяжесть плотнее окутала сердце Гвенны. Пять лет назад Гнездо разнесло само себя в жестокой, скоротечной гражданской войне – одной потерей больше в крушении огромной империи. Согласно большей части сообщений, все кеттралы были уничтожены, но ходили слухи, что несколько крыльев спаслось, покинув пределы Аннура. Вполне возможно, несколько человек из тех, кто обучал саму Гвенну, подались в пираты или наемники.

– Вы отправляете меня за ними, – сказала она. – Чтобы убить изменников и вернуть птиц.

Гвенна не знала, как к этому относиться. Она не хотела больше убивать ни кеттрал, ни носивших их птиц. С другой стороны, император предлагала ей хоть какую-то цель. Мятажные крылья – опаснейшая задача, но это работа, и работа, которую Гвенна умела делать. Значит, она еще нужна империи. Значит, она может загладить вину.

Но Адер покачала головой:

– Если несколько крыльев и выжило, мне неизвестно, где они сейчас. Кроме того, мне нужны не одна-две птицы. Мне нужны десятки. Сотни.

– Десятков нет.

– А вдруг?..

– Где? – Гвенна уставилась на нее.

В первый раз император как будто смутилась. Сквозь тонкий аромат ее духов пробился запах неуверенности. Адер подняла руку, положила ладонь на фолиант перед собой. Книга лежала на столе с самого начала, просто Гвенна не обращала внимания. Кожаный переплет, тонкая работа. Обрез, возможно, когда-то был позолочен или просто запылится. Он не сверкал на солнце, выглядел тусклым, грязным.

– Это кодекс Итцалия, – сказала император. – Написан до кшештримских войн.

Смысл ее слов медленно просачивался в сознание.

– Это получается... сколько же? Десять тысяч лет назад?

– Больше.

Она попробовала вместить этот срок в рамки своих представлений – и не сумела. Десять тысяч лет – это сколько же поколений? Она пыталась представить своих родителей, и родителей родителей, и мужчин и женщин до них, все дальше, дальше, дальше в прошлое, за основание Аннура, за эпоху правления атмани, за первые племена и царства, – еще дальше, ко временам, когда первые люди боролись за выживание против бессмертных, бесчеловечных кшештрим...

– Данный текст, – говорила император, не замечая смятения Гвенны, – это копия с копии копии. Как сильно он отстоит от первой рукописи, не имею представления.

Она чиркнула ногтем по переплету.

Гвенна силком вернула себя к настоящему.

– О чем там?

– О магнетизме. О миграции животных. Автор – один из кшештрим – рассуждал о том, какими способами птицы определяют направление над огромными водными пространствами.

Миграции животных... птицы...

Понимание оплеухой ударило Гвенну.

– Вы решили, будто знаете, откуда они взялись! Кеттралы.

– Они родом не с Киринских островов, – кивнула император.

– На Островах нет ничего местного. Восточнее, на Балине, находили скелеты кеттралов, но та колония тысячи лет как вымерла.

– Согласно этому источнику, они и не уроженцы Балина.

Гвенна обдумала и это. Ее всегда больше интересовали взрывчатка и мечи, а не скучная история кеттрал, но сколько она помнила уроки кадетских лет, из них ясно следовало: птицы ведут род с Балина.

– Откуда они тогда?

Перед ней встало видение отдаленного побережья в неисчислимых милях от всех людских поселений и тучи огромных птиц над ним.

– Названные в книге места, – говорила император, – почти все нам чужды. Редко какое из них встречается в других источниках.

– Но какие-то вы узнали, – возразила Гвенна. – Вы что-то нашли.

Вместо ответа император распахнула книгу на странице, отмеченной длинной голубой ленточкой. Карта – подробнейшая карта на целый разворот. Кеттрал были лучшими в мире картографами – недаром они видели мир с высоты птичьего полета, – но ни один свиток с картами из Гнезда с этой бы не сравнился. Даже десятки копирований не уничтожили точнейших деталей. Изображала карта, судя по всему, остров. Горные хребты в кайме ледников, сложное переплетение рек, а также, видимо, пески пустынь и густые леса.

«Нет, – поняла Гвенна, присмотревшись, – это не остров, а целый материк».

– Вот, – сказала император, коснувшись кончиком пальца точки на южной оконечности.

Гвенна перебирала карты из своей памяти – в бытность кадетом она заучила наизусть десятки, сотни. Память на подробности у нее была не из лучших, но картина что-то напоминала.

– Где это?

Император взглянула на нее, потом сквозь нее и ответила с непроницаемым лицом:

– Менкидок.

Гвенна нахмурилась. Еще раз сравнила очертания на странице с картами из памяти. Кеттрал составили карту северо-восточного побережья этого континента, хотя их работе препятствовала экваториальная жара, которую не переносили птицы. Никакого стратегического значения Менкидок не имел и не заслуживал серьезных усилий – там не было ни потенциальных союзников, ни угроз, ни торговых партнеров. Там вообще почти не было поселений. А потому в сравнении с точнейшими, подробнейшими, регулярно обновлявшимися картами Эридрои и Вашша, по которым занимались Гвенна и прочие кадеты, несколько имевшихся в Гнезде карт Менкидока и картами-то нельзя было назвать – просто робкая извилистая линия берега, обрывавшаяся в пустоту на несколько сотен миль южнее Поясницы.

Гвенна подняла взгляд:

– Кто-то из прежних императоров – Анлатун, кажется, – посылал экспедиции на Менкидок?

– Он отправил три, – ответила Адер. – Ни одна не вернулась.

– Откуда же эта карта?

– От кшештрим.

– От кшештрим?

Адер кивнула.

– Кшештрим мы стерли с лица земли тысячи лет назад, – возразила Гвенна. – Много тысяч лет.

– Я же сказала: это очень старая книга. Мой главный историк проследил ее происхождение до первого века кшештримских войн. И заверил, что текст подлинный.

Под ошарашенным взглядом Гвенны Адер приподнялась и дважды дернула свисавший с потолка шелковый шнур. Где-то за дверью звякнул колокольчик; его чистый звук, приглушенный расстоянием, мог уловить лишь ее острый слух.

Гвенна вернулась взглядом к карте, всмотрелась в очертания побережья.

– А ваш историк не сказал, – осторожно осведомилась она, – почему оттуда не возвращаются?

Сколько она помнила уроки, некоторые древние исследователи – времен атмани и раньше того – решились посетить этот континент. Искали то, чего всегда ищут: золота и ценной древесины, камня для строительства, рудных жил для разработки, рабов, чтобы в цепях переправить их на север. Большая часть путешественников, как и значительно более поздние экспедиции Анлатуна, пропали. Те, кто вернулся, вернулись сломленными. Они рассказывали о проклятом материке, сплошь зараженном болезнями, где сама земля гниет под ногами, где каждый зверь – чудовище, где вода и воздух сводят человека с ума.

– Моряки славятся буйным воображением. Я читала отчеты первопроходцев, побывавших на Джакарине и Черепе. Те утверждали, что земля там по ночам оживает и целиком пожирает людей. – Император покачала головой. – Оказалось, муравьи. Опасные муравьи – поставь лагерь слишком близко к муравейнику, они зажалят тебя насмерть и съедят, – и все-таки обычные муравьи.

Гвенна насупилась.

– Однако Джакарин и Череп люди в конце концов заселили. А в Менкидоке никто не живет.

– Вообще-то, живет. На северо-западном берегу есть деревеньки китобоев, ведущие торговлю с Манджари.

Это было для Гвенны новостью, а впрочем, на карты кеттрал северо-западное побережье Менкидока не попало.

– Деревеньки... Они входят в какие-то крупные политические образования?

Император покачала головой:

– Насколько мне известно, нет. Сведения из мест южнее Поясницы ко мне не доходят. – На ее лице мелькнуло недовольство. – Я хотела сказать, что слухи лгут. Там живут люди. Описанные в старинных отчетах чудовища, без сомнения, всего лишь неизвестные и непривычные виды животных. Первопроходцы страдали от болезней, но болезней везде хватает. Люди боятся неизвестного. Это еще не значит, что весь континент проклят.

Едва она договорила, в дверь постучали.

– Войдите, – сказала Адер.

Тяжелая деревянная створка отворилась. Вошел старик.

– Гвенна, познакомьтесь с Килем, – представила Адер. – Он мой историк.

Гвенна всмотрелась в старика. И тут же поправила себя. Нет, он не старик. В черных волосах нет седины, кожа – в морщинах от солнца и ветра. То, что она поначалу приняла за приметы возраста, было следами насилия. Историк уряд ли перевалило за четвертый десяток, но чуть не все кости у него были переломаны и срослись как попало. И нос искривлен, и линия подбородка. Костяшки пальцев шишковатые – больше, чем у самой Гвенны; длинные пальцы скрючены, словно их не раз перебили. Он сутулился, выносил вперед правое плечо и слегка прихрамывал. Все это, вместе взятое, старило его вдвое, но в голосе, когда мужчина заговорил, звучала спокойная уверенность, и взгляд был острым.

– Гвенна Шарп. Рад знакомству. Ваши действия заняли немало страниц в новейшей истории Аннура.

– Мои действия...

– Оборона Андт-Кила от ургулов, – кивнул Киль. – Отбитые у Якоба Раллена кеттрал. Спасение Валина уй-Малкениана и его спутников. Ваше участие в победе над Балендином Айнхоа у самых ворот города...

На миг Гвенна онемела. Конечно, она помнила все бои. Помнила подготовку к обороне Андт-Кила, расположение каждой баррикады, закладку взрывснарядов под мосты, позицию каждого лесоруба. Она действительно победила Раллена, действительно вытащила Валина из

ургульского плена, действительно свалила Балендина... И все же в устах историка все это звучало сказкой. Или правдой, но случившейся с кем-то другим, – кеттральной легендой, к которой она сама не имела отношения.

Гвенна опустила взгляд на свои руки – больше не дрожат, но она ощущала пронизавшие ее тело страх, неуверенность, сомнение. Плеснув это сомнение в топку своего гнева, она жарче прежнего разожгла огонь.

«Все это сделала я, – сказала она себе. – Я была хорошим солдатом».

Подняв взгляд от ладоней, она посмотрела в глаза Килью:

– Похоже, вы слишком доверяете слухам.

Он вскинул брови:

– Слухи – хлеб историка.

– Разве? – удивилась Гвенна. – Так вот откуда этот бред про птиц в самой жопе Менкидока?

Она всю жизнь полагалась на свою ярость как на тайное оружие, не подводившее, даже когда иссякнут заряды и клинки. Но теперь, потянувшись к ней, ощутила, что оружие выскальзывает из рук. Она еще сумела пустить в Килья стрелу сарказма, но голос дал трещину.

– Отчасти, – не смутившись ее насмешкой, ответил историк.

И тут она осознала одну его странность – у него не было запаха. Вернее, не так. От него пахло всем, чем полагалось пахнуть историку: чернилами, пылью, клеем и затхлостью древних страниц – но больше ничем. В нем не было надежд. Не было страха. Не было нетерпения. Ни душка похоти, жадности, предвкушения, отвращения... ничего. С тех пор как выпила яйцо сларна, она привыкла чужие эмоции, и от их отсутствия по коже поползли мурашки. Даже кеттрал не лишены чувств, просто крепко держат их в узде. Чувства есть у всех, кроме...

– Вы монахи? – спросила она.

Адер шевельнулась. Почти неуловимое движение, но Гвенна распознавала угрозу в то же мгновение.

Киль же только приподнял бровь:

– Почему вы спрашиваете?

– Ее брат... – Гвенна кивнула на императора. – Каден. Прошел выучку у монахов. Вы мне его напомнили.

На самом деле Киль ничем не напоминал Кадена. У Кадена глаза горели так же, как у сестры. Он был молод и силен, а Киль сто раз переломан. Гвенна в те времена сама была моложе и еще не освоилась со своими новыми способностями, но помнила необычный запах Кадена, как будто под его балахоном не было человека. В огне его глаз не было тепла. И с Килем то же самое, только... в большей степени. Словно перед ней статуя.

– Тонкое наблюдение, – кивнул историк. – Я провел некоторое... значительное время в ордене, родственном ордену Кадена.

– Странное место для историка – на окраине всего на свете.

– Центр определяется расположением краев.

– Как эту хрень ни понимай.

Киль рассмеялся. Самым обыкновенным смехом, какой можно услышать на любой аннурской улице, совершенно непримечательным, совершенно незапоминающимся. Только к обычному смеху прилагается запах, целый ряд запахов: едкий – от насмешки, сладковатый – от волнения, простой дубленый запах подлинной безудержной радости... Запах историка походил на запах книги. И не более того.

Он кивнул и указал на развернутую перед Адер карту.

– Возьмем этих кеттралов. Хотя они и находятся на краю света, но в состоянии изменить все.

– Предполагаемых кеттралов, – напомнила Гвенна. – Кеттралов, от которых, по всей вероятности, остались одни кости, да и те окаменелые. Если все они давным-давно не мигрировали на север...

Она кинулась навстречу факту, как человек, бегущий в ночи, летит напрямик на каменную стену.

– Он ошибается, – сказала Гвенна, на что Адер царственно повела бровью. – Ошибка в книге, или в переводе, или в этой сраной карте.

– Карта, – мягко вставил Киль, – точна.

– Может, да, а может, и нет. Я знаю одно – кто-то ошибся. Птицы прилетели не с какого-то там горного хребта на юге Менкидока. Не могли, даже случайно. Они не способны пересечь экватор, так же как не способны пролететь над полюсами. Даже на пятьсот миль подлететь не сумели бы. На экваторе слишком жарко. Организм у них не выдерживает.

Поняв это, она взъярилась. Не будет кеттралов – не будет вылетов. Не будет вылетов – ей ничего не остается, как покончить со всем: выйти из дворца...

– Не птицы, – хладнокровно прервал ее мысли историк, – а яйца. Кшештрим, составивший этот трактат, привез сотни яиц.

У Гвенны дернулись пальцы. Она стиснула кулак.

– Зачем?

– Чтобы изучить.

– Зачем?

– Они для этого живут. Жили, – сухо поправил себя историк.

– И от тех яиц пошли все кеттралы северного полушария?

Он кивнул.

Гвенна глубоко вдохнула, надолго задержала воздух и, отдуваясь, перевела взгляд на Адер.

– И туда вы меня отправляете?

Император кивнула.

– После того, что я напоролась в Домбанге. После того, как потеряла птицу и половину крыла.

Еще один кивок.

Гвенна таранилась на нее, не в силах подобрать подходящего слова, и наконец выдавила:

– Почему?

– Вы знаете птиц. Места, где они гнездятся. Их повадки.

– Я изучала взрывное дело. Вам бы нужен пилот. Кто-то вроде Быстрого Джака.

Глаза императора пылали двумя погребальными кострами. Странно, что такое яростное пламя горело беззвучно.

– Быстрый Джак мертв, – ответила она. – У меня остались только вы.

В рамке окна появился молодой человек – работник на четвереньках, рядом деревянная бадья. Он одну за другой отскребал жесткой щеткой плитки садовой дорожки. В Рассветном дворце таких дорожек были сотни, если не тысячи. Гвенна попыталась подсчитать число плиток, но отступилась.

– Итак, корабль доставит меня до побережья Менкидока. Я выбираю место, высаживаюсь, дальше иду пешком, высматривая горы... – она махнула на раскрытый том, – похожие на эти.

– Вас будет сопровождать Киль.

– На хрена мне увечный историк? – в изумлении заморгала Гвенна.

– Уверю вас, – ответил тот, – я не так беспомощен, как можно предположить при взгляде на это тело.

– Плевать мне на ваше тело. Оно не поможет в поисках птиц.

– Вы отправляетесь, – голос императора стал резким, – к берегам, где не бывал ни один аннурец. Эта земля известна нам из старинных описаний, из отчетов, которых никто не понимает лучше Кия.

Паренек за окном выпрямился, кулаками размял поясницу и снова согнулся над дорожкой. Он водил щеткой точными кругами, работая над каждым камнем так тщательно, словно тот последний, единственный, словно назавтра не покроется снова грязью. Гвенна попыталась представить, как остаток жизни проводит за уборкой, штопкой, строительством...

– Это потребует времени, – сказала она. – К нашему возвращению от Аннура могут остаться одни обломки.

– От Аннура и так остались одни обломки, – ответила император.

Голос был тверд как камень, но на мгновение под запахом духов Гвенна уловила то же отчаяние, то же жадное нетерпение. Кое в чем жизнь обходилась с Адер суровее, чем с Гвенной: отца убили, брат погиб, другой затерялся в холодных северных степях. Их – никого из них – не готовили к такому дерьму.

Император прикрыла глаза, загасив на время их пламя, и снова распахнула.

– Мои младшие братья когда-то любили играть с морем. В отлив разводили на полоске пляжа внутри крепости костерок. А потом строили вокруг стенку из песка и камушков – иногда в локоть-другой в высоту. Однажды приказали эдолийцам помогать и подняли стену в рост взрослого мужчины. – Она помолчала, засмотревшись на воспоминания. – Угадаете, сколько раз стена спасла костер от подступающего прилива?

На один удар сердца ненависть Гвенны к этой женщине утихла.

– Эти мальчишки всегда любили недостижимые цели, – фыркнула она.

Лицо Адер отвердело. Она вдруг снова стала императором.

– А я – не люблю. Все, что я делаю, идет прахом. Все, что мы делаем, идет прахом. Возможно, в южном полушарии не осталось птиц. Или вы погибнете, не найдя тех гор: утонете, умрете от болезней или вас сожрут... те, кто водится на той стороне мира. Может, там в самом деле обитают чудовища и они до вас доберутся. Или вы сойдете с ума. Но иначе мне остается только сидеть на берегу, дожидаясь ночной бури, и вместе со всеми смотреть, как волны рушат стену и заливают огонь.

7

Ему тогда было семь лет. Или шесть. А может, и восемь, откуда ему знать. Никто ему не говорил, когда он родился, – вот это уж точно. Ни матери, ни отца. Ни сестер, ни братьев. Удивительно, как он свое-то имя запомнил – Акйил. Может, у него было когда-то еще одно, родовое – как у многих, но, если и было, его он забыл. Чего не забыл, так это клеймения.

Солдаты поймали его на воровстве. Его, Тощую Кралю и Жепастика – всем на троих и двадцати лет не набралось бы. Солдаты их заперли, и те же солдаты на следующий день выволокли их вместе с полудесятком других воришек – кто ругался, кто умолял, кто шел тупо, как скотина на бойню, – на большую открытую площадь перед Рассветным дворцом. Чего у аннурских легионеров не отнять – это порядка. У них на все был свой порядок, даже на клеймение детей.

Двенадцать мужчин встали редкой цепью, сдерживая зевак (площадь на восточном конце Анлатунской дороги даже на рассвете была полна спешившими по своим делам людьми), а еще трое или четверо вытащили из кордегардии стол и разожгли в опрятной очажной яме рядом с мостовой огонь нарочно для этой цели. Работали равнодушно, скучно, как всегда выполняют ранним утром обрядные обязанности. Акйил ждал насмешек, издевок, новых побоев до самого клеймения, но солдаты будто дрова носили или канаву копали. Теперь вспоминается: он бы скорее обрадовался лишней жестокости как признанию, что он и другие воры, поставленные на колени на площади, все-таки люди – пусть плохие, испорченные, отравы для имперского порядка, но люди, а не туши для разделки.

– Я это запомню, – прошипела Краля одному из охраны. – Я все запомню. Запомню твою тупую мерзкую рожу, и когда вырасту... когда вырасту...

Акйил забыл, что она собиралась сделать, когда вырастет. Это не у него – у нее была безупречная память.

А он помнил, как затрясся, когда сержант положил в огонь холодные клейма и потом уселся за стол, перебирая бумаги, и запомнил, как ненавидел себя за эту дрожь. Хотелось-то презрительно ухмыльнуться в лицо подхватившим его под мышки солдатам, выкрикнуть острое словцо, показать Жепастика и Краля, что он не трусит, а потом взглянуть прямо в лицо человеку с клеймом и выдержать, не дрогнув, взгляд этого мерзавца. Не вышло. Когда его потащили вперед, он вопил, лягался, бился, как дикий кот, норовил укусить державшие его руки. Ему удалось хорошенько пнуть кого-то в колено, да что толку?

Его поставили на колени перед столом. За спиной он слышал крик Жепастика: «Это быстро, Аки! Раз, и все!» – и свирепую ругань Крали. Потом здоровенный мужик с тухлым дыханием навалился на его тощую мальчишескую спину, прижал всем весом, а другой, солдат, схватив за запястье, выпрямил ему руку.

– Пожалуйста, – сквозь стыд и ужас упрасивал он. – Пожалуйста, я больше не буду. Никогда не буду. Простите, простите.

– Это хорошо, – откликнулся сержант и провозгласил: – Именем Санлитуна уй-Малке-ниана, императора аннурского, да воссияют дни его жизни, я исполняю правосудие.

Солдат поднял из огня раскаленную светящуюся железку и прижал ее к коже Акйила.

Он думал, что умрет от боли. Никому такой не вытерпеть, тем более семи- или восьми-летнему ребенку. Это длилось целую жизнь, и он орал, орал и вырывался. Он слышал, как шипит кожа, чуял запах обугливающейся плоти... а потом все разом кончилось. Солдаты подхватили его, отволокли в сторону и швырнули на широкие плиты мостовой.

Он долго лежал, стонал, свернувшись клубком, как умирающий зверек, пока сознание понемногу выплывало на свободу. Он откусил кусок нижней губы, он обделался. Он валялся в луже собственного водянистого дерьма. Потом он вспомнил о других, поднял голову и увидел перед столом Кралю с протянутой рукой. Они встретились взглядами. Он открыл рот – подбодрить ее, хоть как-то помочь против багровой стены боли, но звука не вышло, только булькающее мяуканье, которого он и тогда устыдился, и после так и не сумел себе простить.

Клеймо больше не болело. Оно много лет не болело. Он рассеянно обвел пальцем гладкие лоснящиеся линии: восходящее солнце Аннура, горящее на его темной коже. Ему всегда представлялось странным клеймить воров печатью императорской семьи – все равно что принуждать шлюх носить корсеты, скроенные из флага. Акйил, дай ему решать, оставил бы имперскую эмблему для всякого благородного дерьма: украшал бы носы кораблей, верхушки башен, сверкающие щиты эдолийской гвардии... Незачем метить родовым гербом хрен всякого пьянчуги.

С другой стороны, у него-то ни герба, ни эмблемы не имелось, так что этот вопрос не так уж его донимал. Император есть император, так что он – а нынче она – вправе творить любую дурь, какая в голову взбредет, да и самого Акйила в хрониках едва ли отметят за мудрость решений. За воровство – это да. Он был малолеткой – глупым, отчаявшимся, голодным. Что ему оставалось? Воровство тогда было разумным решением.

А вот то, что он собирался предпринять сейчас, столько долгих лет спустя, разумным не назовешь.

– Сосулька, – объявил Йеррин.

Акйил его не понял. Утро выдалось душным и жарким, он уже пропотел насквозь в своем балахоне. Какие там сосульки? А с другой стороны, Йеррин никогда не отличался ясностью выражений. Да и кто не обзаведется парой причуд, прожив пятнадцать лет один в пещере?

Акйил мягко похлопал старика по плечу.

– Здесь нет сосуллек, Йеррин.

– Там. – Монах поднял палец вверх. – Сосулька.

– А... – Акйил проследил взгляд Йеррина, потом поднял еще выше, к самой вершине Копья Интарры.

Сравнение с сосулькой напоминало самого Йеррина – безупречно точное и одновременно нелепое. Раньше, в монастыре, сосульки нарастали под карнизами трапезной; набирая капля за каплей всю зиму, становились толще Акйиловой руки. Копье Интарры и правда напоминало перевернутую сосульку, будто ее не строили, а наливали капля за каплей. Рассветные лучи блестели на гладких стенах, отбрасывая блики по всему городу.

Так что... верно, Йеррин, похоже на перевернутую сосульку – если бывают сосульки длинной в тысячу шагов.

Акйил в жизни не видывал построек выше башни Интарры. Она поднималась выше иных гор – а гор, поцелуй их Кент, он в жизни насмотрелся: немалую часть жизни провел у самых вершин. Каден рассказывал, что крепкий мужчина взбирается от основания до вершины целый день, и это, считай, без остановок, чтобы передохнуть, помочиться или перекусить. От этого сооружения у Акйила что-то сжималось внутри. Оно смотрелось... невозможным, слишком тонким для такой высоты, и стеклянные стены слишком хрупкие, должны бы разлететься вдребезги под собственной тяжестью. Каден говорил, ее не Малкенианы строили, а кому знать, как не ему, он и сам был Малкениан. Многие считали ее сувениром от кшештрим, но кшештрим уже тысячи... десять тысяч лет как не осталось, их не спросишь. Так или иначе, кому-то из прапрапрадедов Кадена хватило ума предъявить на нее права, пристроить снизу дворец,

обвести все толстыми кроваво-красными стенами и усесться на троне, предоставив жителям Вашша и Эридрои сходиться сюда со всего континента, взирать и благоговеть.

Йеррин, похоже, благоговения не испытывал.

Монах смотрел в землю, забыв разговор о сосулке, и морщил пятнистую лысину. Потом встал на колени, погладил мостовую пальцами.

– Простите, друзья мои, – произнес он. – Такой у вас был красивый дом, а я его раздавил.

Акйил не сразу разглядел суетившихся на камнях муравьев. Как видно, Йеррин невзначай сбил босой ступней крошечный холмик муравейника. И теперь медленно, по песчинке, собирал заново.

Он не в первый раз поймал себя на зависти к старому монаху. В каких-то двадцати шагах от него высились красные зубчатые стены Рассветного дворца – в десять раз выше его роста, – омытые, если верить легендам, кровью врагов Аннура. Перед стенами по стойке смирно выстроился целый аннурский легион с целым лесом флагов в руках. Они с Йеррином находились в десятке шагов от сердца империи, от центра всего мира, поцелуй его Кент, а старикан переживал за муравейник.

У Акйила была холодная голова: обзавелся, поворовывая в Ароматном квартале, потом обучаясь у монахов хин, и довел до совершенства, исхитрившись пройти с Йеррином тысячи миль от Костистых гор до столицы. Он умел ждать, знал, куда смотреть, куда не смотреть, умел держаться. Для опасных случаев он выработал особое лицо – то, что натянул сейчас, с насмешливой полуулыбкой. Одних это лицо раздражало, других очаровывало, и почти всех дурачило. А вот Йеррин... этому личина была ни к чему. Он не разыгрывал интереса к муравьям. И ему просто не было дела до могущественнейшей в изведенном мире крепости.

Конечно, не Йеррин собирался в ближайшие дни туда войти. Не Йеррину надо было заболтать тысячи солдат, министров и эдолийцев. Не Йеррину предстояло обмишулить Шаэлево отродье – аннурского императора.

Акйил повернулся спиной к дворцу, к старому монаху.

– Хочу глянуть на другие ворота. Ты не забыл, как вернуться в гостиницу?

– Гостиница... – отозвался Йеррин, не отрываясь от муравьев. – Она дальше времени, дальше смерти, у самого неба.

Акйил потратил несколько мгновений, чтобы разгадать иносказание.

– Да, по Анлатунской дороге мимо водяных часов и кладбища. Увидишь ее на вершине холма.

Йеррин кивнул так, словно Акйил повторил его же слова: «У самого неба».

Уходить старик и не думал. Если стражники его не прогонят, Акйил, осмотрев весь дворец, возможно, застанет монаха на том же месте.

По правде сказать, осмотр был задуман, чтобы просто время потянуть. Не штурмовать же он собирался эту крепость, поцелуй ее Кент. И не лезть через стены. Дождавшись нужного момента, он просто подойдет к воротам и назовется, скажем, очередным просителем. Он напомнил себе, что на Нетесаном троне восседает сестра Кадена. «Ваше сияние, – скажет он, – в монастыре я был другом вашего брата. Близким другом...» Конечно, Каден сколько лет уж как мертв, и, по всему, что знал Акйил, Адер же его и убила. Не больно-то по-семейному, но, если заглянуть в анналы истории, жизнь великих родов будет поопаснее жизни в трущобах. Возможно, Адер согласится его принять, с улыбкой выслушает рассказ о дружбе с Каденом, а потом прикажет оторвать ему руки, запихать в рот его собственные яйца и бросить тело свиньям.

Держат ли в Рассветном дворце свиней? Один из миллиона вопросов, на которые он не знал ответа.

Акйил не в первый раз задумался, не оставить ли затею. Есть же люди, идущие по миру, не полагаясь на воровство и обман. Это называется «работать». Акйил еще молод – может,

двадцати трех или двадцати четырех лет, – силен, сметлив, расторопен. В работе он был бы из лучших.

Не сказать чтобы он не пробовал. Еще в Изгибе, после того как сгорел монастырь, он легко зашибал монету для себя и Йеррина, разгружая и загружая суда в гавани. Но через пару месяцев бросил это дело. Йеррину сказал, будто из-за того, что надсмотрщик его побил, что было, с одной стороны, правдой, а с другой – ничего не значило. От наставников в монастыре ему доставалось больше, куда больше. Правда же состояла в том, что он не представлял, как целую жизнь перетаскивает ящики с места на место, а потом ставит на их место другие.

Он мог бы выдержать и такое – до бойни в монастыре. Десять лет среди монахов почти внедрили в него странные радости ранних подъемов, усердного труда, отказа от плотских наслаждений. Если бы солдаты не перебили всех, кого он знал, он мог бы найти покой в ежедневных трудах, найти свободу в таскании тяжестей на своем горбу. Но солдаты пришли и преподали ему другой урок, непохожий на уроки хин, – урок, записанный окровавленными клинками: «До завтра ты можешь и не дожить. Если чего-то хочешь, бери сейчас».

Чего, собственно, он хотел и зачем? Ну, от таких вот вопросов с подвохами Акйил научился уходить.

За долгие годы среди хин ему ни разу не пришло в голову, что монашеская наука может пригодиться не только монаху. Целыми днями то сиди, то беги, то строй, то рисуй, то думай, то не думай – и к чему это тем, кто живет не на горном уступе у самой вершины?

А вот к чему.

Он быстро обнаружил, что эти промозглые годы не пропали даром. Монашеская выучка оказалась превосходной опорой в преступной жизни. Нет, конечно, монахи ни хрена не говорили о монетах и мошенниках, о вранье и замках, но это уже детали. Вскрывать замки любой дурак научится, а он это искусство неплохо запомнил с детства. То, что он получил от хин, было глубже и лучше: терпение, упорство и, главное, умение видеть. У него с детства было недурное чутье, но не более того: он заранее знал, что и где пойдет не так. А теперь с одного взгляда определял, жаден человек или робок, притворяется или искренне недоумевает. Он читал по лицам, как другие по книгам, и не только лица читал – весь мир. Все эти дни медитаций наделили его памятью, не уступающей памяти Тощей Крали. Он запоминал обстановку, помещение таверны, сплетение дорог на карте, лица целой корабельной команды легко, как дышал; он мог при желании выделить и рассмотреть в видении каждую мелочь. Что оказывалось очень кстати, потому что как раз на мелочах обычно и сыплются.

На мелочах или, понимаете ли, на выпивке.

Выпивка прикончила его преступную карьеру в Изгибе.

После особенно удачного предприятия (дочка одного антерского купца отличалась любовью к бриллиантам) он полночи провел в «Голове кита». В Ашк-лане не водилось рома и вообще спиртного, а ром, как выяснилось, начисто смывал все, преподанное хин. К полуночи он хвастался напропалую, а к утру оказался в камере городской тюрьмы – полураздетый и со сломанным пальцем. Побег – когда он протрезвел настолько, чтобы задуматься о побеге, – вышел рискованной дельцей. Задержать дыхание, чтобы тюремщики сочли его мертвым, и сделать ноги после того, как «труп» на телеге вывезли за городскую черту. Ему бы подивиться своей удаче – что сумел снова разыскать Йеррина и живым выбраться из города – да и бросить эти дела раз и навсегда.

Конечно же, он не бросил.

Он пробирался на запад от гавани к гавани на каботажных судах, потом пешком через весь Катал и обирал одного за другим, намечая добычей то мэра, то купца, моряков, солдат, портних – всякого, у кого в кармане звенело и не хватало мозгов побережь монету. С искусностью Акйила другой, более предусмотрительный, быстро составил бы себе состояние и завязал. Акйил же просаживал монету на эль и сливовое вино, на черный ром и чуть не каждое

утро просыпался с заплывшими глазами, с раскалывающейся головой, чувствуя, будто на языке мышь нагадила и подохла. Та еще жизнь, если подумать, но он не задумывался. Не давал себе времени.

Понятно, немалая разница – обобрать несколько богатеньких купцов на окраине империи или явиться в сердце Аннура за казней самого императора. Тихий голосок в голове – тот, что помогал ему выжить эти двадцать с чем-то лет, – нашептывал, что затея дурная, дурная и ненужная. При императоре наверняка охрана, сотни стражников. К ней не подойдешь иначе как через эти тяжелые ворота, а крепость, захлопнув за ним двери, превратится в очередную тюрьму. Ему придется давать невыполнимые обещания женщине, которая щелчком пальцев посылает человека на казнь. А ради чего?

Ради золота.

Понятное дело. Груды золота. Груд и груд золота. Гор блестящего золота, наваленных словно кучи навоза.

Золото – это здорово. На него можно купить еще вина. Можно купить домик для Йеррина, даже с садом, где старый монах будет вволю нянчиться со своими цветочками и букашками, и их не раздавит случайная телега. Золото – это удовольствия, и безопасность, и власть. С золотом не надо озиаться через плечо, не надо кланчить еду на рынках, не надо, просыпаясь утром, гадать, где найдешь следующий ночлег.

Если честно, срать он хотел на золото.

Он снова тронул пальцем клеймо. На пол-удара сердца ему почудилось, что пальцы солдата снова сжимают запястье, крик, как рвота, хлещет из горла, запах поднимается от прожженной железом кожи. Он медленно, обдуманно распустил пояс и вздохнул.

«Страх слеп, – напомнил он себе. – Спокойствие зряче».

Старая премудрость хин.

Пусть они, учившие его монахи, были беднее пыли, зато умели успокоить тело, заглушить волнение души, обойти звериные позывы, приказывающие замереть или бежать. Он еще раз вздохнул, на несколько ударов сердца задержал дыхание, перелив в него страх и сомнения, и медленно выпустил воздух. Выдохнув, он ощутил в себе легкую пустоту и готовность. Они могли бы вершить великие дела, эти хин. Жаль, что не дали себе труда попробовать.

8

– Мне надо в дельту, – сказал Рук.

Бьен не ответила. Она словно в одиночестве сидела на крыше своей спальни. На него не смотрела – не отрывала глаз от огонька рыбацкой лодки, и лицо ее почти терялось в темноте, подсвеченное только отблеском из железной корзины на носу суденышка. Рук молча смотрел на нее, пока Бьен не шевельнулась, занавесив черными волосами лицо. Тогда он протяжно и тихо выдохнул, обернувшись туда же, куда смотрела она.

Рыбак подбросил в качающуюся корзину новое поленце. Брызнули искры, зашипели, исчезая на стеклянной глади воды. Глупые рыбины, поднимающиеся на свет, не были видны Руку – вода там, где не отражала огня, казалась черной, но рыбаки уверяли, что краснобоки и плескуны путают горящие корзины с луной. Что влечет их к луне, конечно, оставалось загадкой.

– Зачем? – спросила наконец Бьен.

Руку всего раз в жизни довелось потрогать лед – один почитатель Эйры пригласил несколько ее жрецов провести обряд в его доме. Рук пошел с ними: размахивал кадилом и пел, а после окончания обряда купец угостил его свежим соком на льду. В его детском представлении это была невообразимая роскошь – холодный напиток в жарком мире. И все же прозрачные осколки чем-то встревожили мальчика. Осушив стакан, он долго разглядывал льдинки, потом робко тронул одну языком. От холода стало больно во рту. Он бы не объяснил почему, но это показалось опасным.

«Зачем» Бьен напомнило ему тот лед.

– Вестник, – помедлив, отозвался он.

Неделю назад глубокой ночью им удалось вынести мертвеца из комнаты Бьен. Аксоч на его шее к тому времени начал ссыхаться. Нехорошо было сбрасывать умершего в канал, но в теле уже не было души, а ничего другого ни Рук, ни Бьен придумать не смогли. Крематорий располагался на дальнем восточном конце города, а зеленые рубашки, застав их с трупом на руках, вряд ли проявили бы понимание.

– Он был сумасшедший, – сказала Бьен.

– Сумасшедшие так не говорят, – напомнил Рук. – Да и не один он был. И все возвещали одно и то же.

– В городе такое не первый раз. «Чистота крови». Сыны Као. Джем Вон со своими последователями. «Тройная истина». Зайду сейчас в Запруды – наверняка обнаружу на мосту какого-нибудь бедолагу, пророчащего потоп, мор или кровавые дожди. В Домбанге каждый второй верит в завтрашний конец света. И от этих ливней только хуже делается.

– Этот был не из Домбанга.

– Лжепророки попадают в любых странах.

– А та штука у него на шее? – Руку не хотелось даже вспоминать стягивающуюся живую петлю. – Этот аксоч?

– Не знаю, Рук.

– Что, если на Домбанг и впрямь движется войско?

– Домбанг только что разбил армию сильнейшей в мире империи. Если его... Владыка – кстати, мне очень не нравится это слово. Я каждый раз им давлюсь. В общем, если он существует и если у него действительно есть войско, он, как все, сгинет в дельте. Ты сам так сказал.

– Только это не совсем верно... – Рук запнулся. – В дельте погибают не все.

– Большинство погибает. – Она поджала губы. – Не всех же воспитывали вуо-тоны.

Сказано это было мягко, даже ласково, но Руку послышался в словах отзвук угрозы.

Он отвернулся, взглянул через канал.

За спиной рыбака на перилах лодки рядом расселись бакланы – клювастые головы, словно кривые стилеты. На глазах у Рука один нырнул в воду. Рук стал считать удары сердца. Восемь... девять, десять... На пятнадцатом птица показалась на поверхности в нескольких шагах от места погружения, голова и спина у нее блестели от влаги. Серебристый рыбий хвост – мерцавший в отблесках огня, как монета, – дернулся и скрылся в клюве.

Бьен смотрела на него, ее глаза молчали.

– Сколько ты не бывал в дельте? Пятнадцать лет?

Он кивнул.

– А теперь хочешь вернуться.

– Не скажу, чтобы «хотел».

Он сомневался, подойдет ли это слово к клокотавшей в нем буре.

– Ты говорил, что выбрал Домбанг. Выбрал Эйру.

«Выбрал меня», – не добавила она.

– Я не собираюсь там оставаться. Только найду вуо-тонов. Если в протоках появилось что-то необычное, что-то стоящее внимания, они знают.

Она еще долго смотрела на него, прежде чем повторить вопрос:

– Зачем?

Простой ответ болтался перед ним, как наживка.

«Вдруг узнаю что-то, чтобы защитить храм, защитить тебя».

Это была бы не ложь, но и не вся правда. За ней вставал другой ответ, темнее и опаснее, и высказать его было не так легко.

Рук смотрел в ночь.

– Когда-то дельта была мне домом.

– Ты говорил, что отказался от нее.

Он незаметно покачал головой:

– Прошлое цепляет зазубринами, Бьен. Ты не хуже меня это знаешь. Как рыбацкий крючок. Так просто от него не откажешься.

* * *

В темный час перед рассветом город еще спал. Дождь наконец прекратился, но пропитанный влагой воздух давил, как набрякшее одеяло. Дым редких глиняных труб – из домов рыбаков или рано встававших работников – нехотя поднимался в небо, закрывал пятнышком горстку звезд и, остывая, клонился книзу, тянулся перышком по водам канала. Если к рассвету не поднимется ветер, дым, подпитанный сотней тысяч очагов, сгустится, забьет улицы и протоки, закутает город в жаркую зудящую дымку, в серый туман, где маячат лишь смутные тени. Но сейчас гребущему по каналу Као Руку – он обогнул с востока громаду Кораблекрушения и двинулся на юг – было далеко видно в промытом грозой воздухе. День еще не набросил на себя бронзовой мантии зноя. Весло было легким, каноэ беззвучно резало забрызганную звездами воду, с каждым гребком устремляясь вперед, словно ему не терпелось вырваться из города на волю.

Когда Рук поравнялся с последней лачугой, над водой поплыл низкий, шершавый мужской голос, выводивший мелодию старой домбангской песни.

Довольно, сказал рыбак, я здесь не останусь боле,
И он свернул свои сети, и он сложил свои весла.
Любовь моя любит иное,
А-ла, а-ла,
А-ла, увы и а-ла.

И он ушел по теченью,
Ушел из города вовсе,
Не ждал ни любви, ни жалости
И пел, что любит иное,
А-ла, а-ла, и пел, что любит иное.

Год миновал, и ветер пригнал назад его лодку.
А-ла, а-ла,
А-ла, а-ла и увы.
Лодка была пуста, рыбак назад не вернулся,
Он и песня его навеки остались в дельте.
А-ла, а-ла, а-ла, а-ла и увы.

Последние слова песни стихли за спиной.

Рук поудобнее перехватил весло, погрузил его в черную муть, погнал легкое суденышко дальше.

* * *

Он отошел примерно на милю от Домбанга, когда в ночной мрак стал вливаться рассвет. Чернота перетекла в темно-лиловый, тот побледнел до кроваво-красного, а красный до розового. Звезды на востоке редели, теряясь в волне сияния. Синеголовки прощупывали тишину отрывистой тонкой песней: тви-вит-вит, тви-вит-вит. За ними вступили горзлы, за теми – камышовки и береговые пеночки, следом, тише и медлительнее, раздалась грустные нотки горигрудок: пра-авда, пра-авда...

На той стороне канала мелькали в камышах перепархивающие птички, взблескивали голубым, зеленым, черным. Он задержал весло, позволил памяти скользнуть вслед за звуками.

Он слишком мал, не умеет назвать своего возраста – пять лет? семь? – стоит среди камышей, раскинув руки. Это еще до вуо-тонов; все, что представлял тогда о мире, он узнавал от жестоких и прекрасных созданий, почитавшихся в дельте богами. Он не видел в них богов. Ему было незнакомо ни слово, ни представление о богах. Мальчик знал только, что они его растили, защищали, учили...

Он стоял так давно, с предрассветных сумерек. Глаза щипало, застывшие в неподвижности плечи ныли, но он не опускал рук. И дышал только через нос. Когда наполнился мочевой пузырь, он дал ему волю, не обращая внимания на стекающее по голым ногам тепло. Он воображал себя деревом – терпеливым, вросшим корнями в землю. На небо выползало солнце.

Птицы прилетали и улетали, садились ему на плечи, на запястья, даже на уши, но горигрудка опустила наконец на палец только к полудню. Он видел ее краешком глаза – трепет и неподвижность, склоненную набок головку, синий глазок, как вставленный в голову мокрый камушек; мерцание огненно-красных перышек на груди, то разгорающееся, то заливаемое чер-

ным. Рук тогда еще не умел разводить огонь – они нуждались в огне не более, чем в словах, – но видел, как тлеют пораженные молнией деревья, как оживает в дереве горячий свет, черно-красный жар углей. Тех деревьев он коснуться не мог, но вот птица...

Ловушка его ладони захлопнулась, защемив шершавую лапку. Судорога крыльев, когда птица отчаянно рванулась в воздух, потом укол острого клювика в мякоть между большим и указательным пальцем. Он сложил вторую кисть колпачком, накрыл им головку птицы, и она утихла до жалкого пернатого трепета. Он чувствовал удары сердца в ее груди: мелкие, невероятно частые, подстегнутые ужасом. Он поднес птицу к самому лицу, заворковал: «пра-авда, пра-авда». Тогда он не слышал в этих звуках слов. Он дождался, пока птичка совсем не затихнет, и свернул ей шею.

Он неделю ходил с перьями в длинных черных волосах и с ранкой на ладони.

Сейчас, сидя в каноэ и вглядываясь в камыши, он вспоминал, когда последний раз кого-нибудь убил. Учение Эйры не воспрещало убийства животных. Что ни говори, людям нужно жить, даже тем, кто принес клятву верности богине. Другие жрецы потрошили рыбу и что ни день рубили головы курам, но Рук, с тех пор как покинул дельту – покинул в последний раз, – не мог припомнить, чтобы отнимал жизнь, разве что у насекомых. Странно, если задуматься, ведь когда-то он это так хорошо умел.

Не дав ленивому течению подхватить лодку и унести ее обратно в город, он снова опустил весло в воду. Плечи ныли, на ладонях уже вздувались пузыри, но Рук заметил, что боль его радует. Он поерзал на твердой скамье: тело размякло, но сохранило память. Ежегодно перед началом сезона дождей вуо-тоны устраивали лодочную гонку. Он выигрывал три года подряд: побеждал мальчиком, соревнуясь против мужчин и женщин вдвое и втрое старше его. От этой мысли губы сами собой растянулись в улыбке, которая удержалась и тогда, когда он загнал каноэ в тень нависающих тростников.

Дельта реки Ширван была огромным лабиринтом, треугольником со стороной более пятидесяти миль, переплетенным сотнями тысяч протоков, то позволяющих пройти трехмачтовому судну, то извилистых, в полшага шириной и глубиной едва по щиколотку. Здесь невозможно было двигаться по прямой. Солнце, если его было видно, помогало держать курс, но чаще над головой вставали камыши и тростник в два-три человеческих роста, и сквозь них сочился размытый зеленый свет, который лился, казалось, со всех сторон. На редких настоящих островах росли деревья канг, но, если и удавалось найти такое и, взобравшись на него, определить по солнцу или по звездам, камыши снова смыкались над головой, едва вы спускались вниз.

Рыбаков находили иногда всего в тысяче шагов от Домбанга – так близко, что они должны были видеть дым, ловить душные запахи, слышать отзванивавшие время городские гонги; так близко, что, решишь они выбраться из лодки и пойти напрямик по илистым отмелям, вплавь по протокам, могли бы выжить. На это мало кто отваживался. Что ни говори, их воспитывали на историях о стаях квин, до костей обгладывающих бьющегося пловца; об оторванных крокодилами руках, о пауках и змеях. Каждый знал, как оно бывает: быстрый укол в икру, судорога, боль сведенных и не желающих расслабляться мышц, дрожь и окоченелая неподвижность, слепые глаза, запертый в легких последний вздох. Всем этим опасностям почти каждый предпочитал сомнительную безопасность лодки – звал на помощь, а потом, когда не оставалось сил на крик, ждал и надеялся, медленно теряя надежду по мере того, как зной убивал их день за днем, пока не оставались только шорох камышей и бормочущая на непонятном языке дельта.

«Вот этого, – напомнил себе Рук, направляя лодку в узкую протоку, – хорошо бы избежать».

Конечно, и в дельте были способы найти дорогу. Не будь их, вуо-тоны не прожили бы столько поколений среди камышей. Рук сызмала научился читать речное течение по изгибам струй: узнавать, какая протока разветвляется, а какая сомкнется вокруг него. Ветерок тоже

несет подсказки; и блеск рыбьего плавника под водой, и птицы. Кто умел, мог связать воедино все знаки: если синеголовки порхают вот так, значит вылупились мушки бо, а значит, течение ускорится. Отыщешь стремнину, и мир разделится пополам – на запад и восток, потому что, как бы ни вились протоки, быстрая вода, настоящее течение, никогда не петляет. Чем дальше на запад, тем тростник выше и зеленее. А ночью, когда не различить цветов, можно уловить привкус морской соли в речной воде. Искусных путеводителей вуо-тоны почитали почти наравне с самыми яростными бойцами, но проложить путь – не прямой, не с первой попытки, много раз возвращаясь по своим следам, – с островка на островок умел и ребенок.

Первый такой остров Рук нашел без особого труда – возвышение в форме полумесяца, называвшееся у вуо-тонов Крысиным Пиром. Ведущих от него проток он не узнал, но наугад выбрал стремящуюся более или менее к юго-западу и держался ее как мог, пока ему не посчастливилось сквозь сетку тростника заметить кружащего большого коршуна и выйти за ним к западу, к Старому Могильнику. Оттуда широкая протока – такая широкая и медленная, что напоминала скорее длинный пруд, – довела почти до Четырех Перьев. Оттуда...

Он постепенно, как опускаются в холодную ванну, погружался в дельту, отдавался ее гудению и стрекоту, тонул в ее теплом илистом зловонии, в жаркой буро-зеленой дымке. Десять тысяч осколков солнца снова и снова вспыхивали на воде. Он не знал, или знал, да забыл, какую большую часть себя – полжизни – упрятал в деревянный ящик сознания и спихнул его с глаз долой. Удивительно, как быстро все возвращалось – словно сокол на руку хозяина: удар весла, привычка держать равновесие в легком челне, нюх на проходы в стене тростника. Он так долго прожил в городе, что почти поверил в самые буйные враки про дельту, но, конечно, не так все было страшно. Ради Эйры он выжил здесь ребенком, снизил ожерелье из змеиных клыков...

И тут, словно тварь почуяла теплое эхо его гордыни, лодыжки коснулась холодная чешуя. Весло замерло в воздухе. Вода капала с кончика лопасти; капли разгоняли кружки по поверхности, складываясь в дорожку, которая растает задолго до его возвращения.

Рук медленно опустил взгляд на корму, туда, где лежала разрисованная красными и желтыми полосами змея – наполовину уйдя в тень, наполовину обвившись вокруг его ноги.

Хозяйка танцев.

Такое имя дали ей вуо-тоны за то, что ужаленный дергался и корчился в ритме жестокой и беспощадной мелодии. Домбангцы называли змею проще: «двенадцать вздохов». Примерно столько вам оставалось после того, как ядовитые зубы погрузятся в плоть.

Сердце запнулось и неровно забилося снова.

«Эйра, смилуйся...» – безмолвно взмолился он, но остановил себя.

В могуществе богини он не сомневался. Он тысячу раз видел, как любовь преображает человека, делает его сильнее, светлее, лучше. Но здесь, в милях от окраинных лагун Домбанга, не было подвластных преображению людей. Звери дельты повиновались богам древнее, темнее и кровавее богини любви.

Он всмотрелся в красные глаза обвившей его ногу змеи. Она, верно, заползла на корму – хозяйки танцев лазали не хуже, чем плавали, – привлеченная плеском и движением лодки. Раздвоенный язычок мелькал, пробовал воздух на вкус. Под влажной чешуей переливались мускулы, и неподвижная с виду змея витками поднималась выше, пока ее голова не оказалась почти вровень с лицом Рука и не уставилась на него в упор.

Легкое течение развернуло лодку, стало сносить назад.

Рук медленно, очень медленно разжал пальцы одной руки, сжимавшей весло.

Ребенком он бы только посмеялся над такой змеей. Кем Анх с Ханг Локом носили их, как женщины в Домбанге носят кольца и браслеты, и сам Рук привык играть со змеями: проверял, сумеет ли ухватить за шею, не дав вонзить клыки себе в руку. Он и не догадывался, что такой укус – который жег, точно вшитый под кожу уголек, – другого убил бы. Он так и не понял, что хранило его от действия яда. Теперь, разглядывая остроконечную головку, Рук не мог знать,

сохранилась ли защита много лет спустя. Довериться ей было бы безумием, а потому оставался один вопрос: сколько проворства он растерял, полжизни прожив жрецом Эйры?

Тишина дельты грохотала в ушах.

Он смерил расстояние от змеиной головы до своего лица, от своей руки до змеиной головки. Слишком далеко. Если не отвлечь змею, ничего не выйдет. Застоявшийся воздух саднил грудь, словно яд уже проник в жилы. Медленно, как плывущая по воде тростинка, он сдвинул свободную руку, отвел ее от себя так, что ладонь зависла над головой хозяйки танцев. Змея, как и Рук, видела тепло тела, интересовалась им, но в дельте много всего теплого. Она не ужалит, пока не заметит движения.

Он заставил себя забыть о рассказах – как люди рвут себе горло ногтями; как выкатываются глаза у тех, кто задыхается от яда, – и припомнить залитые солнцем нагие дни игр со змеями. Те старались ударить повыше – не туда, где находилась жертва, а туда, где должна была оказаться с началом схватки. Рук сжал подушечки большого и среднего пальца, ощутил поднимающееся к плечу напряжение и одним движением прищелкнул, уронил руку, занес снизу, вскинул и ухватил взметнувшуюся змею позади головы. Долю мгновения ему казалось, что дело сделано.

А потом хозяйка танцев извернулась в пальцах, сложилась вдвое и глубоко вонзила зубы в запястье Рука.

Он выронил весло, двумя руками взял змею и пережал так, что переломился хребет под скрученными мышцами.

Поздно.

Рук схватил змею слишком далеко от головы, допустив один предсмертный укус. На него уставились мертвые красные глаза. Он швырнул труп на дно лодки – незачем приманивать из воды других хищников – и медленно поднял руку с ранкой к глазам.

Из проколов выступили две капельки крови. Он не стал делать надрезы, высасывать яд: слишком глубоко он уже проник. Рук чувствовал его, как протянутую по жилам колючую, раскаленную добела проволоку, которую каждый удар сердца протаскивал все дальше и дальше. Он попробовал вспомнить, сколько вдохов сделал с тех пор. Три? Четыре? Воздух дельты забил легкие, став вдруг горячим, словно он сунулся лицом в кипящий горшок и пытался дышать паром. Кругом шевелились, раскачивались, колебались тростники. Ветер? Или у него уже мутится в глазах?

Он нетвердой рукой взялся за борт лодки, уставился в рассеянное тростниками солнечное сияние, ожидая начала последнего страшного танца.

Вместо того проткнувшая его руку огненная спица замедлила движение и остановилась. Еще десяток мучительных вдохов, и огонь перешел в болезненный зуд, тот – в звонкие мурашки, и, наконец, осталась только ноющая боль в месте укуса и на ладонь вверх, к локтю.

Он повернул руку так и этак, снова посмотрел на две капельки крови, которые уже сворачивались – как всегда скорее, чем у любого другого человека.

И закрыл глаза. Его захватили голоса дельты – плеск воды, птичий щебет и тихий гул миллионов крошечных насекомых.

Вот так.

Пятнадцать лет ничего не изменили. Ничего не перевернулось, когда он обратился спиной к миру зеленого солнца, ила, крови и смерти. Когда он отверг богов Вуо-тона. Эйра не перекроила его по своему образу. Столько лет в молитве и покаянии, а все осталось прежним – красное зрение, память, сила, способность выжить там, где никто не выживет. Он остался, кем был.

Кем бы он ни был.

9

Всю дорогу до западного порта Пират Гвенне чудилось, что она идет под водой или против немилосердного ветра. Погода была ни при чем. Небо оставалось до хруста чистым. Над селениями и широкими полями за Аннуром сияло солнце. На самом деле они с Килем и двумя приставленными для охраны легионерами неплохо продвинулись. Завидев имперский флаг на коротком древке в руках Чо Лу, все на широком тракте – крестьяне с телегами, купцы в фургонах, спешащие по своим делам пешеходы – поспешно жались к обочине. Они могли ехать рысью по ровному пути и пологим спускам и быстрым шагом на подъемах. В сравнении с иными ее путешествиями нынешнее выдалось легким, чуть ли не прогулкой. И все же она едва держалась на проклятой лошади.

Гвенна сама не знала, чего хочет. Остановиться? Повернуть назад? Спешиться и пуститься бегом? Безумие. Не занятая внутренней борьбой часть сознания еще признавала его. Не было повода задерживаться, ничто ей не препятствовало, и все же, чтобы усидеть в седле, нужно было усилие воли, какого не требовал от нее ни один бой.

Чо Лу и Паттик все только усложняли. Оба были на пару лет старше ее, а выглядели моложе. Она ловила их взгляды. Она даже с закрытыми глазами чувала их трепетное, изумленное волнение. Напрямик она не признавала себя кеттрал – бывшей кеттрал, – но легионеры были не слепые. Они заметили и черную форму, и парные клики – Гвенна не видела причин отказываться от оружия, к которому привыкала всю жизнь. И ее шрамы заметили.

Может быть, они впервые видели кеттрал, зато рассказов наслушались. И уж конечно, тех, в которых величайшие воины империи переплывали океаны, стирали с лица земли крепости, не бросали боя тяжело ранеными, спасали людей, побеждали, когда все казалось потеряно... Наверняка не тех, где кеттрал бессмысленно гибли по недоумию своего командира.

К середине первого дня Чо Лу не выдержал. Натянул узду и пристроил коня рядом с Гвенной.

– Я только хотел сказать, – шепнул он, – какая честь быть вашим спутником, командир. И для меня, и для Паттика.

Гвенна повернулась к нему. Парень чем-то походил на домбангца: длинные прямые волосы, темная кожа, карие глаза.

– Последние два месяца, – сказала она, – я убивала людей с именами вроде Чо Лу. И очень похожих на вас.

Жестокие и ненужные слова. Аннурские легионы принимали людей со всего Вашша и Эридрои. Может, семья Чо Лу и вела род из Домбанга – отец, или мать, или их родители. Это не порочит его верности империи. Но если капля яда покончит с их Шаэлем сплюнутым восхищением, Гвенна готова платить эту цену.

Легионер опешил было, но тут же улыбнулся, покачал головой.

– Я знаю о волнениях в Домбанге.

– Волнениях? – переспросила Гвенна. – Пять лет гребаной резни, начавшейся с того, что местные порубили тысячи легионеров и скинули куски в канал.

Чо Лу решительно кивнул:

– Мы все об этом слышали. У меня дед из Домбанга, но и он восемь лет назад перебрался в Аннур. А родители выросли в Шелковом квартале, и я тоже. – Закатав рукав, он показал ей татуировку с аннурским солнцем на мускулистом предплечье. – В легионах не найти человека вернее меня.

– Он правду говорит, – вставил Паттик.

Тот тоже задержался, пристав к собеседникам. Паттик, в отличие от Чо Лу, был едва ли не светлее Гвенны. Волосы не рыжие, темнее, зато все щеки и лоб в веснушках. Он был не так хорош собой, как его приятель, и не так легко улыбался – честно говоря, он был довольно уродлив: тяжелый подбородок, большие уши, слишком близко посаженные глаза. Но и он, как Чо Лу, выглядел солдатом.

– Когда гадости в Домбанге только начались, – говорил белокожий, – в отряде кое-кто напустился на Чо Лу.

– Когда там все закрутилось, вам по сколько было? – спросила Гвенна. – По четырнадцать?

– Шестнадцать, – ухмыльнулся Чо Лу.

– В легион принимают с семнадцати, – напомнила она.

Он улыбнулся шире прежнего:

– А мы соврали.

Не Гвенне было их судить. В кадеты она попала в восемь, первый взрыв устроила в десять.

– И что случилось с наехавшими на вас братьями по оружию? – поинтересовалась она.

– Мне пришлось кое-кого... вразумить, – пожал плечами Чо Лу. – Напомнить, что присяга важнее имен, которыми нас наделили родители.

– И как они приняли урок?

– У Скорча остался шрам над бровью, а у Феррела палец кривовато сросся, но они все поняли. С тех пор мы пять лет сражались плечом к плечу. До последних дней. Это мы подавляли Анклишанский мятеж. И выжгли сетьенских разбойников в Раалте.

Улыбка его на минуту стала почти хвастливой. Потом парень вспомнил, с кем говорит, и гордость на его лице мигом сменилась тем же Кентовым почтением.

– Конечно, все это пустяки, – заметил он, – детские игрушки в сравнении с делами кеттрал.

«Кеттрал накормили собственным дерьмом, – захотелось ответить Гвенне. – Нас, почитай, не осталось. Нет птиц, а несколько выживших в гражданской войне бойцов либо стары, либо слишком увечны для боя».

Но она только молча взглянула ему в глаза и двинулась дальше в выразительном, как она надеялась, молчании.

Как видно, недостаточно выразительном. Выждав примерно четверть мили, Чо Лу снова подал голос.

– Понимаю. Конечно, мы помним, что вам нельзя говорить о... своих делах. Но возможно, вы разрешите наш с Паттиком спор.

Паттик неловко заерзал, но и в нем Гвенна чужая нетерпеливое любопытство.

– Возможно, нет, – отрезала она.

Чо Лу расхохотался, словно в жизни не слышал шуток смешнее.

– Возможно, нет! – Он оглянулся на друга. – Она говорит: «Возможно, нет!»

И он спросил так, словно она и слова не сказала:

– Так вот, тут такой вопрос. Кеттрал могут дышать под водой?

– Нет.

Гвенна надеялась, что это положит конец разговору. Легионеры переглянулись. Чо Лу явно не верил.

– А что вы видите в темноте, правда?

Вот это была правда, но не повод подливать масла в огонь их поклонения.

– Нет.

– А боль вы чувствуете?

Гвенна чуть не задохнулась. После бойни в Банях она ни часа не прожила без боли. В первые несколько дней думала: это от впившегося в плечо осколка и других ссадин и порезов. Но шкура у нее заросла, как всегда. Синяки сошли. А ей все чудилось, что железный кулак сжимает сердце, длинные шипы впиваются в мозг, а на груди, не давая вдохнуть, лежит гора кирпичей.

– Да, – угрюмо отозвалась она, – боль чувствуем.

Похоже, Паттик был несколько разочарован. Зато Чо Лу подмигнул ей:

– Понятно. Мы и не ждали, что вы раскроете свои секреты.

– Нет у меня никаких секретов.

Конечно, она врала, но за ложью стояла правда. Тех секретов, которых ждали легионеры, у нее не было.

– А насчет птиц... – заикнулся Чо Лу.

– А насчет прикусить язык? – оборвала Гвенна. – И оставить меня в покое...

Паттик взглянул обиженно, а Чо Лу только улыбнулся.

– Конечно, командир. Просто для нас честь ехать с вами рядом.

Честь... Будто она какой-нибудь сраный герой.

* * *

Поднажав, они могли бы добраться до Пирата за день. Но император сообщила, что на загрузку и подготовку судна к плаванию уйдет два, и потому они остановились в гостиничке между западным портом и столицей. Чо Лу пошел нанять комнаты, Паттик занялся лошадьми, и Гвенна с Килем остались наедине в отдельной столовой, выделенной для них усердной хозяйкой. Та принесла ужин: куропатку, фиги, козий сыр, ломтики плодов огневки и бутылку вина.

Гвенна на еду не смотрела. Живот свело в узел. Любой кусок во рту отдавал пеплом. Ей в последнее время все снилось, что она задыхается насмерть, и при взгляде на фиги представлялось, как они разбухают, забивают горло, перекрывают воздух, как она рвет себе глотку...

– Вам надо поесть, – сказал Киль.

– Думаете, император выбрала бы для задания того, кого надо кормить с ложечки?

Историк пожал плечами, оторвал ножку куропатки и стал зубами сдирать мясо с косточки. Гвенна смотрела, как он жует.

Ей здесь не нравилось, в этой комнате. Хотелось быть уже далеко, на борту судна. Хотелось с кем-нибудь подраться, кого-нибудь убить. Почувствовав подступающий гнев, она сжала кулак. Сидя в отдельной столовой и любуясь, как историк лопает куропатку, ничего не исправить, но комната для нее еще не готова, а в общем зале поджидают Паттик и Чо Лу с круглыми глазами и десятком вопросов. Она заставила себя взять ломтик огневки, прожевать и проглотить. Чтобы драться, нужны силы, а кроме того, у нее накопились вопросы к императорскому историку.

– Чего я не знаю? – спросила она, не сводя с него глаз.

Киль перестал жевать.

– Полагаю, список выйдет длинным, – шевельнул он бровью.

Хорошая шутка, но иронией от него не пахло. А пахло гребаным камнем.

– Вы лич? – не отступилась она.

Такой вопрос почти любого заставил бы встрепенуться. Кеттрал с личами сотрудничали, но все прочие аннурцы их сжигали, вешали или топили. Киль следовало бы обидеться, возмутиться. А он выразил разве что умеренный интерес.

– Почему вы спрашиваете?

Гвенна замялась. Ответив честно, она выдала бы собственный секрет. Только кеттрал знали о Пробе, сларнах с их яйцами и даром обостренной восприимчивости.

– Я неплохо разбираюсь в людях. Какой у вас колодец?

– Я не лич, – покачал головой историк.

– И не простой историк.

– Простых не бывает.

На это трудно было найти ответ. Сама Гвенна простой солдат. Вернее, была простым солдатом до разжалования.

– Ради чего вас послали со мной?

– Как объяснила вам император, ради моих знаний о Менкидоке. И не только.

– Все ваши знания о Менкидоке – из кипы книг тысячелетней давности.

– Некоторая их часть – да.

– Вы работали с картами и записями кшештрим, которые вымерли уже... сколько?

– Приблизленно – десять тысяч лет назад.

– Вот-вот. Десять тысяч лет назад. Планируй я вторжение в Эридрою по кшештримским картам, меня ждал бы нехилый сюрприз – целая империя невесть откуда взялась.

– Береговая линия не исчезла вместе с кшештрим, хотя могла несколько измениться. И новые горы за последние десять тысяч лет из земли не выросли.

– Вы здесь не чтобы показать мне побережье и горы. На то есть карты.

– Не все в Менкидоке отмечено на картах.

Сказано было достаточно сдержанно. Он выбрал на блюде фигу и стал задумчиво жевать. Не с таким видом обсуждают затерянный континент. С таким видом вообще ничего не обсуждают. Штука в том, что Гвенна его наружности не доверяла.

– Вы там бывали, – сказала она, помолчав.

Другого объяснения быть не могло.

– Очень давно, – подтвердил историк.

Гвенна кивнула на его кривой нос, переломанную челюсть, пальцы.

– Это все оттуда?

– Повреждения? – Ученый взглянул на свои ладони. – Нет, большая часть получена значительно позднее.

– Что вы там делали?

– Изучал.

– Что изучали?

– Историю.

Она нахмурилась:

– Я считала, историки интересуются людьми. Что им делать там, где людей нет?

– В тех краях не всегда было так пустынно.

– Всю историю Аннура континент необитаем – на всем протяжении письменной истории человечества.

– Люди, – заметил Киль, – не так давно научились писать.

Он вернулся к куропатке, а слова так и остались висеть между ними. Гвенна следила, как он ножом и вилок разбирает грудку. Она всю жизнь ела мясо: баранину, свинину, говядину, оленину – все, что можно изловить или подстрелить на аннурской земле, но вид отделяющего мясо от костей историка вдруг напомнил ей Талала в дверях Бань: кровь хлещет из ран, кожа опалена, словно его поджарили на вертеле.

Она отвернулась к маленькому окошку. Дорога на запад, широкая и прямая, как копье, пронизывала холмы и деревни, уходя к далекому отблеску моря. Закатное солнце превратило воду в огонь, потом в кровь.

– Так что там, в Менкидоке? – спросила наконец Гвенна.

– Чудовища, – ровным голосом ответил Киль. – Болезни. Безумие.

Гвенна обратила на него пристальный взгляд:

– Император считает, что все это выдумки да байки.

– Люди не выдумывают на пустом месте, – возразил историк.

Она обдумала его слова.

– А вы говорили об этом императору? Она вам не поверила?

Киль покачал головой.

– Не говорили? – настаивала Гвенна, в которой удивление схватилось с растерянностью.

– Не говорил.

– Вы понимаете, что это измена?

– Измена? – Он задумчиво налил в чашку чаю, сдобрил медом, размешал. – Мне представляется более серьезной изменой лишить империю оружия, в котором она чрезвычайно нуждается.

– Птиц.

– Птиц, – подтвердил он, склонив голову.

– Осознание опасности повышает шансы на успех операции, а не подрывает их.

– Потому я вам и рассказываю. И расскажу начальнику экспедиции после выхода в море.

– Мне и начальнику, но не императору... – покачала головой Гвенна. – Почему?

Историк сделал крошечный глоток чая, насладился вкусом и отставил чашку.

– Адер уй-Малкениан – способная правительница, но она осторожна. Она и так рискует, отсылая один из самых ценных кораблей, одного из лучших адмиралов, одну из последних кеттрал...

– Я не кеттрал.

– Все равно, – понимающе кивнул он. – Она многим рискует на основании сведений, которые, как вы заметили, вполне могли устареть на десять тысяч лет. Сознавая она, как опасен тот материк, полагаю, никогда не решилась бы на экспедицию.

У Гвенны от этого разговора голова пошла кругом. Такое признание могло стоить историку головы, а он выкладывал все так беспечно, за чаем, под фиго и куропатку. Скрыть от императора правду о Менкидоке – даже если это правда, если он не сошел с ума, как старинные первопроходцы, – уже достаточно плохо, но Киль на этом не остановился. Он, изломанный, остроглазый, лишенный запаха человек, кажется, имел тут свой интерес, ради которого готов был рискнуть милостью императора и собственной жизнью.

– Зачем это вам?

Он взглянул на нее, поджал губы, сделал еще глоток, поморщился, добавил в чай меда и помешал, вглядываясь в пар над чашкой.

– Историк проще работать, когда в мире царит порядок. С крушением Аннура моя задача сильно усложнится.

– Я думала, историкам положено вести хронику событий, а не участвовать в них.

Он вынул из чашки ложечку, положил на стол, снова попробовал чай и улыбнулся.

– Тот, кто наблюдает события вблизи, чтобы хроника была точной, неизбежно в них участвует.

– Если я скажу Адер, она вас убьет.

– Вероятно. Хотя я сомневаюсь. У нас у всех общая цель – у вас, у нее, у меня. – Киль пожал плечами. – К тому же не думаю, чтобы вы ей сказали.

– Вы обо мне ни хрена не знаете.

– Напротив, я знаю о вас довольно много. Ваша деятельность заняла четыреста тридцать страниц моей хроники. Приблизительно.

– Четыреста тринадцать? – вздернула брови Гвенна.

– Приблизительно.

– И что же вы узнали, исписывая эти четыреста тринадцать страниц?

Киль ответил ей сдержанной улыбкой.

– Узнал, что вы из тех, кому в данном случае необходимо путешествие, цель.

Она заерзала на стуле.

– Кому нужно путешествие на другой край света?

– Тому, кто потерял свой путь на этом его краю.

В комнате вдруг стало тесно и душно. Гвенна отодвинулась от стола, неуверенно поднялась на ослабевших ногах, отвернулась от историка, шагнула к окну и оперлась на подоконник, чтобы руки не дрожали. Последние лучи солнца отражались в окнах напротив и золотили воду рыбного садка. Она глубоко втянула прохладный вечерний воздух, задержала немного, выдохнула и снова вдохнула. А повернувшись наконец к Киллю, встретила его взгляд над краем чайной чашки.

– Расскажите про Менкидок, – сказала она.

– Что вы хотите узнать?

– Почему там никто не живет? Почему вернувшихся оттуда называли проклятыми?

– Проклятыми... – Историк наморщил лоб. – Неточное слово, но и не совсем ошибочное.

Вероятно, точнее будет сказать, что земля Менкидока – во всяком случае, большей его части – больна. И эта болезнь поражает все живое.

– Смертельная?

– Она не столько убивает, сколько... изменяет.

– В рассказах о континенте было много смертей.

– От сильных изменений можно и умереть. Однако чаще эта болезнь просто... уродует.

– Чудовища...

– Обычные животные, превращенные в нечто иное.

– Какое «иное»?

Историк опять покачал головой:

– Мне встречались пауки ростом со взрослую свинью, восьмипалые тигры, растения, питавшиеся плотью и кровью.

– Я такое разве только от пьяниц из Менкерова трактира слышала, – закатила глаза Гвенна.

– Может, кто-то из пьяниц, захаживавших к Менкеру, побывал в Менкидоке? И с тех пор стал пить?

В голосе историка не слышалось ни презрения, ни обиды. Менкидокские ужасы он перечислял, как другой перечислял бы, что ел на завтрак.

– В Менкидоке никто не бывает.

– Люди бывают всюду, – возразил Киль. – Это одна из их очаровательных и необъяснимых особенностей. Услышав известие об огненном острове в море яда, кто-нибудь непременно построит корабль, чтобы отплыть туда и своими глазами наблюдать процесс собственного разрушения, пока горит корабль.

Гвенна с радостью бы поспорила, не будь Киль прав. Она знавала кеттрал из снайперов, решившегося взобраться на высочайшую вершину Костистых гор. Он мог бы долететь на птице, но такой способ ему не годился. Вернулся без двух пальцев и с отмороженным ухом, зато довольный.

– Адер говорила, что там живут люди. На северо-западном берегу.

– Может, несколько тысяч в десятке деревушек, – кивнул историк.

– А та... болезнь? Их она не... изменяет?

– Болезнь есть не везде. Она распространяется, но в некоторые области – на побережье, высоко в горы – пока не добралась.

- Сколько там чистой земли?
- Я не изучал этого вопроса. Возможно, десять сотых общей площади.
- То есть, – подытожила Гвенна, – континент в пять раз обширнее Эридрои почти целиком... как бы сказать?
- Испорчен, – предложил Киль. – Отравлен. Он прогнил.
- Прогнил...

Она поняла, что именно прогнившей чувствовала себя с тех пор, как Фром бросил ее в карцер. Не в фигуральном смысле – буквально гнилой, как слишком долго пролежавший на солнце плод. Все, что связывало ее воедино, распалось; все, чему полагалось быть крепким, – сердце, мышцы, разум – расплылось в кашу. Чтобы отвлечься от этой мысли, она снова устала на Киль.

- Зачем вы туда возвращаетесь?
- По просьбе императора.
- Врете. Вы все это затеяли. Вы подсунули ей карту и тот кодекс. Вы могли так устроить, чтобы экспедиция ушла без вас. Мы бы вернулись с птицами – или без, а вы бы отсиделись в безопасном месте.
- Нынешний Аннур кажется вам безопасным местом? – остро взглянул на нее историк.
- Безопаснее тех мест, где водятся свинопавки. Здесь меньше чудовищ. Меньше безумия.
- Я пришел к выводу, – ответил он, – что чудовища и безумие куда разнообразнее, нежели хочется думать людям.

* * *

«Заря», бесспорно, была величественна – громадное трехмачтовое судно с высокими надстройками на носу и корме. Выше ватерлинии все блестело маслом, полировкой, позолотой. Утренние лучи сверкали на стеклах кают – в кормовой надстройке разместились три жилые палубы. Гвенна даже со своего места – на гребне пригорка над гаванью – видела, что все канаты свернуты в бухты, каждая снасть такелажа туго натянута. Аккуратно подобранные паруса сияли безупречной чистотой, словно их никогда не распускали. На носу рвалась с бушприта женская фигура. В простертой вперед руке она сжимала меч – бронзовый, возможно позолоченный. И оружие выглядело безупречным, не выщербленным ни одним сражением.

- Вот, – объявил Паттик, – великолепнейший из кораблей Западного флота.
  - И уж наверняка самый дорогой, – пробурчала Гвенна.
  - А что не так? – слегка увял парень.
  - Прежде всего, она набирает слишком много воды.
- Это было сразу видно по форме корпуса и по нагромождению деревянных конструкций над ватерлинией.
- Это что значит?
  - Значит, больше вероятность влипнуть в дерьмо. Напороться на риф или скалу. Прогреть начищенное днище. Утонуть.

Паттик помрачнел, но Чо Лу покачал головой:

– «Заря» – славное судно. Она двадцать пять лет стерегла побережья Бреаты и Ниша. Указывала манджарским псам, где их место.

– Манджари сдерживал Гошанский договор, – возразила Гвенна. – А нишское и бреа-танское побережья глубоководны и подробно нанесены на карту. Глубины в тех местах, куда собираемся мы, неизвестны. Карт с обозначениями глубин, течений и рифов не существует – ни единой.

– Если бы судно не подходило для нашей экспедиции, разве император бы его выбрала? – покачал головой Паттик.

В голосе парня звучала такая боль, словно разногласия между императором и одним из ее кеттрал не укладывались в его мозг.

– Я императора не виню, – ответила Гвенна. – Подозреваю, что она предоставила выбор Джонону.

Легионеры озадаченно переглянулись.

– Джонону? – спросил, помолчав, Патрик.

– Первому адмиралу Джонону лем Джонону, – пояснила Гвенна. – Командует не только этой блестящей безделушкой, но и всем Западным флотом. И возглавляет нашу славную экспедицию.

* * *

Джонон лем Джонон как будто родился при высоких чинах, в мундире, с осанкой первого адмирала. Он стоял на юте, заложив руки за спину, вздернув подбородок, меряя взглядом палубу «Зари». Мундир без единого пятнышка, золотое шитье сияет, шляпа сидит с точно выверенным наклоном. Адмирал был на голову выше Гвенны, сплошные мышцы, заметные даже под одеждой, и, досадуя на себя за эту мысль, она подумала, что моряк прекрасен, как изваяние. Кожа темная с коричневым оттенком, волосы и подстриженная борода – цвета ржавчины, глаза, как и у нее, зеленые. Он, пожалуй, был старше Гвенны, лет за сорок, но на его лице годы не оставили следов, обычных для кеттрал, – шрамов не было, оба уха на месте, нос не переломан. И зубы ровные, белые, блестящие.

Другого такого она сочла бы не солдатом, а придворным шаркуном, но молва дошла даже из-за океана. Джонон не сдался в битве при Эренце. Джонон, когда его корабль потопили, вплавь покрыл пять миль до берега. Джонон, взяв рыбацкую лодку, под покровом ночи на веслах вернулся к вражескому кораблю, выпустил из трюма своих людей, убил манджарского капитана и захватил судно. Если хоть в четверти слухов есть крупица истины, он – легенда, солдатский герой, он заслуживает восхищения кеттрал.

Похоже, восхищение осталось без взаимности. Лицо его под взглядом Гвенны сохраняло выражение сдержанной властности, но в запахе она различала презрение.

– Первый адмирал, – отсалютовала она. – Гвенна Шарп явилась.

Ей было непривычно отдавать честь (кеттрал этого не делали), но флотские придают жестам и условностям больше значения.

Джонон скользнул по ней взглядом, от макушки до сапог и обратно.

– Как же, как же. Бывшая кеттрал.

Адмирал почти не выделил голосом слова «бывшая», но Гвенна почувствовала, как краска бросилась ей в лицо – проклятие светлой кожи.

Она натянуто кивнула и снова отсалютовала – жалко, что ли!

– Приказом императора я подчиняюсь непосредственно вам.

– На борту этого корабля, – сдержанно заметил Джонон, – все подчиняются непосредственно мне.

Гвенна бросила взгляд на палубу. Среди тех, кого она видела, поровну было моряков и легионеров или морской пехоты.

– Позвольте спросить, сколько у вас людей?

Джонон поджал губы, задержал на ней взгляд и кивнул.

– Команду «Зари» составляют семьдесят восемь моряков и дюжина офицеров – острие Западного флота. Кроме них, мы приняли полный полк опытных легионеров.

В слове «опытных» ей послышалась опасная самоуверенность. Паттик и Чо Лу, при всей своей молодости, выглядели толковыми солдатами, но оборонять какую-нибудь крепость или отслеживать десяток-другой разбойников – далеко не то же самое, что исследовать неве-

домый материк (зараженный какой-то дрянью материк) без поддержки, без снабжения, в тысячах миль от всех и всего, что ты знал.

– Это ставит меня в затруднительное положение. – Адмирал снова с головы до ног оглядел Гвенну. – Все эти заслуженные солдаты, разумеется, мужчины. Как и мои матросы.

– Я не поставлю им этого в упрек, адмирал. – Она понимала, что не стоило этого говорить, но сказанного не вернешь. – Я знала множество мужчин, показавших себя превосходными солдатами.

– И, как я слышал, всех их погубили, – отрезал он.

Его слова даже не были особо ядовиты, но ударили, как кулак. Гвенна зажала рот ладонью, сдерживая не только ответ, но и подступившую рвоту.

Первый адмирал опустил ладонь ей на плечо:

– Позвольте мне говорить без обиняков. Кем бы вы ни были прежде – кеттрал, командир крыла, мастер подрывного дела, – все это позади. Вы провалились и лишились звания и власти. Будь вы из моих людей, я приказал бы ободрать вас плетью и бросить, опозоренную и голую, в ближайшем порту.

Он ждал. Гвенна до боли стиснула зубы. Видя, что ответа не последует, адмирал продолжал:

– Однако император, да воссияют дни ее жизни, предпочла путь милосердия пути правосудия, и потому вы здесь.

Гнев опалял Гвенну, горячо и страшно прожигал тело. Но когда огонь добрался до сердца, ничего не случилось – взрыва не произошло. Вместо того она ощутила огромную, почти невероятную тяжесть. Он говорил правду. Она здесь, потому что провинилась, страшно провинилась. Она бы почти обрадовалась, прикажи кто-то выпороть ее в кровь.

– Я служу императору и империи, – тихо проговорила она. – Как и вы.

– Полагаю, – кивнул Джонон, – вы стараетесь служить, но стараться не значит преуспеть. Вам следует знать, что мне пришлось выделить для вас отдельную каюту – помещение, которое в ином случае послужило бы для хранения провианта, оружия... всего того, что могло бы сохранить жизнь людям в трудном положении.

– В этом нет надобности, адмирал. С меня хватит и гамака наравне с солдатами и матросами. У кеттрал не отделяют мужчин от женщин.

– Кеттрал больше нет.

Гвенна проглотила резкий ответ. И это было правдой или близко к истине.

– Тем не менее, адмирал. Мне не нужна отдельная каюта. Я всю жизнь жила и упражнялась среди мужчин.

– Мне нет дела до вашей прежней жизни. Моя команда не привыкла к женщинам на борту. Большинство этих людей – хорошие люди. Но не все. В любом случае я не допущу, чтобы вы их отвлекали, нарушали порядок и подбивали на ослушание.

– Под «ослушанием» вы подразумеваете изнасилование?

Отвернувшись от адмирала, Гвенна оглядела корабль. Полно людей на палубе – драят, тянут, поднимают, укладывают. Одни тощие как веретено, другие здоровяки, способные взвалить на плечо бочку воды или черного рома. Кое-кто поднимал глаза, встречался с ней взглядом. Единственная женщина на борту не осталась без внимания. Она проследила, как они двигаются, как держатся. Втянула в себя воздух, разобралась в запахах: любопытства, решимости, похоти, злости. Такое напугало бы многих женщин, и они с благодарностью приняли бы от Джонона отдельную каюту. Она попыталась вообразить, что боится этих мужчин, – и не сумела. Может, по недостатку воображения.

– Вы ограничите свои передвижения каютой и командирской столовой, – отрубил Джонон. – Если поднимаетесь на палубу, то не дальше этой надстройки. За нарушение приказа вас высекут, как любого члена команды. Вам понятно?

Она повернулась к нему, перевела дыхание и кивнула:
– Да, первый адмирал, понятно.

10

Жители Домбанга тысячами вбивали в илистое дно просмоленные столбы, укрепляли их против течения, пытались подняться над уровнем высочайших паводков, измышляли способы закрепить направления русел, словно стоило им прокопать поглубже, выстроить повыше или выложить бревнами побольше изменчивых водных пространств, и безопасность будет наконец обеспечена.

Глупость! Так оценивали их странную веру в неизменчивость вуо-тоны.

Они не пытались сдержать разливы Ширван ни сотнями тысяч деревянных свай, ни отводными рвами, мостами и надстройками. Удержать реку в русле не проще, чем удержать воду в открытой ладони. Порочна была сама идея города, а в основе этой идеи – всякое строительство. Может, где еще, в дальних краях, в почве было больше камня, чем грязной жижи, реки держались в берегах каменистых русел, а холмы не меняли места в одну ночь, – может, там и разумно было закладывать фундамент для строительства. В лабиринтах Дарованной страны человеку требовалось иное: то, что может двигаться вместе с течением и подниматься с приливом. Не здание, а лодка.

И вуо-тоны устроили свое селение на лодках – создали деревню, изменявшуюся согласно с сезонами и течениями, бросавшую якорь на неделю или на месяц – пока не наступала пора двигаться дальше.

Рук искал ее три дня.

Сначала он греб к югу от Белой скалы, обыскивал отмели на западе, потом завернул на север, поднимаясь против течения, пока не наткнулся на Привал Оби. В ежегодных миграциях вуо-тонов был свой порядок, но порядок – еще не карта. Когда следов не нашлось и в полумесьце озера у Привала, Рука стало доносить беспокойство – вроде мухи, которую ни прихлопнуть, ни отмахнуть.

В памяти булькали слова вестника в ошейнике: «Они уже в дельте». День угасал, наступала ночь, а он забирался все глубже в тростники, в застойные старицы, в которые не рисковали заходить сами вуо-тоны. За это время он должен был погибнуть десятков раз. Красный сновидец в сумерках укусил его в загривок – и впрыснул яд в кожу. Рук поймал паука, раздавил в кулаке и стал напряженно ждать, с содроганием предчувствуя растекание по жилам яда. Около полуночи он заплыл прямо в паутину пальца призрака и заработал десяток мучительных укусов. Вскоре после того какая-то проворная холодная тварь вонзила полный яда клык ему в запястье и плюхнулась через борт, не дав себя рассмотреть. Он каждый раз ощущал в себе ядовитое острие, яд жег, кипел, добираясь до сердца за время нескольких вдохов, но всегда некая прохладная сила поднималась ему навстречу, умиряя отраву.

«Дар», называли такое вуо-тоны и смотрели на одаренных с завистливым трепетом. Дар богов.

И что с того, что Рук никогда не просил их даров. Что с того, что последние пятнадцать лет он жил им наперекор. Как видно, однажды дарованное уже не отнимут.

Наконец, под утро третьего дня, когда восход забелил восточный небосклон густым мутным светом, он проломил тростники, вышел на открытое место и увидел селение Вуо-тон.

Рук помедлил, положил весло поперек бортов и, позволив каноэ скользить по предрассветной глади, озирает селение, бывшее когда-то его домом.

Вуо-тоны, в отличие от лодочников и корабельщиков Домбанга, строили свои суденышки исключительно из высокого камыша верхней дельты. Рук сидел молча, с липкими от пота спиной и грудью; последние капли стекали с лопасти весла. Все вернулось, вспомнилось: как рубил этот камыш большим тесаком, как стягивал его в снопы толщиной с его руку, бедро, туловище, туго окручивал жгутом, грузил вязанки на плот и, отталкиваясь шестом, возвращался в поселок, где вязальщики укладывали снопы в основание плавучих помостов или каркасы построенных на них шалашей.

«Только шалаша, – напомнил себе Рук, разглядывая постройки, – несправедливая оценка труда вязальщиков».

Да, дома вуо-тонов малы и непритязательны, но сработаны на совесть. Чистые линии камышовых вязанок, тщательно сплетенные циновки стен, затейливые узлы креплений, пожалуй, куда элегантнее сляпанных как попало кварталов Домбанга, где скрипучие подгнившие бревна нависают над каналами.

Устройство селения менялось раз от раза, но обычно вуо-тоны составляли из плотов (восьми или девяти десятков) круг, закрепляя их якорями по краю большого внутреннего пруда – почти как домбангцы, расставлявшие свайные домики вокруг площади или общего двора. По наружной стороне круга, привязанные так, что их легко было оттолкнуть в случае пожара, располагались кухонные плоты, где тростниковые вязанки были сверху обмазаны глиной. Рук уже разглядел в водянистом сером сиянии перебегавших с плота на плот ребятишек, но никто еще не растапливал печи и не разводил огня в очаге.

«И вообще дыма нет», – спохватился он.

Ни струйки от утреннего светильника, ни запаха, долетевшего с легким бризом.

Вуо-тоны таились даже в глубинах Омуты.

* * *

Пока он привязывал каноэ, ребятишки с соседних плотов уже разлетелись по всему селению, пронзительно возвещая, что кто-то – человек с вуо-тонской татуировкой на плечах, но с чистым лицом – вышел из тростника: идите, идите смотреть! Первыми сбежались другие дети: хлопали глазами, тыкали пальцами. К тому времени, как Рук шагнул из каноэ на длинный пустой плот причала, начали собираться старшие: мужчины и женщины, знакомые ему в лицо и, судя по взглядам, тоже его узнавшие.

Некоторые улыбались ему и даже махали рукой. Трох, старый приятель Рука по рыбалке, тело которого с возрастом стало пропорционально огромным ушам, ощерился в улыбке. А рядом с ним, чуть не вдвое меньше ростом, с обритой наголо головой, стояла черноволосая когда-то Льен Мак. Среди деревенских детей не было следопыта лучше нее – не считая Рука. Однажды она шесть миль гнала ягуара сквозь шипастые даронги северной части дельты. Теперь она взглянула на него непроницаемыми темными глазами и, подумавши, кивнула.

Не все оказались столь приветливы. Люди, в старые годы принимавшие его на своих плотках как гостя, сейчас смотрели с безмолвным презрением. Ножа или копья никто не обнажил, никто не нацелил на него стрелы, никто даже не погрозил пальцем, но он слышал шепотки, перелетающие от одного к другому на манер звона фальшивой монеты. А потом их пререзал сердитый голос – Рук сразу узнал невидимого в толпе человека, хотя голос с возрастом стал ниже и грубее.

– Часовых за оплошность надо привязать к столбам на солнцепеке. Будь это новый налет...

Мужчина прорвался в первый ряд, увидел Рука и застыл как вкопанный.

В тростниках заверещал, заплакал, как ребенок, горзл.

– Удав, – поклонился Рук.

Тот не кивнул в ответ. Он вглядывался в пришельца, блестя темными глазами на изрезанном шрамами лице. И лениво вертел в пальцах короткое копьцо.

– Кха Лу, – наконец отозвался он.

Отозвался неожиданно тихо, с каменным спокойствием, если не равнодушием, но как при этом скривил губы!

– Меня зовут не так, – покачал головой Рук.

– Разве не так мы тебя называли? – вскинул Удав обрубок брови. – Избранник богов!

– Меня давно так никто не называет.

Десятки людей смотрели на них молча, как смотрели на все их стычки пятнадцатью годами раньше.

– Зачем ты вернулся? – спросил наконец Удав. – Пока тебя не было, мы не строили бань, не набивали перин, даже для избранных богами.

– Я не ради бань ушел в Домбанг, – возразил Рук, – и не для того вернулся, чтобы переругиваться с тобой. Мы уже не дети.

Удав открыл было рот, потом покачал головой и сплюнул в неподвижную воду. Круги, расходясь все шире, растворились среди тростника.

– Зачем ты пришел?

Рук выдержал его обжигающий взгляд, затем обвел глазами собравшихся вуо-тонов.

– Мне нужно поговорить со свидетелем. Возможно, Дарованная страна под угрозой.

Удав, к его удивлению, ответил злым лающим смешком.

– Возможно? Почему, ты думаешь, мы стоим здесь, в Омутах?

Рук проглотил сразу десяток вопросов. Прилюдный допрос на деревенском причале едва ли обернется добром. Он, как в плащ, закутался в кротость.

– Отведешь меня к свидетелю?

– Ты предпочитаешь труп воину? – вздернул уголки губ Удав.

Горе клинком пронзило сердце.

– Он умер?

Вождь вуо-тонов был уже стар, когда Рук навсегда покинул селение, его темная кожа иссохла и покрылась морщинами, суставы скрипели – и все же в его единственном глазу было еще столько жизни...

– Близок к тому, – равнодушно бросил Удав. – Дело пары недель. Может, нескольких месяцев.

– Я должен с ним поговорить.

– Как срочно! Скажи, с каких это пор тебя так заботит покинутая тобой страна?

– Я плыву своим руслом.

– Ты сбежал!

Жаркая ярость окрасила лицо Удава в цвет крови. Гнев поднялся в ответ и в груди Рука.

«Прошу, богиня, помоги мне любить этого человека...»

Богиня молчала. В камышах всхлипывали горзлы.

На этом пропеченном солнцем плотике Руку показалось вдруг, что он не пробирался к вуо-тонам через текущий лабиринт, а шел назад, в собственное прошлое. Дни и ночи, дышавшие влажным зеленым зноем, скользящие за бортом копья тростника, голоса живых и умирающих созданий, молчание мертвых – все вошло в него сызнова, как горящий в жилах змеиный яд. Хлестнуло наотмашь солнце, заныли мышцы, зазвенела струной красота этих мест – всего три дня в дельте, и память тела проклюнулась, как из яйца, и клыкастая, когтистая часть его существа зашевелилась, разминая мышцы, испытывая силу. Потянулась к свету и теплу, желая прежнего: мяса и крови, чтобы утолить голод.

– Бежал? – тихо, шевельнув бровью, повторил он. – Нет.

Удав скривил губы:

– Погляди на себя. – Он ткнул в Рука пальцем. – Дряблые плечи, волдыри на ладонях.

Ты ушел в город, потому что мягок телом.

Рук поднял ладонь, показав всем двойной прокол от змеиных зубов.

Невозмутимые вуо-тоны не ахают, но по толпе, словно ветер лизнул тихую воду, пробежал короткий вздох.

– Хозяйка танцев, – просто сказал Рук.

Удав скроил пренебрежительную усмешку:

– Так ты не только размяк, но стал глуп и нерасторопен.

– Я жив, – ответил Рук и улыбнулся – недоброй улыбкой. – Если ты не забыл, я воспитан вашими богами. Они растили меня с младенчества, и я, хотя поклоняюсь теперь другой госпоже, помню все, чему они меня учили.

– Помнишь, значит? – Удав сплюнул.

Голос звучал по-прежнему зло и вызывающе, но в глубине таилась новая нотка – давнее обиженное недоумение, большое и зубастое, как столетний крокодил. Жрец Эйры, расслышав эту нотку и распознав за ней смятение и боль, попытался бы проложить путь к миру. Так поступила бы Бьен. Так поступил бы и Рук – в другой день и в другом месте.

Но они были здесь и сейчас. Сколько ни молился, он не услышал в своем сердце голоса Эйры.

– Теперь я буду говорить со свидетелем.

Удав не сразу, но отступил с дороги, отвесив издевательский поклон на домбангский манер.

– Ступай. Говори. Он догнивает на крайнем с запада плоту. Пока вы с ним будете восхвалять друг друга, мы позаботимся об охране поселка.

* * *

В Домбанге верховные жрецы Трех жили в отдалении от тех, кого вели за собой, – кроме только Ванг Во, отказавшейся покидать Арену. Укрывшись за высокими храмовыми стенами, окруженные множеством услужливых приверженцев, они появлялись только для проведения обрядов, которые поддерживали гордость и стойкость горожан, после чего снова скрывались за тиковыми воротами. У вуо-тонов не было тиковых досок, и ворот не было. Хижина свидетеля плавала на западном конце поселка, не отмеченная ни девизами, ни гербами. Такая могла принадлежать кому угодно: молодому семейству, вязальщику, рыбаку – если бы не фиалки дельты, буйно цветущие в глиняных горшках перед входом.

Рук постоял молча, собрался с мыслями и шагнул на порог. Он один раз стукнул полой деревянной колотушкой.

Теплая тишина сочилась между связками тростника.

Он постучался еще раз, подождал, а потом снял кожаную петлю с крюков и, отворив дверь, вошел.

Его захлестнула густая мешанина запахов: бульон и пот, моча из неопорожненного горшка, сладкий трубочный дым и что-то плотное, густое и неуместное, в чем Рук заподозрил болезнь. Темнота висела здесь, словно отсыревшая тяжелая одежда на бельевой веревке. Он различил у самой двери глиняные кувшины, прислоненные к стене остроги, в глубине – смутные очертания корзин и там же, на подстилке у дальней стены красновато-черное свечение: свернувшегося, как ребенок, спящего.

Сзади шепотом хлопнула закрывшаяся дверь.

Рук подождал, пока не привыкнут глаза, и шагнул вперед, чтобы встать на колени у циновки.

Сквозь печной жар – слишком сильный, потому что в обычном тепле человеческого тела светилась лихорадка – он видел старческое лицо, сомкнутые веки здорового глаза, рубец пустой глазницы. Рот приоткрыт, с губы стекает ниточка слюны. Рук взял висевшую на краю кувшина у кровати тряпку и бережно стер ее.

– Свидетель, – тихо позвал он.

Старик нахмурился, дернулся во сне, неразборчиво забормотал.

– Свидетель, – так же тихо повторил Рук, тронув ладонью пылающий лоб. – Я вернулся.

Веки единственного глаза затрепетали, несколько отчаянных мгновений старик всматривался в темноту и наконец остановил взгляд на Руке.

– А, – сипло выговорил он и беспомощно улыбнулся. – Кха Лу... Ты не спешил с возвращением. Еще немного, и...

Хриплый влажный кашель ухватил его за грудки, ударил и отшвырнул навзничь на циновки. Свидетель слабо потянулся к тряпке в руке гостя, взял ее, сплюнул и, закрыв глаз, долго прерывисто дышал, прежде чем договорить:

– Ты мог меня и не застать.

Рук удобнее сел, скрестив ноги, перед тощим тюфяком.

За годы служения Эйре он не раз ухаживал за умирающими и знал, что их нужды так же различны, как их лица. Одним хотелось, чтобы их провожали в могилу шуткой, другие слепо, яростно отрицали смерть. Свидетель Вуо-тона никогда не прятал лица от жестокой правды.

– Что я могу сделать? – просто спросил Рук.

Он проверил кувшин – полон или почти полон. А вот миска рядом полупустая, на доньшке остывший бульон.

– Принести тебе поесть? Рыбы? Сладкого тростника?

Старик оттопырил губы, будто плюнуть собрался.

– Трубку, – попросил он, указывая полку на стене.

– Дым вредит легким.

– Умирающему, Кха Лу, все во вред. Дай трубку.

Рук, кивнув, снял с полки блестящую трубку.

– Тростник в чашке, – слабо произнес свидетель. – Уголек в горшке.

Подготовить трубку недолго. Рук деревянными щипцами извлек из набитого песком горшка уголек, поднес к губам полую тростинку, втянул сладкий и едкий дым и передал трубку старику.

Свидетель неглубоко затянулся, выдохнул жидкое облачко дыма, выдавил слабое подобие улыбки и повернулся к Руку, зорко прищулив уцелевший глаз.

– Ты растолстел.

Рук подавился смешком.

– Я самый тощий жрец во всем храме.

– Жрецы... – пренебрежительно отмахнулся свидетель. – Они все жирные. Курениями и песнопениями жир из тела не вытопишь.

Он неожиданно ловко крутанул в руках трубку и чубуком ткнул Руку под ребра.

– Толстый, неповоротливый.

Глаза у него радостно блеснули. Впервые за всю жизнь свидетелю удалось пробить защиту Рука. Тот еще ребенком, особенно ребенком, обладал сверхъестественной способностью заранее видеть движение, предугадывать выпад человека с той же легкостью, с какой предвидел бросок змеи. Это не мешало свидетелю тыкать его всякий раз, стоило Руку отвернуться – за едой, в воде, с кормы каноэ... Как видно, старик и перед смертью не лишился двух неразлучных радостей – тяги к борьбе и гордости.

Но еще до следующего хрипящего вздоха взгляд у него потух.

– Это никуда не годится, Кха Лу.

– Я оставил это имя позади вместе с дельтой, – покачал головой Рук.

– Благосклонность богов не скинешь, как жилет, – сдавленно, словно кашлянул, усмехнулся свидетель.

– Я почти двадцать лет не видел Кем Анх и Ханг Лока.

– А эту свою богиню... Эйру? Ее ты когда в последний раз видел?

– Эйра не бродит по дельте, – пояснил Рук. – Ее сила не от...

Он не успел договорить: свидетель поймал его запястье и с лихорадочным усилием выкрутил руку – перевернул ладонью с запекшимися ранками змеиноного укуса вверх и хмыкнул, убедившись, что не ошибся.

– Давно?

– Третьего дня. Около полудня.

– Другой на твоём месте уже протух бы.

Рук снова кивнул.

– И готов поспорить, ты до сих пор видишь сквозь тростники и сквозь стены.

– Только тепло, – тихо ответил Рук.

С ним одним, со свидетелем, он поделился своей тайной.

– Это сила, – проворчал тот. – Это дары богов. Теперь тебе понадобятся эти дары, Кха Лу.

– Зачем? – настороженно спросил Рук, уже предвидя грозный ответ.

– Нечто пришло в дельту, – ответил свидетель. – Нечто новое.

– Знаю. Вестники побывали и в городе.

– Я бы их вестниками не назвал, – нахмурился свидетель, – но я могу ошибаться. Вероятно, я слишком состарился и поглупел, чтобы понять их послание.

– Тот, с кем я говорил, нес что-то о Владыке, о каком-то Первом.

– Здешний вовсе не говорил. Мне кажется, они и не владеют речью.

– Они же люди? – опешил Рук. – Нагие красавцы в ошейниках?

Старик мрачно покачал головой:

– Не люди и уж точно не красавцы. Я бы попробовал объяснить, но проще тебе самому посмотреть. – Он, гримасничая, приподнялся на локте. – Помоги-ка мне встать.

* * *

В дельте обитали десятки разновидностей летучих мышей – камышовые и речные, рыжие, косматые, крошечные пушистые, размером с большой палец; парнозубые, кровопийцы и множество других, которых Рук не знал по имени. В сумерках они взлетали из камышей большими темными стаями, мутили последние лучи солнца, а иногда плотной тучей затмевали восходящую луну. Для глаз Рука их теплые мохнатые тельца оставляли в воздухе красные штрихи на черном; завитки и полосы остывающего тепла складывались в огромную, но недолговечную карту полета. Он всю жизнь за ними наблюдал – и ребенком, и позже, с крыши храма Эйры, где лежал в одиночестве или в обнимку с Бьен, провожая воздушных охотников взглядом.

Но увидеть то, что свисало с двух толстых деревянных столбов, поднимавшихся из воды в сотне-другой шагов от поселка, он оказался не готов.

У столбов кружили три каноэ вуо-тонов, в каждом по двое воинов с короткими луками или копьями. Никто из них не отвел взгляда от подвешенной между столбами твари, не оглянулся на выдвигающееся из камышей каноэ Рука. Словно не люди это были, не мужчины и женщины, а деревянные идолы, каких домбангцы вырезали на оконечностях опорных балок,

отгоняя несчастье и злых духов; только, судя по тому, что висело перед ними, не вышло у них отогнать нечисть.

Незнакомая Руку высокая и худощавая женщина, не оборачиваясь, произнесла:

– Оно еще живо.

– Одних убить проще, других труднее, Лу Као, – ответил ей старик, сидевший на носу лодки Рука.

Лу Као метнула взгляд в его сторону.

– Прости, свидетель. Я ждала Удава.

– Он, надо думать, осматривает свои ловушки.

Она, кивнув, снова отвернулась к подвешенной твари.

Свидетель с прищуром разглядывал Рука.

– Стало быть, ты не таких называл «вестниками».

Рук, не в силах отвести глаз от страшного зрелища, медленно покачал головой.

Если то была летучая мышь, он таких еще не видывал. Обычные были не больше его ладони, а эта – выше него ростом, выше любого человека, девяти, если не десяти футов в высоту. Вуо-тоны пригвоздили распростертые крылья к двум столбам, пробив железными остриями костлявые, почти человеческие конечности, на которых держались перепонки. Так же были прибиты к столбам когтистые лапы, и распятый пленник судорожно корчился, бился, напрягая жгуты мышц под темной шерстью. Лицо его словно явилось из кошмара – гладкая, уродливо плоская морда поблескивала, как свежесбрита щека. Тварь пыхтела широко, уходящими прямо в череп ноздрями и щелкала клыками с палец длиной. А потом вдруг замерла, разглядывая Рука темными нелюдскими глазами.

Слюнявые челюсти медленно разошлись, и Рук не столько услышал, сколько ощутил вонзившуюся в ухо иглу неуловимо тонкого звука, обжигающую как лед, подобную трещине в разбивающемся сосуде. Он едва не схватился за нож. Привиделось, как он вгоняет клинок в грудь этой твари, проворачивает, рубит, пока от угрозы не останется и следа. Содрогнувшись, он усилием воли остался на месте.

– Что это? – спросил он.

– Мерзость, – сплюнула женщина.

– Загадка, – тихо поправил ее свидетель, – которую задал нам мир.

– Откуда такое?

– Удав изловил.

– Оно летает?

Старик кивнул.

– Летало, пока Удав не сломал ему крыло. – Он указал на жестоко вывернутую из сустава кость. – С этим нам повезло.

– С этим? – Рук развернулся, уставился на старика.

– Их было чуть не десяток, – объяснила женщина. – Налетели на деревню.

– Убили без малого тридцать человек, – подтвердил свидетель. – Со времени лягушачьего мора мы не теряли так много народу разом.

– Как? – резко спросил Рук.

Вуо-тоны, сильные и искусные охотники, справлялись с крокодилами и ягуарами. В дельте они были дома. Любой ребенок умел много дней прожить в одиночку, если случался при нем нож или гарпун. Лягушачий мор – другое дело, с заразой не сразишься, но эти...

– Они налетели до восхода луны в ненастную ночь. Сначала мы их услышали. Этот их... визг. Потом они стали хватать людей. Большей частью уносили в небо, выше, чем кружит болотный ястреб, и оттуда бросали. Кое-кого убили клыками. Укус у них ядовитый. Мы схватились за копыя... – Свидетель покачал головой и договорил глухим от стыда голосом: – Я стал стар и нерасторопен.

– Одного ты убил, – возразила женщина.

Свидетель покачал головой:

– Слишком мало. Да и опоздал я. – Взгляд его уставился вдаль. – Это Удав построил людей, загнал всех под крыши, вынудил кхуанов...

– Кхуанов?

– Так мы их называем.

Рук помрачнел. Кхуанами назывались сказочные чудовища, о которых вуо-тоны рассказывали детям.

– Кхуаны из сказок похожи на ящериц. И их не бывает.

Свидетель устало ответил:

– Такое имя напоминает, что мы не все знаем о чудовищах. – Он покачал головой. – На земле они не так опасны.

Женщина крикнула, словно ее ударили в живот.

– Все равно опасны, – признал старик. – Они убили несколько наших в хижинах, но тут драка была скорее на равных. В конце концов мы загнали их, переломанных и в крови, и отдали в жертву Дарованной стране.

– Кроме этого.

– Я надеюсь что-нибудь от него узнать.

– Узнал?

Старик медленно покачал головой.

* * *

Пока Рук греб обратно к поселку, свидетель так ослаб, что едва мог сидеть. Упрямая решимость, что вывела его из дома, будто растаяла под жгучим солнцем. Он сторбился, оперся локтями на иссохшие колени и так кашлял, что видно было, как ходят ходуном ребра под безрукавкой.

– Я дойду, – твердил он, пока Рук привязывал каноэ к его плоту, но Руку пришлось почти на себе нести его те несколько шагов, что отделяли лодку от хижины.

Вернувшись в домашний полумрак, старик упал на тростниковую подстилку, закрыл лицо узловатыми руками. Измученный новым приступом кашля, бессильно перекатился на бок, сплюнул в миску и вытянулся, со свистом втягивая воздух.

– Теперь, Кха Лу, ты видишь, почему боги призвали тебя обратно.

Рук помолчал.

Их давний спор желчью подступал к горлу.

«Они не боги и не звали меня. Те, кому вы поклоняетесь, хуже кхуанов. Вам не избавиться от чудовищ, пока вы живете в Дарованной стране».

Только на этот раз он и в себе самом ощущал нетерпение. Каково схватиться с этими тварями, испытать себя против них, ощутить на себе их когти, нанося смертельный удар?..

– Вы их победили, – сказал он, отгоняя видение. – Без меня справились.

– Это только... – с новым кашлем изо рта брызнула кровь. – Только начало.

– Этого ты знать не можешь.

– Войско, – прошептал свидетель. – Твой вестник сказал «войско».

– Я давно научился не верить словам, – покачал головой Рук.

Старик сверкнул на него глазом.

– Тогда зачем вернулся?

Непрошенный ответ рвался с языка: «Чтобы сражаться».

Рук вызвал в памяти статую Эйры. Он попытался представить лицо Бьен, неукротимую доброту ее глаз, но мог вспомнить только горящий ненавистью взгляд Удава.

«Я мог бы порвать его в клочья, – подумалось Руку. – Даже сейчас, таким, каким стал, я мог бы его уничтожить».

Он моргнул, уставившись на бьющие в щели стены солнечные лучи.

– Кем Анх избрала тебя, – бормотал свидетель. – Она вскормила тебя грудью. Она и Ханг Лок вплели свои дары в твою кровь и кость. Воспитали тебя как собственное дитя.

– Я не их дитя! – с невольной яростью выкрикнул Рук. – И не ваше, хоть и прожил здесь столько лет.

Свидетель не дрогнул.

– Мы не выбираем кем быть, Кха Лу.

– Я выбрал, – ответил он, – и выбираю. Я каждый день выбираю служение Эйре.

– Тогда почему, глядя на тебя, я вижу воина Дарованной страны?

– Потому что ты – старый упрямец, который даже при смерти никого не слушает.

К удивлению Рука, свидетель улыбнулся кривой, слюнявой улыбкой, открывшей пожелтевшие потрескавшиеся зубы.

– Думаешь, я умираю по своему выбору? – Он поднял слабую дрожащую руку к пустой глазнице. – Думаешь, по своему выбору я стал одноглазым? По своему выбору родился в Дарованной стране в определенное время? По своему выбору нашел тебя на речном берегу? Разве по моему выбору мое сердце переполняется гордостью за тебя? – Он покачал головой. – Нам только кажется, что мы выбираем, Кха Лу.

Рук сердито отдувался.

– Чего ты от меня хочешь? Кхуаны перебиты. Вы победили.

Слово оставило горечь на языке.

– Придут новые, хуже тех.

– А если я останусь? Я много лет не брал в руки копьа. Я десятка шагов не проплыву.

– Что случилось с укусившей тебя хозяйкой танцев?

– Я ее убил.

– Чем?

Рук, помедлив, поднял правую ладонь, пошевелил пальцами.

Свидетель кивнул и улыбнулся.

– Нет, – замотал головой Рук, споря не столько с надеждами старика, сколько с собственной жадой. – Ты забыл: до того она меня укусила. На моем месте другой был бы покойником.

– Но ты не другой, Кха Лу. Ты – это ты.

В хижине потемнело. Должно быть, облака задули солнце, перекрыли рвавшиеся в щель лучи. Где-то на западе зарокотал гром, и почти сразу по крыше и плотнику застучали дождевые капли.

– А что же ваши боги? – спросил Рук. – Не они ли хранят Вуо-тон и Дарованную страну... сколько уже? От начала времен?

Свидетель помрачнел:

– Удав ходил искать богов. После налета.

– И что?

– Их нет.

– Потому что они непостоянны. – Давние воспоминания бурлили в нем мутной водой. – Они шатаются по всей Дарованной стане. Может, околачиваются на какой-нибудь южной отмели или охотятся на краю соленой воды.

– Так же решил и Удав. Он ждал их на острове у стены черепов.

– Сколько?

– Тридцать дней.

– Одну луну. Многие вуо-тоны за всю жизнь ни разу не видят своих богов.

Так оно и было, и все же под ложечкой у Рука стягивала холодные кольца тревога.

– Многие вуо-тоны не бывают на том острове, – возразил свидетель. – Когда я туда приходил, ждал не более двух дней, самое большее – три.

– Может, Удав им нравится меньше, чем ты.

Старик прикрыл глаза.

– С этим вашим давним соперничеством надо покончить.

– Я с ним пятнадцать лет как покончил. Уйдя из Дарованной страны.

– Но теперь вернулся, и вы должны объединить силы. Он не дурной человек, Кха Лу, просто гордый. Для такого яростного бойца тяжело вечно уступать другому в силе, в быстроте, быть вторым в глазах народа и богов.

– Видел я глаза народа, когда выходил из каноэ. Среди вуо-тонов меня победителем не числят.

– Если ты отыщешь богов...

– Я не знаю, как их отыскать.

– Тогда они тебя найдут.

– Я три дня искал поселок, – покачал головой Рук, – три дня обшаривал эту часть Дарованной страны. Если они хотели меня видеть, уже бы явились.

– Это меня и пугает, – поморщился свидетель.

– Не переживай. За Кем Анх и Ханг Лока бояться нечего. Ты знаешь, как они сражаются.

Еще одно воспоминание: вырванное из груди и протянутое к солнцу трепещущее сердце.

Рев Ханг Лока... Маленького Рука накрыл тогда смешанный с тошнотой восторг.

Свидетель, перед которым не стояла эта картина, тронул пальцем пустую глазницу.

– Я с ними сражался, – заметил он.

– Значит, должен понимать, что им вскрыть этого нетопыря проще, чем тебе выпотрошить рыбу. Их невозможно убить.

– Твои мать с отцом одного убили.

– Мои мать с отцом... – Рук сбился, уставился в полумрак, качая головой. – Ты был мне отцом. Потом один жрец из храма, старый Уен. Он был мне отцом. У меня полдесятка отцов и матерей. И конечно, звери, которых вы зовете богами, тоже были мне отцом и матерью.

– А ты упорно зовешь их зверьми.

– Я с ними жил. Я знаю, что это правда.

– Не путай правду с маской, под которой она скрывается.

Рук, вдруг утомившись, снова покачал головой. После двух дней гребли через камыши в плечах и в спине поселилась усталость. Возвращение было глупостью. Даже если погибший вестник не солгал, если на дельту движется армия, если кхуаны и впрямь ее передовой отряд, что он может сделать? Удав возглавил вуо-тонов и справился, судя по рассказам, лучше Рука. Если надвигается война, жрецам Эйры хватит работы: отстраивать дома, питать голодные рты, принимать сирот. Он потому и покинул дельту, что счел это лучшим, чем закон зуба и когтя вуо-тонов и их богов.

Рук взял трубку свидетеля, набил и, прикурив от уголька, передал старику.

– Я люблю тебя, – сказал он.

После бушевавшего в нем звериного пыла эти слова принесли облегчение прохлады.

Свидетель не поднес трубки к губам.

– Нам не любовь нужна, – ответил он.

Рук наклонился и ласково поцеловал его в лоб.

– Тогда обратись к Удаву. Я теперь жрец Эйры и могу дать вам только любовь.

11

Гвенна с ужасом поняла, что каюта ей нравится. Нет, «нравится» – не то слово. Нечему было нравиться в этой полутемной каморке – три шага в длину, два в ширину, потолок над самой головой, – но она поймала себя на мысли, что на всем корабле ей приятнее всего находится именно здесь. Джонон лем Джонон открыто превратил ее в пленницу еще до начала экспедиции, и все равно она заметила, что предпочитает оставаться в каюте, одна. Головная боль не переставала, тяжесть давила сердце, и еще это чувство под ложечкой, то гложущее, то когтящее, – зубастая пустота выедала ее заживо. И гнев. Медленно закипающая ярость на Джонона лем Джонона, на Адер, на Домбанг, на себя и на весь мир. Все это никуда не девалось, но здесь, в полумраке каюты, хоть таить ничего не приходилось.

Она бы так и провела тут весь путь к южной оконечности Менкидока, не заявись к ней императорский историк. На второй или третий день пути – она не вела счета – он постучался в дверь. Гвенна подумывала не отзывать, подождать, пока ученый – она учуяла запах чернил – сам не уйдет. Только он бы не ушел. В этом Гвенна почему-то не сомневалась. Сделать вид, что не слышит, – он будет ждать, и все затянется еще дольше, поэтому после третьего стука она силком подняла себя на ноги и отворила дверь.

– Ну что?

Киль всмотрелся в полумрак.

– Можно мне войти?

– Входить особенно некуда, – равнодушно махнула рукой Гвенна, – но что есть, все ваше.

Историк шагнул за порог, закрыл за собой дверь и прислонился к стене. «Заря» мягко покачивалась на ровной зыби, и Киль приспособился к движению судна так же легко, как она сама.

– Мои источники утверждают, – заговорил историк, – что вы удержали Андт-Кил в противостоянии с ургулами, когда вам было восемнадцать лет.

– Его удержал Ран ил Торнья, – мотнула головой Гвенна.

– Ил Торнья опоздал к началу сражения. До него командовали вы. С несколькими сотнями необученных лесорубов отбивали все ургульские племена.

Она взглянула ему в глаза:

– А знаете, что случилось с большинством тех лесорубов?

Ее накрыло воспоминание: пылающие острова, горящие мосты, повсюду ургулы с их ужасным нечленораздельным воем.

– Их перебили. Многих застрелили. Ургульские луки беспощадны. – Она говорила небрежно, но слышала, что голос готов сорваться; стоит заговорить чуть громче или чуть быстрее, и треснет. – Многих насадили на копья. Был там один старый дурак – я не сумела вытащить его из дома, заставить отойти за реку. Ургулы привязали его за руки за ноги к лошадям и разорвали. Знаете, что я делала в это время?

Историк молчал, и она ответила за него:

– Ничего.

– В сражении за Андт-Кил мы победили, – подал он наконец голос.

– Только не те, кто пал с ургульской сталью в горле.

– Не бывает сражений без потерь.

– Слова драного историка, – чуть не сплюнула Гвенна. – Пальцы в чернилах, и ни разу не выбирался из-за стола посмотреть на изрубленные тела.

Ее вдруг пробрала дрожь, сердце пустилось вскачь, дыхание обожгло грудь.

– Видал я изрубленные тела, – спокойно ответил историк, бросив взгляд на свои изувеченные ладони. – Бывало, и сам рубил.

Гвенна уставилась на него, на кружево шрамов по коже. Она ни хрена не знала об этом человеке, но ясно было – если только гнев не застил глаза, – что он не за письменным столом жизнь провел.

– Кто вы, драть вас, такой? – устало спросила она, разом остыв.

– Вопрос поставлен неправильно, – покачал он головой.

– Как хочу, так и ставлю.

– Следовало бы спросить, кто вы? – заметил он, пропустив грубость мимо ушей.

– Это вы и так знаете.

– Думал, что знаю. Бесспорно, я достаточно о вас писал, Гвенна Шарп. И полагал, будто кое-что понял.

– Да ну? И что же?

– Например, я думал, вы не из тех, кто позволит гноить себя в корабельной каюте.

– Отвалите.

– Я полагал, вы не из тех, кого мир сумеет сломать. Умереть вы, конечно, можете. И проиграть. Очень зрелищно проиграть. Но я никак не ожидал, что вы сдадитесь. – Он склонил голову к плечу. – Должен признаться, я удивлен.

– Я не сдавалась, – прорычала она. – Меня разжаловала сама император! Я больше не кеттрал.

– В мире полно людей, помимо кеттрал. Огромное большинство их не прячется круглые сутки в темной комнате.

– И я не прячусь, сукин вы сын. Джонон запретил мне выходить на палубу.

– Тогда, конечно, вам ничего другого не остается. – Он, пожав плечами, повернулся к двери.

– Мы посреди моря Призраков – здесь делать нечего.

Киль поджал губы и прищурился в темноту.

– Мне придется переписать один абзац.

– Это вы о чем?

Он уставился в угол, по памяти цитируя текст:

– «Гвенна Шарп не была самой искусной среди кеттрал. Даже в ее крыле были бойцы сильнее, лучники метче, тактики предусмотрительней. Что выделяло Шарп среди других, делало ее подлинным командиром крыла, – это ее неукротимое сердце».

Она уставилась на закрывшуюся за ним дверь.

Неукротимое сердце...

Она закрыла глаза, прислушиваясь к биению в груди – запинающемуся, робкому, словно признавший поражение пленник.

«Шарп выделяло ее неукротимое сердце...»

Было ли оно таким когда-нибудь?

Гвенна вспомнила себя на баррикадах Андт-Кила. Вот она бросает вызов в лицо наступающим ургулам, вот ныряет в реку, чтобы подорвать затор, в уверенности, что на том ей и конец. Она вспомнила тогдашний восторг, и ужас, и угрюмую решимость, гнавшую ее вперед. Она вспомнила. Но, заглядывая в себя теперь, находила только клочки, осколки прежних чувств – груды бесполезного ржавого хлама. Историк в своей книге описывал не ее – другую, незнакомую женщину.

Вопрос: что бы сделала на ее месте та незнакомка?

Она медленно стянула с себя шерстяной плащ и растянулась на полу. Болело все: колени, плечи – словно все полученные в жизни раны, порезы, растяжения разом вернулись ее донимать. Она легла ничком, уткнулась в доски половиц. Чего бы ей хотелось, это так и лежать, но женщина из хроник Киля поступила бы иначе. Даже запертая в каюте, та несчастная сука не дала бы себе размякнуть. И Гвенна, преодолевая боль, уперлась ладонями в пол, подняла в планке прямое тело. Женщина из истории Киля часто повторяла это упражнение и однажды продержалась в нем до счета десять тысяч.

Дрожа, глотая слезы, Гвенна Шарп начала отсчет.

* * *

От упражнений легче не стало, но теперь хоть нашлось на что списать боль. Боль перетруженных мышц была привычна и, если не давать себе пощады, могла оттеснить другую, новую и глубокую, которой Гвенна не умела ни оправдать, ни объяснить.

Бег и плавание, разумеется, исключались, значит оставались тысячи отжиманий. И тысячи подъемов корпуса. Она держала планку, считая до бесконечности. Поначалу не покидала каюты, но здесь для настоящей разминки было тесно, и через несколько дней Гвенна выбралась на ют.

Она почти забыла, как ярко сияет солнце, и постояла немного, моргая, пока соленый ветер трепал волосы. Потом глубоко втянула морской воздух и на долю мгновения, на малую долю удара сердца снова ощутила себя собой – человеком, которого радует качание палубы под ногами и сила собственного тела. Потом она опустила взгляд и увидела внизу Чо Лу. Не его вина, что его дед явился в Аннур из Домбанга – если на то пошло, и дед ни в чем не виноват, – но парень напомнил ей город и людей, которых она там убила или оставила на смерть. Она уже отворачивалась, решив возвратиться в каюту, когда ее остановил голос первого адмирала.

– Будь вы моим офицером, я приказал бы высечь вас за появление на палубе в таком виде.

Он говорил ровным, трезвым тоном, но слова поначалу показались ей бессмыслицей. Какой еще вид? Потом она оглядела себя – мятую форму, которую не снимала с самого выхода из порта, грязь в складках ладоней. Она не мылась. Говорила себе, будто из-за запрета покидать каюту, а на самом деле не видела смысла. Разбитого вдребезги не склеишь, оттирая рожу, так что не стоит и стараться.

Она приказала себе выпрямить спину и медленно повернулась лицом к Джонону лем Джонону.

Ей снова подумалось, что он выглядит не столько адмиралом, сколько актером, много дней репетировавшим его роль: блестящие пуговицы, золотое шитье, тщательно вычищенный мундир, короткая стрижка, квадратный подбородок, блеск белых зубов. Только презрительная усмешка казалась не на месте.

– Прошу прощения, адмирал, – сказала она. – Я упражнялась...

Она запнулась. Это прозвучало смешно.

– Упражнялись...

И ответ был холодным, бесстрастным, но от него тянуло презрением.

Моряки на палубе занимались своими делами, но Гвенна чувствовала на себе их взгляды. Под тяжестью этих взглядов ее тянуло съежиться.

– Я слышал, что кеттрал вдвое сильнее среднего мужчины, – раздался за спиной голос Киля.

– Я не кеттрал, – ответила она, – и не мужчина.

– Тем не менее мне любопытно, – сказал историк.

Она машинально покачала головой. Однако Джонон взглянул на нее внимательней.

– Полезно было бы, – задумчиво протянул он, – раз и навсегда покончить с небылицами о непобедимости кеттрал.

– Кеттрал можно победить.

– Знаю, – ответил он, – но на этом корабле все росли на сказках о неодолимых воинах империи. Для них было бы поучительно узреть правду.

Поразмыслив, адмирал обернулся к молодому голому по пояс моряку, сворачивавшему канат в нескольких шагах от него и старательно прятавшему глаза.

– Рабан, – подозвал адмирал, – поди сюда.

Моряк, бросив канат, встал навытяжку.

Он был тощ как жердь, но под кожей просматривались жгуты мускулов, худые руки распирала внутренняя сила, на спине мышцы треугольником сходились к тонкой талии. Если бывают люди, уродившиеся, чтобы карабкаться по вантам, Рабан был из таких.

– Как насчет состязания, Рабан? – предложил адмирал.

Тот заморгал.

– Как скажете, капитан. – Моряк неуклюже поклонился.

– Наперегонки. – Джонон указал на мачту у себя за спиной. – До топа. Ты против... – Он кивнул на Гвенну. – ...Как бы она теперь ни называлась.

Никто на юте больше не притворялся, будто занят работой. Почти все смотрели на своего капитана; на Гвенну косились будто бы невзначай. Даже на средней палубе заметили суету на корме и оторвались от дела, присматриваясь.

– Ни к чему... – возразила Гвенна.

Джонон взмахом руки заставил ее замолчать.

– Вы с Рабаном наперегонки поднимаетесь на мачту. Если победит он, я удваиваю ему жалованье на время плавания.

Глаза у Рабана стали как тарелки. Адмирал сулил ему богатство за один подъем.

– Если побеждаете вы, Гвенна Шарп, весь корабль в вашем распоряжении.

Не нужен ей был весь корабль. Ей и на палубу-то, под обстрел взглядов, неохота было выходить, но адмирала ее желания явно не волновали. Он улыбался ей, и пахло от него сейчас чистым самодовольством.

Моряк, бросив на нее опасливый взгляд, снова повернулся к Джонону:

– Какие правила, капитан?

– Никаких, – покачал головой адмирал.

«Прямо как в жизни», – мельком подумалось Гвенне.

Восходящее солнце блесело на шитье адмиральского мундира.

– Начали, – скомандовал тот.

Рабан метнулся к протянутым от палубы вантам и повис на них, когда Гвенна еще и шагу не сделала. На несколько ударов сердца она попросту замерла. Она казалась себе тяжелой и потухшей, неготовой. Гонка по такелажу ничего не изменит. Не заставит ни Джонона, ни остальных ее уважать. И не вернет уважения к себе. И тут до нее долетел снизу обрывок разговора, всего несколько слов: «Хорошенькая сучка, но какой из нее, дери ее конь, солдат...» – и хоть на несколько мгновений она снова стала бойцом из исторических хроник.

Гвенна повисла под вантами, перебирая выбленки руками и не давая труда ногам найти опору. Естественно, так труднее, зато быстрее, и на первую рею она выбралась, когда Рабана еще можно было достать рукой. Он взглянул вниз, остолбенел, увидев, как она выбирается на перекладину, и азартней прежнего рванул вверх.

Палуба «Зари» взорвалась хором подначек и победных криков. Ей вспомнилась арена на Островах, куда под конец дня кеттрал сходились полюбоваться, как кадеты в кровь избивают друг друга. Гвенна тогда научилась не замечать шума, сосредотачиваться на противнике, и теперь, поднимаясь, чувствовала, как звук проваливается вниз, словно стоило задвигаться

побыстрее, взобраться повыше, и она вырвется из его волны. Плечи и предплечья загорелись. Она подтягивалась на верхние снасти, и палуба уходила вниз, корабль сжимался, океан все шире раскидывался во все стороны.

На полпути к третьей рее, пожалуй в пяти шагах от топа мачты, она поравнялась со ступенями Рабана. Моряк почувствовал ее приближение, ухватился покрепче и лягнул пяткой. Удар пришелся по голове вскользь, не оглушил и не сбил вниз, но Рабан только разошелся. Он снова и снова колотил цеплявшуюся за снасти соперницу ногой. Мишень у него была маловата – он большей частью попадал по ушам или по плечам, – но с нескольких попыток нацелился прямо в лицо. Хрустнул нос, кровь хлынула на губы, потом пришла боль.

Что-то у нее внутри сорвалось от этой боли.

При следующем ударе она подтянулась и ухватила Рабана за лодыжку. Это следовало бы сделать раньше, да голова плохо работала. Моряк дернулся, вырываясь, но Гвенна держала крепко. Одной рукой достав до его бедра, а другой вцепившись в ванты, она потянулась, ухватила за его веревочный пояс, повернулась к нему спиной, вслепую нашарила пояс другой рукой, свесив ноги в пустоту.

Рабан сдавленно простонал. Тугой пояс, вместо того чтобы съехать вниз, врезался ему в живот. К тому же он теперь держал на усталых руках двойной вес – свой и ее. Повисшая на нем Гвенна взглянула вниз. На такой высоте каждый крен корабля выносил их за борт. Упав сейчас – долго будешь лететь в серо-голубую зыбь. При таком падении можно выжить, если повезет. Она не чувствовала себя особенно везучей.

– Не могу!.. – выдохнул Рабан.

Договорить у него не хватило дыхания. Гвенна чувствовала, как он сползает вниз, как паника испаряет его гордость и решимость.

Ухватившись крепче прежнего, она вскинула ноги, качнулась и повисла вниз головой. Сгибом колена обхватила моряка за горло, замкнула треугольник другой ногой и надавила. Рабан дергался, цеплялся за нее, но она оттолкнулась подальше. На миг, перехватываясь с пояса на снасти, повисла на одних зацепленных за его шею ногах. Потом рука поймала выбленку, и делу конец. Он уже задыхался, обвисал на веревках. Теперь можно было отпустить – он бы свалился, может быть, сломал бы себе спину о нижнюю рею и рухнул в воду. Или можно было удерживать захват, пока он не сорвется, и сломать ему шею.

Оба способа хороши.

Палуба под ней взревела в один голос.

Возможно, паруса и снасти мешали разглядеть, что происходит, но все видели: двое сцепились, превратив гонку в борьбу за жизнь. Только они не знали, что борьба уже окончена. Гвенна улыбнулась, почуяв запах мочи и паники. Вдруг это сочетание запахов напомнило ей возвращение из Домбанга в карцере «Льва Аннура», и жажда победы сошла с нее, содранная отвращением. Подтянувшись вверх, она снова поймала Рабана за пояс и расцепила ноги. Лишившись опоры на его шею, ноги повисли. Потом сорвался Рабан. Его вес потянул Гвенну вниз, чуть не вывернув плечевой сустав. Она поморщилась, повиснув на одной руке и удерживая другой обмякшего парня. Все будто замерло: наклонивший мачты над океаном корабль, болтающаяся на выбленке Гвенна, оттягивающий ей руку соперник. А потом мир снова пришел в движение, мачта выпрямилась, качнув Гвенну с моряком к вантам. Она укрепились ногами и встряхнула парня.

– Очнись.

Он вздрогнул, задергал руками, как марионетка на ниточках. Потом распахнул веки.

– Где... – Он ошарашенно озирался. – Что?

– Держись, – приказала Гвенна.

Молодой моряк бессознательно вцепился в такелаж.

– А теперь полезай, – велела она.

Видно было, как вместе с кровью в его мозг вливается понимание.

– Гонка... – заговорил он.

– Гонке конец. Ты победил. – Она кивнула на вершину мачты. – Давай заканчивай.

Он в ужасе и смятении уставился на нее:

– Почему?

– Хрен его знает. – Она вдруг ощутила глубочайшую усталость; болело все: плечи, изодранные ладони. – Полежай, и все тут.

Может, кто-то и разглядел что-то с палубы сквозь огромные развернутые паруса, но все произошло слишком быстро, чтобы разобраться. Для большинства эта выглядело как яростная схватка, из которой Рабан вышел победителем. Джонон доказал свое: сказочные кеттрал не круче простого моряка, – и может быть, теперь адмирал оставит ее в покое.

Пока Рабан преодолевал последние футы до верхушки мачты, Гвенна, зацепившись локтем за растяжку, смотрела вдаль. После долгих дней в полутьме каюты мир выглядел ослепительно просторным, небо – слишком ярким, а море – слишком темным. Она разглядывала все это с качающегося туда-сюда, туда-сюда корабля, смотрела и смотрела, и все смотрела, когда из-за края света показалась мачта с флагом манджарского корабля.

12

– Вы – монах хин.

Распорядитель первого ранга Юмель произнес это без усмешки и вообще без всякого выражения. Он был весь серый – серое лицо, и редкие волосы с залысиной, и зубы. Акйилу представлялось, что, объяви он себя самым Пустым Богом, этот человек не изменился бы в лице.

– Последний хин Ашк-лана, – отозвался он.

Министр и глазом не моргнул. Как знать, может, эта способность – не моргать в ответ на самые невероятные заявления – и вознесла его до первого ранга. Распорядители третьего и второго рангов куда откровенней выражали недоверие. А распорядитель назначений четвертого ранга чуть не захлебнулся чаем.

– Последний хин Ашк-лана, – повторил Юмель (и слова его звучали серо).

– И друг императора. Кадена уй-Малкениана.

Юмель, будто от большого смущения, потупил глаза.

– Император Аннура – Адер уй-Малкениан, да воссияют дни ее жизни.

– Мне это известно, – согласился Акйил. – Я пришел рассказать ей о брате. У меня от него послание.

– Каден уй-Малкениан уже пять лет лежит в гробнице.

– И послание давнее, – простодушно улыбнулся ему Акйил.

Распорядитель нахмурился, рассматривая лежащую перед ним пухлую учетную книгу. В помещении царил безупречный порядок. Глянуть не на что, не считая стен красного дерева с окошком на старый клен, толстой книги, стола и самого Юмеля. Может, его вознесла до первого ранга не скрытность, а умение тянуть время. Может, он, замучив просителей скукой, раз и навсегда отбивал у них охоту обращаться к императору.

– Позволительно ли мне, – спросил наконец распорядитель, – рассчитывать, что императору знакомо ваше имя?

– Каден мог обо мне упомянуть.

Хотя это вряд ли. Когда империя рвала себя на части, Акйил сидел в жопе мира, но и туда дошли слухи, что Каден с Адер очутились по разные стороны разлома. Рассказывали, что Адер только тогда явилась в столицу и примкнула к брату, когда империя захлебнулась в войнах. Акйил с трудом представлял, чтобы в их разговор – или в один из разговоров – замешалось его имя. «Был у меня в монастыре приятель. Маленький воришка из Ароматного квартала. Тот еще плут...» Чем больше думаешь, тем невероятней это кажется.

Юмель перевернул страницу пухлого тома, за ней еще и еще одну и неспешно покачал головой.

– Вы, конечно, понимаете, что у императора, да воссияют дни ее жизни, мириады дел.

– С одним из них я мог бы ей помочь.

Не сказать чтобы распорядитель первого ранга просветлел, но положительно – стал чуточку менее серым.

– Приношения можете оставить у меня, – сказал он. – Заверяю вас, что они будут представлены императору.

Акйил покачал головой и легонько постучал себя по лбу.

– Все, что я принес, здесь.

– А, послание... – Юмель снова помрачнел. – От Кадена уй-Малкениана.

– Послание и предложение.

– Предложение... Не сомневаюсь, весьма заманчивое. Могу я осведомиться, какого рода предложение?

Акйил колебался. Он думал придержать это для императора, но, если его не допустят до разговора, какой толк молчать?

– Я знаю про кента.

Один из умIALов Акйила в Ашк-лане месяц за месяцем заставлял его рисовать листья. Тысячи листьев. Каждый раз, как ученик заканчивал рисунок, монах повторял: «Видишь теперь? Не существует листа вообще. Есть только этот лист. И этот. И этот». Акйила так и тянуло врезать мучителю по шее, но тот монах будто не замечал этого.

Покончив с листьями, он отправил ученика наблюдать, как тает снег.

«Мир меняется, – говорил монах, сидя рядом с ним. – Узришь перемены – узришь и мир».

И сейчас Акйил через безупречно гладкий стол наблюдал за распорядителем первого ранга, как за таянием снега.

В его лице ничто не дрогнуло. С тем же успехом Акйил мог бы заявить, что знает про яблоки. И в глазах распорядителя стояла та же серая скука, но что-то переменилось. Вот этот постукивающий палец. Быстрое, беззвучное, почти незаметное движение, но, пока Акйил не заговорил о кента, палец был совершенно неподвижен. И задышал Юмель чаще – не особенно, но чаще. И зрачки сузились.

– Так вы знаете о кента, – улыбнулся Акйил. – Получается, император вам о них говорила. И просила поджидать кого-то вроде меня.

– Кента, – покачал головой распорядитель. – Боюсь, это наименование мне незнакомо.

– А вот и знакомо, – подмигнул Акйил.

Юмель закрыл книгу и отложил перо.

– Что вы сообщите императору, да воссияют дни ее жизни, об этих кента? В том маловероятном случае, если она удостоит вас аудиенции.

– В этом маловероятном случае, – усмехнулся Акйил, – я бы сказал ей, что умею ими пользоваться. Что никто другой не умеет. И что я могу научить ее.

* * *

В монастыре Каден подолгу рассказывал про зал Тысячи Деревьев: о его размерах и красотах, о его истории и величии. Для Акйила, сироты, полжизни прожившего в трущобах, а другую половину – в каменной пустыне Ашк-лана, рассказы эти звучали как мифы. И потому он малость рассердился, не попав в сказочный зал.

«Зря явился в балахоне, – думал он. – Надо было украсть что-нибудь понаряднее».

Мало того, что его направили не в зал Тысячи Деревьев, так еще эдолийцы – каменноликие воины, похожие скорее не на людей, а на бронированных медведей, – как нарочно, выбрали самую незаметную дорогу, вели его через лабиринт дворики и коридоров, то наружу, то внутрь и снова наружу, виляя между храмами и изящными строениями, через мосты, под мостами, пока не оказались перед скромной деревянной дверкой в ничем не примечательной каменной стене совершенно неинтересного длинного и низкого здания, немножко напоминавшего конюшню.

– Сюда? – поднял брови Акйил.

Меньший из пары стражников («меньший» – понятие весьма относительное) не ответил. Вместо этого он постучал – три раза и, выждав время, четвертый. Дверь распахнулась. За ней ждали еще двое готовых обнажить мечи гвардейцев.

– Привет. – Акйил поклонился каждому. – Привет.

Один из стражников с угрюмой миной могильщика сделал ему знак рукой в латной перчатке.

– Раздевайся.

– Прошу прощения? – вскинул бровь Акйил.

– Снимай балахон, пока мы сами не сняли.

Каден ничего не говорил про раздевание в какой-то темной комнатухе перед незнакомой солдатней, но ведь Кадену, сыну императора, надо думать, раздеваться и не приходилось. Холодная рука из детства на миг протянулась к Акйилу, схватила его. Были у него в квартале друзья, которые, побывав в таких вот комнатках, возвращались сами не свои. А кое-кто и не возвращался.

Он сделал вдох, успокаивая дыхание и сердце.

«Чтобы увидеть мир, надо смотреть мимо своего сознания».

На лицах солдат не было похоти, жадного нетерпения, стыда – ничего такого, что он ожидал бы увидеть, если бы его заманили сюда, чтобы изнасиловать. Вместо того в глазах стояло жесткое недоверие ко всем на свете, включая Акйила. Особенно Акйила. Их главный, не снимая ладони с рукояти меча, подался назад, словно готовился встретить удар.

Акйил позволил себе улыбнуться.

– Конечно. – Стянув через голову свое грубое одеяние, он протянул его солдату. – Честное слово, при мне нет ничего острого.

Как видно, эдолийцы не слишком полагались на слова.

Оставив голого Акйила в окружении соратников, один из гвардейцев по ниточке перебрал его одежду, особое внимание обращая на швы, подол и складки ткани там, где капюшон крепился к плечам. Удовлетворившись осмотром, он вернул Акйилу балахон, дал ему одеться и открыл дверь в дальнем конце комнаты.

Чувствуя на себе его пристальный взгляд, Акйил шагнул мимо стражника в маленький отгороженный сад. Здесь, в отличие от всего Рассветного дворца, все было по росту человеку. Ручеек, протекая под одной стеной, описывал ленивую дугу и уходил под другую. По невысоким подпоркам вился цветущий плющ. Отбрасывал прозрачную тень клен с яркой, как солнце, рыжей листвой. Здесь не было ни солдат, ни знамен. И статуй не было. И придворных, и дворцовой стражи, и гонгов. Иными словами, ничего, что ожидал увидеть Акйил. Просто стоял на посыпанной щебнем площадке деревянный столик на козлах – в Ашк-лане на таком мог заниматься рассадой садовник. Все в этом садике было обычным, естественным.

Кроме, конечно, стоявшей за столом женщины.

– На колени! – рыкнул один из эдолийцев.

На плечо Акйилу легла тяжелая рука, пригнула к земле.

Щебень впился ему в суставы. Прямо перед собой Акйил заметил три холмика муравейников и стал смотреть, как мураши тащат к себе дохлого паука. Если император со своими громилами решили, что его можно таким образом выбить из равновесия, так они ошиблись. В Ашк-лане он целыми днями, неделями, месяцами торчал на коленях под снегом, под дождем или на пронзительном осеннем ветру; отмораживал себе яйца, изучая перелетных птиц, движение облаков или формы выветривания скал. Правда, как происходит выветривание, он так ни разу и не разглядел. И все же... если это игра на терпение, Акйил готов был терпеть очень долго.

– Вы знали моего брата, – наконец подала голос император.

Она говорила рассеянno и равнодушно, как бы не слишком замечая его присутствие. Играла роль, конечно. Отлично играла, но он и не ждал любительской игры.

Акйил, не поднимая глаз, кивнул.

– Расскажите мне о нем.

Проверка. Каждый мог бы раздобыть истрепанный балахон, и ни для кого не тайна, что наследник Нетесаного трона обучался у хин. Акйил сильно удивился бы, окажись он первым, кто набивался в знакомцы брата императора. Его история, хоть и реальная, не делалась от того правдоподобнее.

«Вот тебе урок о том, – подумал он, – чего стоят вымысел и правда».

– Он не любил варенья, – наконец отозвался Акйил.

– Я думала, ваши монахи питались кореньями и жидкой кашей.

– Монахи, – кивнул Акйил, – большие охотники до кореньев. Но под конец лета в долине внизу поспевали ягоды синики. Хью и еще кое-кто варили варенье. Так себе варенье, надо сказать, но вкуснее всего, чем кормили в Ашк-лане. Я как-то стянул целый горшок, спрятал у себя...

– Не понимаю, какое отношение это имеет к моему брату, – поторопила император.

– Каден его терпеть не мог. Вроде как оно слишком вязкое и пальцы от него склеиваются. Я ему говорил, что он чокнутый – отказываться от единственного лакомства, какое найдешь в этом Шаэлевом монастыре, только когда он кого слушал?

Император не отвечала. Где-то в глубине дворца гонги начали отзванивать середину утра. И только когда они смолкли и замер последний отзвук, Адер снова заговорила.

– Я ожидала, что вы выберете в доказательство тайну важнее. Некое великое откровение.

Акйил пожал плечами. Во всяком случае, попытался. Не так это просто, когда ладонь эдолийца грозит раздробить плечо в кашу.

– Разум ничего не знает, – ответил он (эта древняя премудрость хин всегда его раздражала; ладно, зато сейчас пригодилась). – Любовь живет в ладонях, в глазах, на языке.

– Очень похоже на болтовню моего брата, – фыркнула император.

– Нас, ваше сияние, воспитал один орден болтунов.

Смешок у Адер вышел невеселый.

– Брант, Хугель, оставьте нас.

– Ваше сияние... – возразил было гвардеец.

– Если все выполнили свои обязанности как должно, – оборвала император, – его с первого шага во дворец уже десять раз обыскали.

– И с похвальным тщанием, – вставил Акйил.

Хугель – или, может быть, Брант – басом пророкотал:

– Убить можно и без оружия.

– Если он меня убьет, надеюсь, ваша месть будет страшна. А до тех пор, также надеюсь, вы будете выполнять мои распоряжения.

Железная рука отпустила плечо Акйила.

Шаги удалились, с глухим стуком захлопнулась деревянная дверь. Щелкнула задвижка.

Акйил остался на коленях и не поднял глаз. Каден никогда не требовал императорских почестей, но Кадена-то воспитали монахи. А эта выросла здесь, во дворце, среди тысячи слуг и рабов. Как знать, не причислили ли его с первого шага за ворота к этим низшим разрядам подданных.

– Акйил, родовое имя неизвестно, из Ароматного квартала Аннура, – проговорила Адер.

Так, значит, Каден о нем рассказывал. Это упрощает дело.

– Ваше сияние...

– Вы можете встать.

Он медленно разогнул намятые щебенкой колени, взглянул в глаза императору и улыбнулся самой обаятельной улыбкой.

Адер уй-Малкениан на нее не ответила. Ее лицо – сплошь острые углы и плоскости – выглядело неприспособленным для улыбок. Она стояла у стола, крутила в пальцах стебелек белой орхидеи из полной цветов вазы, но не смотрела ни на цветок, ни на букет. Она смотрела на Акйила, и глаза ее горели огнем.

Он, конечно, был к этому готов. Горящие глаза, наследственная привилегия Малкенианов, – доказательство, что те ведут род от Владычицы Света, от самой богини Интарры. У Кадена тоже горели глаза – Акйил бесился, считая это показухой, – но взгляд Кадена напоминал ему костры или фонарики, а сияние радужек Адер было и ярче, и холодней.

Ее лицо затягивало сплетение тонких шрамов, десятки перекрещивающихся линий стекали от волос к вороту платья. Так же были отмечены ее ладони и открытые до локтя руки. Акйил еще в Изгибе слышал эту историю – как она воздела копье, призвав молнию, которая, вместо того чтобы убить женщину, украсила ее кружевом несводимых шрамов. Адер, в отличие от брата, объявила себя пророчицей Интарры. Акйил, еще в квартале, знал одного – Пьянчугу Тима, – воображавшего себя пророком. Эта женщина была совсем не похожа на Пьянчугу. Она изучала его переливающимися пламенем глазами, как мясник меряет взглядом свинью.

– Брат о вас упоминал, – сказала она наконец.

– Мы были близки.

– Он называл вас вором и лжецом, выросшим среди шлюх и головорезов.

Акйил развел руками:

– Едва научившись говорить, я попросил отвести мне покои в этом самом дворце. – Он изобразил на лице хмурое недоумение. – Мне лишь остается предполагать, что моя просьба не дошла по назначению.

Император шевельнула бровью и перевела взгляд на орхидею.

– Вы, возможно, полагаете, – задумчиво произнесла она, подрезая стебель ножичком с костяной рукояткой, – что претензия на дружбу с моим братом дает вам право на вольности со мной.

– Я, – ответил Акйил, – полагаю, что вы не усвоите того, чему я мог бы вас научить, пока не откажетесь от звания пророчицы и императора.

– Едва ли я намереваюсь стать монахиней.

– Вам придется стать никем.

Легкий бриз тронул листву клена. Адер, подрезав стебель, примерила цветок к вазе и укоротила еще немного.

– Знаете, что я говорю своим чиновникам, когда они достигают первого ранга? – спросила она.

– Поздравляете?

Адер покачала головой, выбрала из букета кроваво-красную лилию, повернула ее так и этак.

– Я требую, чтобы они не тратили даром моего времени. Тот, кто не способен донести свою мысль в пяти предложениях, не заслуживает своего поста. – Она пристроила лилию к пучку девичника, прищурилась, нахмурилась и отбросила цветок. – Вы сказали шестнадцать.

Акйил кивнул, поднял вверх пять пальцев, загнул первый.

– Врата кента построены тысячелетия назад кшештрим и дают возможность в один шаг перенестись за полмира.

– Это мне известно, – ответила Адер. – Все императоры династии Малкенианов до меня пользовались ими, чтобы держать Аннур в единстве.

Ее лицо хранило равнодушную неподвижность, но в голосе Акйил расслышал досаду – как хлопья ржавчины на тонком стальном клинке.

Он снова кивнул и стал дальше загибать пальцы – по одному на каждую фразу.

– Тот, кто проходит через кента, между исходной точкой и конечной проходит сквозь ничто. Ничто – владения Пустого Бога. Чтобы пройти кента, вы должны нести в себе ничто. Император и пророк – противоположность ничто.

По крайней мере, так было в теории.

Сам Акйил никогда не видел кента. Монахи о них не упоминали, но он с малолетства привык вынюхивать важнейшие секреты и оборачивать их в свою пользу; что ни говори, Кадена, как и его отца, деда и прочих предков, посылали в монастырь ради тайны древних врат. Окажись кента в самом Ашк-лане, Акйил вызнал бы много больше. И много больше вызнал бы, если б не солдаты, явившиеся перебить всех его учителей. Он бы знал много больше, если бы кто-нибудь позаботился записать все это дело, а не передавать тысячелетиями, из поколения в поколение, в виде Кентом драных загадок, но все вышло не так, и он остался, с чем остался. Вышло куда хуже, чем хотелось бы, но он всю жизнь учился извлекать максимум из самых паршивых ситуаций. Император понятия не имела, сколько он не знает, и он ей об этом рассказывать не собирался.

– Вы намерены преподавать мне историю кшештрим? – осведомилась Адер.

В ее внимательных глазах играло пламя.

Акйил вместо ответа шагнул вперед и снял со стола вазу.

– Красивый букет, – заметил он, разглядывая цветы. – Кажется, этим самым цветам тут и место, как раз в таком сочетании и порядке.

– Сци сциан, – ответила император.

Акйил покачал головой, признаваясь в своем невежестве.

– Правильное место, – пояснила Адер. – Это старинное понятие.

– А к цветам оно при чем?

– Оно говорит о красоте упорядоченности – в живописи, в управлении, в составлении букетов. На своем месте все выглядит единственно возможным и неизбежным.

– Это говорит женщина, чье место на троне.

– Я верю в порядок. В красоту порядка.

– А знаете, что говорит о красоте Пустой Бог? И о порядке?

Император молча разглядывала его пылающими глазами.

Акйил перевернул вазу вверх дном, разбросал цветы по битому камню. Босой ногой втоптал лепестки в землю и вытряхнул из сосуда последние капли.

– Ничего, – сказал он, возвращая вазу на стол.

– Это была орхидея-призрак. – Император говорила сдержанно, но под ее спокойствием скрывался гнев. – Она цветет раз в четыре-пять лет. Один этот цветок стоил сто аннурских солнц.

– А знаете, сколько аннурских солнц принесет вам один проход через кента? – спросил Акйил.

Она сжала зубы.

– Я начинаю подозревать, что ни одного.

– Есть вещи, которых не купишь за деньги.

– Надо ли понимать, что вы готовы учить меня бесплатно?

– Пустому Богу ни к чему монеты и титулы. – Акйил, как маской, прикрылся улыбкой. – Я же, увы, создан из более грубой материи.

* * *

Вокруг пылал монастырь. Языки огня слизывали деревянные крыши, вскидывали в ночное небо грозные отсветы. Латники с тяжелыми мечами расхаживали между каменными сте-

нами. Клинки их потемнели от крови. Недоставало воплей ужаса, бегущих и отбивающихся – ведь монахи умирают не как все люди. Они уходили молча. Казалось, сталь пронзает уже опустевшие тела.

«Сон, – беспомощно молился Акйил, – это сон».

– Нет, Акйил.

Он опустил глаза. У его ног стоял на коленях ашк-ланский настоятель Шьял Нин. Старческое лицо перемазано сажей, в морщинах запеклась кровь.

– Это ведь не сон? – спросил настоятель. – Это происходит на самом деле.

Он поднял руку к засевшему в его груди мечу. Акйил, как всегда, потянулся за клинком, уходя все дальше назад, на целую вечность назад, пока с ужасом не увидел рукоять в своей кисти. Вместо монашеского балахона он был одет в блистающую сталь, словно был вовсе не монахом, словно никогда монахом и не бывал.

– Ты меня убил, – сказал Нин.

– Прости, – зашептал Акйил. – Я не нарочно. Я убил солдата, взял его латы. Я хотел найти Кадена.

– А кого нашел?

Слова вытекали из него сами собой:

– Я нашел тебя.

– И когда тебя увидели другие солдаты, когда приняли за своего, когда велели тебе меня убить, что ты сделал?

Акйил чувствовал, как захвативший его сон выпускает на волю слова.

– Я тебя убил.

Шьял Нин кивнул и улыбнулся Акйилу как ребенку, разгадавшему особенно хитроумную загадку.

– Они бы все равно тебя убили, – оправдывался Акйил, слезы обжигали ему щеки. – Это бы все равно случилось.

– Случилось бы, – тем же тоном согласился настоятель.

– Если бы я не послушался, они бы все поняли. Они бы и меня убили.

– Убили бы, – снова кивнул Нин.

– У меня не было выбора.

– Не было? – Нин поднял брови. – А умереть? Как мы все. Ты мог бы умереть.

– А и правда, мог бы, скотина! – ворвался в сон новый, звонкий и сердитый голос.

Акйил оглянулся – из распоротого горла Тощей Крали хлестала кровь. Так нечестно. Она редко входила в его сны, и уж всяко не в этот. С ее участием у него был другой кошмар – про нее, Коротышку и Жепастика, – но она была здесь, такая маленькая под монашеским балахоном, стояла коленями на холодном камне, будто вокруг нее и не думал пылать пожар. И говорила, несмотря на рану, на пенящуюся из разреза кровь.

– Ты бы мог умереть на хрен, Акйил. Как все мы!

– Мы умерли, – поддержал ее Коротышка.

Он сидел несколькими шагами дальше, баюкая в руках выпущенные кишки.

– Мы умерли, – сказал Жепастик, недоуменно морща лоб, словно не мог понять своих слов; он лежал в расплзающейся луже крови. – А ты нет. Ты удрал из квартала. Удрал из Ашк-лана. Вечно ты удираешь, Акйил.

Каким-то чудом Жепастик встал, и Краля встала, и Коротышка, и Шьял Нин – все порубленные чуть не на куски, с хлещущей из ран кровью, но они тянулись к нему. Он хотел повернуться, но краденые доспехи были тяжелы и неповоротливы. У него словно все суставы заржавели.

– Ты всегда удираешь, – пропели они; в их глазах пылали огонь и укор.

Шьял Нин вытащил у себя из живота меч – Акйил уже не держал его в руках, – перевернул окровавленное оружие и подал Тощей Крале.

– Вот что за хрень с тобой? – проворчала та, приставив лезвие ему к горлу. – Вечно ты удираешь.

И она беспощадно вогнала в его тело горячую сталь.

13

После жаркого туманного восхода в небе стали громоздиться зеленоватые тучи. Покинув селение вуо-тонов, Рук всю ночь работал веслом. Он надеялся успеть в Домбанг до бури, но дельта умеет быстро сгноить любые надежды. Воздух все тяжелел, даже дышать становилось трудно. Потом, к полудню, брюхо небес вспорола молния, и обрушилась гроза – густой и зеленый, словно тростники, ливень.

В деревянное каноэ хлестала вода. Рук то и дело останавливался, чтобы вычерпать теплый, точно кровь, дождь; дожидался кратких затиший, чтобы разобраться в запахах и течениях протоки, и снова брался за весло. Не проводи он в дельте полжизни, совсем бы потерялся. А так к ночи, когда кипящие облака темнели, как синяк на коже, он под неунимающим дождем проскользнул в город. И уверял себя, что причиной малолюдья на причалах и мостках и пустых каналов – этот ливень.

Но в глубине Домбанга – под изгибами мостов, между нависающими над узкими протоками деревянными стенами – сердце стало холодеть от недобрых предчувствий. Домбангцы и в муссонные ливни зажигали сотни и тысячи фонариков, а он за полмили высмотрел жалкую горстку – пятнышки кровавого света за дождевой завесой. И рыбаков было мало. В сумерках всегда возвращались в город ловцы плескунов и выходили им на смену другие – ставить ловушки на угрей. Дождь досаждал рыбакам, но не мешал им заниматься своим делом. Прекращение работы в дождливый сезон означало бы голод для половины Домбанга, но в этот вечер Руку встретилось не более десятка лодок. И на причалах, на мостах виднелись только редкие сгорбленные, спешащие сквозь ливень фигурки – они виделись ему красноватыми дымками в густеющей тьме. Все это напоминало самые тяжелые месяцы после переворота, когда жизнь в некоторых кварталах замирала на целые дни.

Только переворот давно позади. Аннурцы побеждены. По всем донесениям у них не осталось ни воли, ни средств для сражения даже за такой богатый трофей, как Домбанг. Рук настойчиво вглядывался в небеса, высматривал красные штрихи – след спешащих в промокшие гнезда птиц. Ни одна и близко не достигала до отловленного вуо-тонами кхуана, и все-таки между лопатками у Рука зудело от беспокойства. А если нападение уже произошло? Не потому ли все засели по домам, что стая кхуанов налетела на город, с визгом вздергивая людей в небо и сбрасывая на острые шипцы черепичных крыш? Рук подумывал задержаться и расспросить кого-нибудь, но решил лучше поспешить в храм.

И стал угрюмо грести.

У храмового причала покачивалось пестрое скопище лодок. Он втиснул между ними нос своего каноэ, набросил конец на тумбу, через две ступеньки взбежал по лестнице, рысцой пересек храмовую площадь и, не замечая текущей с безрукавки и нока воды, ввалился в спальный корпус. Быстрым шагом проскочив пустой коридор, он остановился перед дверью Бьен и постучал резче, чем собирался. Тишина. Двери в храме сбивали из толстых тиковых досок, но, если в комнате кто-то был, Рук обычно и сквозь доски различал теплое свечение тела. Еще раз постучав, Рук отомкнул защелку.

Постель опрятно застелена, лампа не горит.

«Она служительница Эйры, – напомнил себе Рук. – Богиня о ней позаботится».

Заученные слова легко пришли на память, но не изгнали тревоги, а вера, как намавленная, выскальзывала из головы. Эйра куда могущественнее вырастивших его кровожадных созданий. Ее рука достигает во все края света, в самые глубины людских сердец, но вот Бьен-то живет не на краю света. Она живет здесь, в Домбанге, и, если он стал опасен, чем поможет богиня?

Он отбросил эту мысль. Побороться с приступом неверия можно будет потом, когда он разыщет Бьен. Еще предстояло осмотреть весь храм и трапезную. Может, в городе потому все не так, что верховные жрецы запретили выходить в темное время суток? После атаки на Пурпурные бани жрецы имели основания опасаться бунтов и насилия. Нельзя сказать, чтобы эта мысль его утешила.

Обратно в коридор, вниз по лестнице, за дверь. Струи стрелами били в камни двора, расплескивались по мостовой. Он распознал тепло нескольких тел – не красные, а скорее желтоватые пятнышки шмыгавших от двери к двери людей. Не обращая на них внимания, Рук свернул по крытой галерее к храму.

И только распахнув дверь, позволил себе остановиться. Пожалуй, он ожидал застать в нефе толпу перепуганных беженцев, укрывающихся от волнений в городе. Но на деревянных скамьях склоняли головы в молитве лишь сотня с небольшим служителей Эйры. С хоров доносилось пение: низкий и ровный мужской голос, похоже Ма Моа или Чьема, выводил простую мелодию старинного гимна. Под верхними перекрытиями горела лишь половина из двухсот четырнадцати подвешенных светильников. Рук точно знал, сколько их, потому что когда-то ему, едва он выбрался из дельты, было поручено каждый вечер зажигать лампы, пробираясь под сводом с горшком углей и металлическими щипцами. И сейчас он, подняв глаза, высмотрел повисшего на одной руке и подколенке Дьембу, тянущегося к незажженному фитильку.

Рук перевел дыхание.

Парнишка возится со светильниками, как и каждый вечер. Жрецы молятся на обычных местах. Никакой беды не случилось, все спокойно.

Он опустил взгляд от свода в дальний конец нефа, к большой деревянной статуе Эйры – четверорукой, в окружении вырезанных из того же красного дерева волков. Богиня взидала на горстку преклонивших колени верных, но Бьен, если она вообще находилась в храме, искать среди них не стоило. Она никогда не любила это тяжеловесное изваяние.

– Прямо как император, – ворчала она как-то вечером, неодобрительно разглядывая богиню. – Или полководец какой. Вроде дерьмовых памятников, которых натывали в городе аннурцы. Слишком велика. Слишком.

– Она богиня, – возразил, помнится, Рук.

– Это уже не богиня, а памятник зодчества, – покачала она головой.

Бьен предпочитала статуэтку не больше ладони, стоявшую в маленькой нише-часовне сбоку от нефа. Ее отгораживала резная ширма, но Рук и через весь храм видел тепло стоящего на коленях человека. Он широким шагом прошел туда, проскользнул в щель между стеной и ширмой, и вот она – спиной к нему, черные волосы еще не просохли после дождя – склоняет голову, стоя на коленях перед своей богиней и молитвенно сложив руки.

Его окатило облечением.

– Спасибо тебе, Эйра, – выдохнул он, переводя взгляд с любимой женщины на крошечное изваяние в стенной нише.

Это, в отличие от громоздкой статуи, было костяным, пожелтелым от старости; касания ревностных почитателей почти сгладили все черты. Волки и авеша у ног богини почти слились с основанием, зук походил на небольшую шишку на плече. Факел, меч и сосуд с вином в трех руках не слишком отличались друг от друга, а четвертая рука отломилась в локте, и время сгладило острые края. И лицо было гладким: ни глаз, ни рта не угадывалось, и все же Рук на миг ощутил на себе взгляд богини.

– Бьен, – тихо позвал он.

Она не шевельнулась, но неподвижность стала иной: заострилась, показывая, что молитва прервана.

Помедлив, Бьен так же тихо отозвалась:

– Засранец.

– Извини.

– Ты сказал, один день. Только день и, может быть, ночь.

– Я не думал, что их так долго придется искать.

– Ты что, не знаешь, – негодовала она, – что означает не вернуться из дельты в назначенный срок?

– Означает, что там дела еще тревожней, чем мы догадывались.

Бьен его не слушала.

– Это означает гибель!

На последнем слове она ткнула его пальцем в грудь – как точку поставила.

Точнее, попыталась ткнуть.

В тростниках, если не можешь уклониться от выпада, ты отводишь удар или убиваешь, и Руком на долю мгновения завладели старые привычки. Не успев осознать, что делает, он перехватил ее запястье, как шею нападающей змеи.

Захват вышел не таким уж грубым. Боли он причинить не мог, но Бьен вдруг смолкла, уставившись на место соприкосновения. Конечно, он и прежде ее трогал. Сто раз. Тысячу раз. Клал ладонь на шею, притягивая к себе для поцелуя, водил пальцем по скуле, обхватывал ее бедра, пока она драла ему спину ногтями, и даже за запястья держал, прижимая их к подушке над головой так, что из ее приоткрывшихся уст вырывался стон. Но все то было не так. Так он никогда ее не касался.

Рук разжал пальцы.

– Извини, – сказал он, сам не зная, за что извиняется.

Не за хват, вполне безобидный. Нет, он раскаивался в чем-то другом, в чем-то, что сидело в нем, что было вшито в его плоть, когда он еще говорить не выучился.

Впервые попав в храм пятнадцать лет тому назад, он твердил одну молитву, снова и снова повторял тысячу раз на дню: «Прошу тебя, Эйра, не дай мне быть как они!» Эти слова возводили стену между ним и детством, в котором он выслеживал, охотился, убивал, пожирал. «Прошу, богиня...»

С тех пор он много лет прожил в уверенности, что Эйра ответила на его мольбу.

Рук сделал шаг назад.

Бьен, как в танце, подалась за ним, обхватила, прижалась лицом к его мокрой груди.

– Я собиралась взять лодку, искать тебя.

Он прижал ее еще крепче.

– Дай слово, что никогда так не сделаешь!

– Не пойду за тобой?

– В дельту.

– Нет.

Ее волосы пахли благовониями и дождем.

– Не пойдешь за мной?

– Не дам слова.

– В дельте люди гибнут.

– Люди и здесь гибнут, – огрызнулась она. – Бунты все страшней. С каждой ночью после Пурпурных бань.

Рук, насупившись, высвободился из ее объятий.

– По-прежнему утверждают, что напали аннурцы?

– Пленного, кеттрал, убили в то утро, когда ты ушел, – кивнула она.

– А новые атаки были? На суда в канале? На мост?

Перед глазами у него стоял образ кхуана: кожистые крылья, уносящие в высоту оторванных от причалов и мостков горожан.

Она покачала головой, присмотрелась к нему.

– Что ты узнал?

Рук замялся. Уходя из дельты в Домбанг, он захлопнул за собой дверь в детство. Или попытался захлопнуть. Конечно, Бьен знала, что он вырос среди вуо-тонов, но подробностей он никогда не рассказывал и ни слова не говорил о том, что было до вуо-тонов, – о бессловесных годах охоты с Кем Анх и Ханг Локом. Он не говорил, она не спрашивала.

«Она и сейчас не спрашивает», – напомнил он себе.

И все же страшился заговорить о чем-либо из-за пределов города, словно сама речь, как течение в илистой протоке, могла затянуть, унести его отсюда.

– Там... не все ладно.

– Это не ответ, – закатила она глаза.

Рук набрал воздуха в грудь:

– На Вуо-тон напали.

– Аннурцы? – Она округлила глаза.

– Не думаю. Те, кто на них напал... – Перед внутренним взором снова встало быющее, пригвожденное к столбам чудище: щелкающие клыки, крючья на изломе подергивающихся крыльев. – Вуо-тоны назвали их «кхуанами». Похожи на летучих мышей, только в два твоих роста.

Недоверие на лице Бьен боролось с ужасом.

– Люди-нетопыри?

– Не люди.

Он постарался прогнать из памяти нечеловеческие вопли того существа.

Бьен помотала головой:

– Сначала аннурцы, потом вестники, теперь нетопыри.

– Это не нетопыри.

– Ну пусть. Тот, что умер у меня в комнате... Он не лгал. Что-то происходит.

Рук кивнул, попытался составить в уме цельную картину, но не сумел. Последние четыре дня грузом оттягивали все его члены. Он оглянулся через плечо на резную ширму. Какими бы ужасами ни наполнился мир, этот храм оставался мирным – тихой заводью в бушующем море. Рук снова обратился лицом к костяной статуэтке.

«Прости, богиня, что сомневался в твоём могуществе».

Гладкий лик идола не дрогнул. Богиня молчала.

Он недолго выдерживал взгляд невидимых глаз; сдался и со стоном опустился на пол.

– Ты совсем промок, – только теперь спохватилась Бьен. – И мой любимый молитвенный коврик промочил.

– Эйра меня простит, – отозвался откинувшийся навзничь Рук, как в воду, погружаясь в усталость.

– Ты не Эйру бойся... – едко ответила она, но в то же время опустилась на пол рядом с ним, взяла его ладонь, перевернула, оценила вздувшиеся от гребли мозоли. – У меня и похуже бывало, когда помогала мыть посуду после общего праздника. Может, пятнадцать лет назад ты и был свирепым маленьким вуо-тоном, да с тех пор поразмяк.

Рук прикрыл глаза.

– Вот и свидетель так сказал.

– Свидетель? – Ее голос напряженно звенел: желание понять боролось с нежеланием расспрашивать.

– Тоже вуо-тон, – пояснил он. – Не важно.

Бьен помолчала.

Проникавшие за ширму песнопения разбивались слабыми гневными выкриками снаружи, из-за стены – с улицы или с канала. Слов Рук не различал, но в восточном конце Змеино-го вечно кто-нибудь орал. Двести лет назад, в пору строительства храма, этот район Домбанга был торжественным и спокойным. Но с тех пор деньги утекли на запад – туда, где городские отбросы не отравляли воду. Окружавшие храм старые особняки и изящные здания пришли в упадок. Мостиками завладели рыботорговцы и нищие. Террасы превратились в таверны, пьяницы прямо с них мочились в канал. Рука шум обычно не беспокоил. Служитель Эйры должен наскрести в своем сердце хоть толику любви к каждому. Даже к крикунам. Даже к пьяницам.

– Ты же знаешь, – заговорила Бьен. – От меня своего прошлого можешь не скрывать. Чем бы ты раньше ни занимался, кем бы ни был, меня этим не испугаешь.

Он в тысячный раз попытался представить, как скажет ей: «Меня вырастили боги дельты, только они не боги. Они хищники. И нужно им не поклонение, а кровь, борьба и смерть...»

Узнав его историю, Бьен не стала бы меньше его любить. Может статься, полюбила бы еще крепче, как любила всех сломленных, побитых жизнью, но он не хотел видеть отражение своего детства в ее глазах.

– Плохо, что аннурцы вернулись, – заговорил он, свернув на другое. – Плохо для храма.

– Эйра – не аннурская богиня, – возразила Бьен. – Она больше Аннура. Древнее. Она старше всех империй.

– Это не отменяет того факта, что храм построен аннурцами. И что аннурцы выжгли все древние капища Трех.

– Мы ничего не жгли. Жрецы Эйры только помогают людям. Одевают их, кормят, выслушивают. Потому мы и уцелели, когда сносили остальные храмы.

– Что, по-твоему, охотнее сделают люди: вспомнят добро или подкормят ненависть?

Едва Бьен открыла рот для ответа, как вопль за стеной заставил ее умолкнуть.

Вопли разнятся так же, как цвета, свет или мелодии. Рук, еще не подобрав слов для своей мысли, отличал рассерженный птичий крик от охотничьего клича вторгшегося в гнездо хищника и от писка гибнущей в его пасти добычи. И с людьми примерно то же самое. Одно дело – звонкий, легкий визг увлеченной акробатами или жонглерами ребятни; другое – вскрики молодой парочки, любезничавшей в лодке и изображающей ужас, когда лодчонка накренится. Темнее, серьезнее бывали крики боли – сорвавшегося со стропил плотника или рыбака, всадившего крючок глубоко в ладонь. То, что слышалось сейчас, было еще хуже, – темный, красный вопль ужаса совсем рядом, за стеной. Он стал громче, когда распахнулась храмовая дверь в дальнем конце нефа.

Бьен резко обернулась.

– ...Убийцы! – прорыдал почти обезумевший голос. – Все вы убийцы! Он вам ничего не сделал. Никогда вам не угрожал. Луи никому зла не желал.

Имя ударило Рука наподобие костлявого кулака. Из всех жрецов Эйры толстый добряк Луи был самым мягким и самым верным. Он до полудня не вылезал из постели, но потому, что полночи обходил узкие протоки Запруд, раздавая пищу сиротам, вправляя сломанные кости и перевязывая самые глубокие ссадины. Он тридцать лет день за днем бесстрашно расхаживал по самым опасным кварталам, хранимый невидимой рукой богини или сиянием собственной доброты, и вот...

– Вы его убили. Вы его зарезали...

Голос, до неузнаваемости скомканный истерикой, взвился до бессловесного крика и оборвался в тишину.

– Луи... – пробормотала Бьен.

– Не только Луи, – ответил Рук: он и сквозь ширму различал тепло хлынувших в дальний конец нефа тел. – Они пришли за всеми.

Бьен округлила глаза, выдохнула, и взгляд стал суровым.

– Тогда что мы здесь сидим?

Рук не успел возразить – Бьен поднялась, развернулась и скользнула сквозь щель ширмы. Отстав всего на несколько шагов, он шагнул из укромной боковой часовни в кровавую баню.

В храм набилось не меньше полусотни мужчин в юбках-ноках и жилетах – исконных одеяниях Домбанга, – и все с бронзовым оружием: ножами, мечами, серпами и копьями. В свете лампад металл блестел фальшивым золотом. Он был мягче стали, но в храме Эйры не водилось стали грозней поясного ножа. Жрецы и жрицы Эйры, как и ее храм, не готовились к отпору. Отпор несовместим с любовью.

«Откройте свои сердца. Откройте двери!»

Открытость их всех и убьет.

Нападающие рассыпались по храму: переворачивали скамьи, крушили светильники, сбивали подсвечники, рубили клинками тонкую резьбу украшений. Через проход от Рука затаскивали в маленькую нишу часовни молодого жреца – Хоана. Тот слабо отбивался, но из страшной раны у него на лбу бежала кровь, и выглядел он оглушенным. Рубаха осталась на нем, а смятые штаны болтались на щиколотках. Когда жрец споткнулся, один из пришельцев ударил его между ног тупым концом копья. Вопль почти затерялся в общем грохоте.

– Перестаньте! – выкрикнула Бьен.

Она выбежала на середину, в главный проход, раскинула руки. Никто в этом безумии ее и не заметил.

– Оставьте его в покое!

Рук решил было, что она защищает Хоана, потом проследил ее взгляд ко входу в храм, и в животе у него все перевернулось.

В нескольких шагах за широкими дверями стоял у стены большой деревянный короб для пожертвований. Те, кому некогда или неохота было молиться, все же заглядывали иногда в храм – преклоняли колени на полу, бросали пару монет в прорезь огромного сундука и обращали торопливую молитву к нарисованной над ним богине.

К этому сундуку двое прижали спиной старого Уена. Один небрежно держал в руках копье с широким наконечником, другой вбил обух топора чуть не в глотку старому жрецу. Эйра мрачно взидала сверху темными глазами.

Рук, не замечая, что двинулся с места, пересек половину разделявшего их пространства.

– На колени, – рычал тот, с топором, тыча пальцем в пол.

– Что ты творишь, дитя? – покачал головой Уен.

Топор мазнул его по лицу, рассек щеку.

– На колени, аннурец! – зарычал громила и повалил старика, сбив расставленные по краям короба свечи.

Уен беспомощно приподнялся на локте, взглянул на мучителя темными слезящимися глазами.

– Я не аннурец. Мой отец был домбангский рыбак. И дед. Я вырос в этом городе.

Огонь лизнул обрамлявшие картину складки шелка.

– Значит, ты изменник, – передернул плечами Топор.

Другой – тот, что с копьем, – приставил наконечник к животу старика.

– Я люблю этот город, – возразил жрец. – Люблю его народ.

– Ты изменник и поклоняешься идолам.

Уен покачал головой:

– Любовь не идол. – Он сомкнул узловатые пальцы вокруг древка копья – мягко, как взял бы за руку непослушного ребенка. – Она – свет во тьме, она мелодия, нанизывающая ноты.

Но сейчас в храме не звучало мелодий. Ноты вечерних песнопений рассыпались, сменившись грохотом, воплями и жадным, хриплым ревом огня. Занялось в полудесятке мест разом. Рук щеками и загривком чувствовал жар. Мельком отметил, что своды над головой туманятся дымом. Полотно картины над головой Уена уже горело, язычки пламени лизали припавших к ногам богини волков, дотянулись до глодавшей своих детенышей авеши, коснулись ступней застывшей перед лицом насилия Эйры.

До старого жреца и его мучителей Руку осталось всего два-три шага, но он не в силах был их одолеть. Не страх его удерживал. Или, вернее, в нем закипал страх, но не перед вооруженными людьми. Сделай он еще шаг, и копьё с топором перейдут в его руки. Что ни говори свидетель о его рыхлости, он легко завладел бы бронзой и ею же выпотрошил бы одного за другим ее бывших хозяев, вспорол бы каждого от брюха до глотки. Сколько лет прошло, а он слишком явственно помнил чистый, хрустальный восторг убийства. Он точно знал, как это будет: сопротивление, недоверчивый блеск в зрачках убитых, победная ярость в крови – но все это на глазах Уена. Старый добрый Уен, учивший Рука быть человеком, увидит его диким зверем.

– Пустите его! – выкрикнула Бьен, оттолкнув остолбеневшего Рука.

Она была безоружна. Сжатые в кулаки руки повисли. Бьен была не из хрупких женщин, но Рук никогда не видел, чтобы она наносила удар.

Он протянул руку – оттянуть ее назад, но опоздал, промедлил, как будто двигался под водой. Копьё уже нацелилось ей в лицо, когда Топор оглянулся через плечо и улыбнулся широкой щербатой улыбкой.

– Привет. – Он с готовностью протянул руку, словно помогал ей войти в лодку.

– Пустите его, – снова сказала Бьен.

Топор вздернул брови:

– Этого старого козла? Почему бы не отпустить? Такой хилак Трем ни к чему. – Он улыбнулся шире прежнего. – А вот ты станешь прекрасной жертвой. Тебя можно даже причислить к Достойным.

– Хорошо, – ответила она, выпрямившись в полный рост и расправив плечи. – Я буду жертвой. Оставьте Уена и берите меня.

– Тебя взять? Взять тебя... – Копьё хихикнул себе в усы и покосился на приятеля. – Что скажешь? По мне, почему бы и нам не взять ее, прежде чем отдать Троим? Малость крови на лаях им не помешает. Для них это вроде подливы.

Ненависть схватила Рука за горло и потянула вперед. Пламя подгрызало деревянные столбы, глодало скамьи, но этот огонь был холодным в сравнении с горящим у него в жилах. Вопли отдалились, заглохли. Пропала боль в руках и плечах. Он протянул руку к высокому, по грудь, канделябру, не замечая ни сыпавшихся на пол искр, ни раскатившихся под скамьи горящих свечей. Храм уже горит, тут он ничего не поделает. Железо обжигало ладонь. Казалось, так и должно быть.

– Взгляните на себя, – умолял Старик Уен. – Загляните в себя. Вы же не хотите...

Топор небрежно махнул оружием, попав старому жрецу обухом по виску.

– Не надо! – вскрикнул Бьен, но было поздно.

Уен вскинул дрожащую ладонь, но топор уже мелькнул в воздухе и врезался в череп бронзовым острием.

Бьен метнулась вперед, но оживший наконец Рук ухватил ее за одежду и дернул обратно. Она ударила его в скулу – нечаянный, отчаянный удар, которого Рук почти не заметил. Одной рукой он отодвинул женщину себе за спину.

– Беги! – приказал он, заслонив ее от вооруженных людей занесенным канделябром.

Уена он опоздал спасти. И Хоана. Он не мог спасти ни храма, ни людей, но, вероятно, еще успевал спасти Бьен.

– Я тебя люблю, – сказал он и толкнул ее в глубину нефа.

Там меньше было давки. Если повезет, она выберется через боковую дверцу на площадь или к спальному корпусу. Он не рискнул оглянуться, чтобы проследить, в какую сторону она двинулась.

Те двое от неожиданного сопротивления чуть замешкались, переглянулись, и Топор мерзко хихикнул:

– Похоже, хоть один здесь готов подраться.

Копейщик взглянул на него мертвыми глазами и не ответил.

Мужчины молча стали наступать. Острие копья горело в свете пожара, а бронзовый топор был окрашен кровью. Державший его человек ухмылялся так, будто все это смертоубийство было затеяно ему на потеху. Копейщик тоже улыбался, но у того глаза были пустыми дырами.

Рук по короткой дуге взмахнул перед собой канделябром. Ни острых углов, ни выступов, но одной его тяжестью можно было переломать кости или размозжить череп. Сделав полшага вперед, Рук отбил копье.

Над смятым трупом Уена корчилась в огне Эйра. Огонь зачернил ее плечи, сожрал лицо. Некогда было задумываться об осквернении богини.

Копейный выпад. Рук отбил древко, отшагнул от удара топора.

– Дерешься, как аннурская шлюха, – хмыкнул Топор.

Насмешка не удалась, в голос прорвалось удивление – удивление и зарождающийся страх. Отпора он не ожидал – во всяком случае, такого отпора.

Где-то совсем рядом погибали люди. Рук выбросил из головы мысли о них, взвесил на руке свое оружие. Слишком тяжелое. Хорошо, чтобы ломать и дробить, но замедляет движение. Он гадал, успела ли Бьен выбраться из храмовых построек. От дверей ближе всего через двор, через трапезную, а оттуда два десятка ступеней до причала. Сколько прошло времени? Он сбился со счета.

– С другой стороны, – вступил Копье, скрипнув зубами и опасно прощупывая оборону Рука, – он молодой, сильный. Годится в Достойные. Лучше его здесь не найти.

Поймав взгляд Рука, он поднял бровь.

– Что скажешь, изменник? Хочешь послужить настоящим богам?

– Они не боги, – угрюмо ответил Рук. – Они звери.

– Откуда тебе знать, сука аннурская?!

– Знаю, – ответил Рук, поднимая руку так, чтобы съехавший к плечу рукав открыл змеившиеся по предплечью чернильные линии. – Я их видел.

Топор выпучил глаза. А Копье нет.

– Чернила недорого стоят, – равнодушно бросил он.

– Только не эти чернила. – Рук кивнул на свою руку. – Эта рука – за убитого крокодила. А эта – за ягуара.

Он не думал их ни в чем убеждать – в чем можно убедить убийц жрецов и поджигателей храмов? – просто каждое слово выигрывало для Бьен еще один шаг к спасению. У причалов больше десятка лодок. Если она доберется до какой-нибудь...

Мужчины расходились, норовя зайти с двух сторон. Рук отбросил канделябр.

– Сдаешься? – спросил Топор.

– Нет, – мотнул головой Рук. – Обойдусь голыми руками. Так лучше почувствую, как рву вас на куски.

Топор сделал ложный выпад снизу и сразу с силой ударил сверху. Рук, проскользнув под удар, вбил кулак ему в грудь, ощутил, как лопнули под костяшками два ребра. Топор отшатнулся, и тут в просвет между ними втиснулся копейщик, бешено замахнулся. Рук перехватил древко, остановил его на дюйм от своей груди, не дав противнику довести удар до конца. В мертвых глазах Копья впервые что-то дрогнуло – изумление переплавлялось в испуг.

Рук улыбнулся.

Для него это был не бой, и все равно в нем взметнулась радость. Быть сильнее и быстрее правильно...

А потом на него обрушился мир.

Страшная тяжесть – жесткая, горячая, навалилась на плечи, на затылок, подломила колени, вбила его в пол. Он зашарил руками в поисках опоры, нащупал угол скамьи, подтянулся, не удержался и снова ткнулся лицом в гладкий пол. Балка... Подгрызенная огнем балка обрушилась, ударила... На глаза с краев напознала тьма, а в середине стоял вихрь огня и воплей. Он снова попытался выправиться, но храм качался маятником на немыслимой оси, пол уходил из-под ног...

Он понимал опасность, надо было встать, а сознание казалось маленьким и далеким, как война в чужой стране. Тело стало неподъемно-тяжелым. Он попробовал сесть, подтянуть под себя ноги – они не слушались. Потребность спешить вытекала из тела. Он, больше из упрямства, продолжал попытки и сумел наконец перевернуться на колени. Мир – расплывшиеся пятна огня и теней. Свет – как гвозди, вбитые через глаза в мозг. Над ним склонялись две фигуры, люди с оружием – высокие, четкие, похожие на стражей святыни. Казалось, он должен был их помнить, но имена не шли на память. Где он? Почему все горит? Что это у них за спинами за женщина с четырьмя руками и пылающим телом?

– Здесь все разваливается, – буркнул один, с топором в руке.

Он горбился, зажимая себе бок ладонью.

Второй молча кивнул и ткнул Рука в бок острием копья.

– Хочешь его забрать? К Достойным?

Тот, с топором, подумал, сплюнул и мотнул головой.

– Слишком хилый.

Рук готов был расхохотаться. И Бьен так говорила.

Бьен!

Имя прорезало горячий туман у него в мозгу.

Перед ним не боги, даже не ложные боги. Они пришли громить, запугивать и убивать. И все это проделали, а Рук их не остановил. Воспоминание камнем навалилось на грудь. А вот Бьен... – он наконец припомнил – Бьен бежала.

Если она бежала, почему тогда стоит за спинами этих двоих? Рук прищурился, заморгал. Или это горящее изображение Эйры? В глазах мутилось, не разобрать.

– Нет, – проговорил он и затряс головой, усилием воли внушая ей: «Беги!»

Она должна быть уже далеко, на воде, за каналом, в безопасности, на свободе. Только вот в Домбанге не осталось безопасных мест, а она стояла в двух шагах за спинами вооруженных убийц, собиравшихся ее изнасиловать и скормить дельте. Она стояла, освещенная сзади заревом пожара, с блестящим от пота и крови лицом, и мокрые волосы блестели так, словно уж загорелись.

– Нет! – простонал он, силясь подняться.

Рук сумел разогнуть одну ногу, потерял равновесие и повалился на бок.

– Не соображает, когда лучше полежать, – заметил Топор. – Для Арены, может, и сойдет. Свяжем и захватим с собой...

– Некогда, – отмахнулся другой и, шагнув вперед, приставил острие копья к горлу Рука. – В городе полно предателей и еретиков. Для Достойных найдем другого, покрепче жреца любви.

Рук не слушал его, не замечал ни копья, ни державшего его человека. Он смотрел ему за спину, на Бьен. Теперь он ясно видел – Бьен.

– Прошу тебя, Эйра, – взмолился он. – Вели ей бежать!

Эйра не отозвалась, бесстрастно взирала с почерневшего холста.

А Бьен не сводила глаз с Рука.

Она как будто не замечала, что на ней уже загорелась одежда. У него на глазах она подняла руки. Растянула губы в оскале. И зарычала, снова и снова повторяя непонятное ему слово: «Всех! Всех!» Так это звучало, но он не видел смысла в этих звуках.

Лицо Топора недоуменно сморщилось. Он начал оборачиваться, наконец-то заметив, что кто-то стоит за спиной. Слишком поздно.

Бьен сжала правую руку в кулак, и человеческая голова лопнула, как попавший под тележное колесо переспелый плод, – забрызгала ей лицо жижей и осколками, окатила Рука. Тело качнулось и повалилось, из шеи струей полилась кровь. Бьен с криком сжала вторую руку, и череп лопнул у второго врага. Когда Рук наконец сумел подняться на ноги, она еще визжала, дрожа и широко раскинув сжатые в кулаки руки, будто держала в них какую-то драгоценность, которую нипочем не согласилась бы отдать.

14

– Нам надо туда вернуться, – сказала Бьен.

Рук покачал головой и едва сдержал подступившую от движения рвоту.

– Если кто и выжил, их захватила толпа.

– Не за выжившими. За убитыми.

– С мертвыми такое дело, им живые уже не помогут.

Он мало что запомнил из прошедшей ночи: огонь и вопли, кровь, горящая статуя Эйры. Он не помнил, откуда у него жуткий кровоподтек на затылке, откуда дергающая боль в плечах и шее; не помнил, как он бежал из храма, как нашел дорогу в лачугу Ли Рен, но кое-что понимал ясно: они с Бьен спаслись одни. Никого больше не вывели.

Ли Рен развела у самых дверей своей хижины дымящий костерок и помешивала в чугунном котелке варево, пахнущее угрем, солью и сладким тростником. Рук был знаком с женщиной добрых десять лет – с тех пор, как месяц выхаживал ее после перелома бедра. Старуха – она уже тогда была стара – оказалась кладезем басенок и сказок, возможно взятых из головы, но все равно занимательных. Когда перелом у нее сросся, Рук взял привычку навещать ее пять-шесть раз в год. Он не запомнил, как принял решение укрыться у нее, но оно представлялось разумным. Насколько сейчас что-то могло показаться разумным.

– Наши друзья заслуживают большего. Как и наша богиня.

Память Рука опалило пожаром.

– Я видел, как богиня горела.

– По-моему, – Бьен кинула на него острый взгляд, – ты сказал, что все забыл?

В ее голосе чудилась непонятная ему настойчивость.

– Я запомнил ее лицо. И как глаза обращались в пепел.

Бьен не сразу отвела взгляд – словно ждала, что он еще скажет. Не дождавшись продолжения, чуть расслабилась и кивнула.

– Это же просто образ. Эйра – не то, что Трое. Она не живет в идолах. Она в наших чувствах и наших делах. И мое дело – вернуться туда.

Рук зажмурился от пробившегося в щель солнечного луча. Может, это и не опасно? Кроважидная толпа, наверное, разошлась. На пожарище теперь шарят жители восточного берега Змеиногорья, растаскивают все ценное. Им нужно золото, стекло, бронза, а до тех, кто ищет тела, дела нет. Что до зеленых рубашек, у них не хватит людей сторожить все городские развалины. Ну, пережила погром пара жрецов, и что? Едва ли они с Бьен в состоянии возглавить сопротивление.

– Пойдешь со мной? – спросила она, вглядываясь в его лицо.

В голосе звучала боль и та же непривычная настойчивость.

Рук сел, наклонился к ней. От поцелуя закрючила разбитая губа. Он не замечал соленого привкуса, и она тоже.

– Пойду, конечно, – тихо сказал он, оторвавшись наконец от ее губ.

– Но прежде поешьте. – В дверях показалась Ли Рен, строго погрозила им деревянной ложкой. – И обещайте, что вернетесь.

– Спасибо тебе, – сказал Рук, – за все. Вернемся, на эту ночь уж точно.

– Нам больше идти некуда, – кивнула Бьен.

* * *

На тлеющую стену мочился пьяный. Моча шипела и поднималась вверх едким облачком.

– Кончай, – грубее, чем ему бы хотелось, приказал Рук.

Пьяный оглянулся, хмуро сощурил глаза, решая, надо ли слушаться приказа. По правде сказать, приказ немного значил. У Рука еще раскалывалась голова. Четверть мили от хижины Ли Рен он одолел (не без помощи Бьен), но удар, оставивший здоровенную шишку на затылке, основательно подорвал силы. Пьяница, видно, учуял его слабость.

– Отвали, а?

– Я... – заикнулся Рук.

Бьен тронула его за локоть – молчи! И многозначительно показала глазами на улицу, где занятые делами прохожие слишком уж усердно отводили глаза от сожженного храма и стоящих у пожарища людей.

– У нас здесь жили друзья, – сказала Бьен.

– Друзья, – крикнул пьяница. – Ха! Пограбить пришли, только вы припозднились. Ничего не осталось. Растащили.

Ярость упала на Рука жаркой весенней грозой с ясного неба. Захотелось вдруг ударить этого человека, ткнуть мордой в золу, повалить и пинать...

Он закрыл глаза.

«Я служу богине любви. Я жрец Эйры».

Он не чувствовал себя жрецом. И человеком не очень-то. Трудно было стоять на ногах. Трудно было соображать. От резких движений мир шел колесом.

– Кто-то выжил?

Он не сразу понял, что это его слова.

– Ха! – опять крикнул пьяный, затягивая веревочный пояс, и кивнул на развалины. – А ты как думаешь?

От изящного храма осталась груда переломанных балок и битого стекла. Крыша сгорела или провалилась, в небо торчали несколько обугленных колонн. Северная и западная стены устояли, но угрожающе завалились внутрь. Южная и восточная – в руинах: разбитые статуи, искореженные карнизы, бесформенные угли вместо полированных досок. Все пропиталось горелым маслом и жутким сладковатым запахом – так пахнет только человеческая плоть.

Бьен, все это время кусавшая губы, вдруг скрючилась в приступе рвоты. Распрямившись, она утерла губы рукавом и показала.

Он не сразу отличил это от других обломков. Потом разглядел. Когда рушилась стена, захлопнулось одно из изящных высоких окон. Захлопнулось, когда кто-то пытался через него выбраться. Кисть руки – темная кожа обуглилась дочерна, пальцы скрючились, как когти. Голова – волосы опалены, рот так и застыл, разинутый в крике. Нельзя было понять, мужчина это или женщина, убит ударом или сгорел, попавшись в ловушку.

На стене над трупом расселись стервятники дельты. Сидели, вертели головами. Черно-бурые перья в проплешинах свалились, на голых розовых головах настороженно блестят черные глаза. Но клювы... клювы – словно драгоценный инструмент, заботливо отполированный хозяином и готовый к работе.

Рук отвернулся.

– Шел бы ты отсюда, – сказал он пьяному.

– А то?.. – пошатнувшись, с вызовом ответил тот.

– Шел бы ты, – повторил Рук.

Он не повысил голоса, не шевельнулся, но что-то в его взгляде заставило пьяницу моргнуть и попятиться. Скользнув по Руку мутноватыми глазами, он вроде бы задержался на выступающей из-под рукавов татуировке и харкнул в золу.

– Желаю скорой встречи с друзьями!

И он заковылял по улице.

Бьен с Руком постояли еще, молча разглядывая руины. Другие храмовые постройки уцелели. За сгоревшим храмом стояли спальный корпус, трапезная, лазарет – закопченные, но нетронутые. Только на площадке двора никакого движения. И в дверях пусто, и из окон ни звука.

– Надо сжечь тела, – сказала наконец Бьен.

– Крематорий... – Рук бросил взгляд на восток.

– В крематорий их никто не понесет.

Рук медленно кивнул. На улице, в полусотне шагов, были люди. Покосившаяся стена почти скрывала их с Бьен, но при желании всякий мог увидеть. Тут уж ничего не поделаешь. У них здесь дело. Чем скорее они закончат и вернутся к Ли Рен, тем лучше.

– Я буду сносить тела.

– А я разведу огонь из того, что осталось, – кивнула Бьен, указав на россыпь обугленных бревен.

Рук слышал, что в других краях, где земля – это земля, а не наслоения ила, мертвых хоронят в ямах. Такой обычай казался ему отвратительным, низким. В Домбанге мертвых сжигали – богатых на кострах, разведенных во дворе их домов, остальных в огромном крематории Крысиного острова. Тела не превращались в мешки гнилого мяса, а становились огнем, жаром, чистым белым пеплом.

Но только не те, что остались в храме Эйры.

Некоторые сохранились почти целыми – вмятина в черепе, разрез между ребрами, пятно почерневшей крови, распахнутые безжизненные глаза. Такие оказывались самыми тяжелыми, но с ними было и проще. Относя их к погребальному костру, Рук мог представить, что несет живых. Он мысленно извинялся перед ними, прощался, поименно поручал их заботам богини.

Но большая часть трупов обуглилась, съезжилась, распадалась, выеденная огнем. При попытке их поднять отваливались конечности. Глаза у них выкипели. Кожа сползала под рукой, оставляя на пальцах черный сальный налет. Еще вчера эти люди были его семьей, его друзьями. Старик Уен, Хоан, Чи Хи, Ран... сейчас он не мог их узнать. Они вызывали брезгливость, словно никогда и не бывали людьми, и за эту брезгливость Рук ненавидел себя. Ему хотелось нырнуть в канал, отмыться дочиста, но жрецов Эйры не учили соскребать с себя останки любимых людей. И он одного за другим, целиком или кошмарными кусками, относил их к огню, довершая начатое погромщиками.

Закончив, он встал на колени рядом с Бьен, вперился в пылающее пламя. Ей досталось никак не меньше его: свалить в кучу обломки бревен, сложить в костер, достаточно высокий и жаркий, чтобы очистительный огонь сделал свое дело. Лицо у нее было вымазано золой, потом и слезами; на правой руке кровоточила ссадина. И два ногтя на левой она сорвала. Руку хотелось ее обнять, но от него несло бойней, поэтому он только опустил ладонь ей на плечо. Бьен клонила к нему, будто не осталось у нее сил держаться прямо.

– Пора уходить, – заговорил он, выждав. – Здесь опасно.

– Всюду опасно.

Огонь лизал последние трупы. Жар взметывал искры высоко вверх, они мерцали в меркнушем небе и гасли.

– Они могут вернуться.

– Не вернутся, – покачала головой Бьен. – Они своего добились.

Рук крепко зажмурил глаза. На изнанке век вспыхивали видения: молящие о пощаде жрецы, пылающие стены, блестящее в зареве оружие. У него болела голова. Видения не связывались в единое целое. Он помнил, что перед погромом сидел с Бьен в часовенке, помнил, как распахнулась дверь, помнил прижатого к алтарю старого Уена. Остальное терялось в темноте.

– Как мы выбрались?

Бьен отстранилась. Открыв глаза, он встретил ее невыразительный темный взгляд.

– Ты забыл.

– Помню, как кричал, дрался... – Он запнулся. – Кого-то со шрамом, усатого.

Ухмыляющееся лицо явственно встало перед глазами и тут же пропало.

– У меня было оружие? – уточнил Рук.

– Канделябр.

Руки помнили точнее разума – тяжесть раскаленного металла, обожженные ладони.

– Я отбился одним канделябром?

Бьен замаялась, отвела взгляд и кивнула:

– Да. Ты нас спас.

Что-то здесь было не так, но он не мог вспомнить что.

– Это не все, – медленно проговорил он.

Он кого-то бросил? От этой мысли ему стало тошно. Он, как видно, бросил всех. Всех, кроме Бьен.

– Нет, – сказала она. – Ты от них отбился. Спас меня.

Молчание походило на вбитый между ними клин. В висках у Рука бился пульс. Ноги подгибались. Прямо перед ним огонь догрызал кости.

– Почему не спас остальных?

– Ты пытался. – В ее глазах стояли слезы. – Их было слишком много.

– Ты о чем-то умалчиваешь.

Сколько лет он ее знал, ни разу Бьен ему не солгала – или он ни разу не ловил ее на лжи. И ни разу не слышал, чтобы она солгала другому. Значит, она защищает его – что-то он сделал или, скорее, чего-то не сделал. Мысли так и метались.

– Я должен знать.

Он снова закрыл глаза, но воспоминания явились не те, а давние.

Кем Анх учит его вгонять напряженный палец в глаз крокодилу – вгонять поглубже, доставая до мозга. Ханг Лок показывает, как взять за горло раненого ягуара – вот так, давить и давить, пока его загорелые, скользкие от ила пальцы не утонут в горячей шерсти, пока обесилевший зверь не замрет.

Что, если он от этого так и не избавился? Что, если в решающий миг забыл все уроки Эйры, сорвался в прежнее необузданное зверство?

Он встретил взгляд Бьен.

– Что бы ни было. Что бы я ни натворил. Я должен знать.

– Мы бежали, – выдохнула она протяжно, прерывисто.

Рук не знал, хочет ли верить ее словам. Бегство – путь труса, но лучше трус, чем убийца.

Он долго вглядывался в лицо Бьен, силясь прочесть мысли в ее глазах, и наконец устало кивнул. Все сходилось. В храме были десятки людей – людей с оружием. Сражаясь, он бы погиб, и детский опыт бы не спас. Наверняка сбежал. Вот потому-то он сейчас здесь, подкидывает бревна в огонь, а остальные по кускам остались на пожарище.

– Ты меня спас. – Бьен тронула его за плечо. – Ты сдерживал тех двоих, пока я не убежала.

«Тех двоих...»

Рук уставил взгляд в самый жар костра и смотрел, пока не стало жечь глаза. Еще чуть-чуть, и он поймает воспоминание: двое с оружием в руках ухмыляются, подсвеченные сзади пожаром...

– Они убили Уена...

– Не думай об этом, – тонким, будто придушенным голосом попросила Бьен.

– Они убили Уена. Я взялся за канделябр, и тут меня чем-то ударило...

Он поднял руку к затылку, надавил на здоровенную, как яйцо, шишку, впустил в себя боль и отпустил. Облегчение прояснило мысли. Он смотрел в шипящие, мечущиеся языки огня.

– Надо идти, – позвала Бьен.

– погоди, я сейчас вспомню...

– Надо идти.

Это уже была мольба. Он впервые слышал, как она умоляет.

Толстое бревно в погребальном костре переломилось, подтесанное жаром, обрушилось в туче искр... и он увидел: головы врагов взрываются кровавой жижей, валяются тела. Бьен стоит за ними, сжимая кулаки, с лицом, застывшим как маска.

От такого видения ноги подкашиваются.

– Ты лич, – проговорил он, поворачиваясь к ней. – Помилуй, добрая Эйра, ты лич...

Слезы размывали сажу на ее лице. Бьен потянулась к нему – он невольно отгородился. Она вздрогнула и уронила руку.

– Извини, – сказал он, шагнув к ней.

Бьен бессловесно замотала головой и отступила, пряча глаза.

– Ты знала? – глухо спросил он. – До этой ночи?

Она кивнула.

– Давно?

– Я не нарочно, – прошептала она. – Я никогда не прибегала к силе.

– И все-таки – давно?

Она смотрела в огонь, будто ответ пылал в костре.

– С восьми лет.

Бьен осела наземь, словно ей ноги подрубили. Тихим облачком взметнулся пепел, покрыл сединой ее черные волосы, сразу превратив в старуху.

Рук медленно сел с ней рядом.

– Все хорошо, – беспомощно, глупо проговорил он.

– Ничего тут нет хорошего, – мотнула она головой.

– Ты сама сказала: никогда этой силой не пользовалась.

– Вчера воспользовалась.

– Ты спасала людей. Меня спасала.

– Все равно. – Она снова покачала головой. – «Личи – это извращение. Ядовитые, противоестественные...»

– К чему вспоминать аннурские законы? Здесь уже не империя.

– Не только по аннурским законам, – уныло возразила она. – Сам знаешь. «Жги их, бей их, схорони их всех, потому что каждый живой лич есть оскорбление красоты и отваги Трех».

Он задумался: сколько часов она провела, перечитывая законы? Сколько раз окуналась в проклятия, высказанные поэтами, государственными деятелями, драматургами? Ему представилось, как она, бессонная в спящем храме, перебирает старинные тома, заучивая наизусть полные ненависти слова.

– «Любовь не надо заслуживать», – напомнил он. – «Любовь не знает пределов и условий. Она всеобъемлюща, или она не любовь. Любящий не считает заслуг и вины...»

– В четвертой заповеди, Рук, – оборвала она его всхлипом, – ни слова не сказано о личах. О личах ни одна заповедь не говорит.

– Думаешь, я без заповедей не могу тебя любить?

Он придвинулся к ней. Хуже всего, что она осталась прежней. Глаза покраснели от слез и дыма, лицо, перемазанное золой и пеплом, осунулось от изнеможения, и все равно он видел в ней ту женщину, которую так часто обнимал раньше. Она взглянула ему в лицо.

– Что ты со мной сделаешь?

Спросила тихо, но вопрос звенел, как свежееоткованный нож.

Рук смотрел на нее и не находил ответа.

– Личей мы убиваем. Топим или сжигаем, чтобы они не испортили нашего мира, не успели никому навредить. – Она вздернула подбородок, подставив горло. – Лучше ты, чем кто другой.

Она дрожала, как в горячке. На шее вздулась жилка, дыхание срывалось.

Ему было больно – хуже, чем от побоев и ран, словно внутри лопнуло что-то, без чего нельзя жить. Хотелось ее обнять, утешить, уверить, что все будет хорошо, только это была бы ложь. Мир разваливался, и ее вопрос «Что ты со мной сделаешь?» перерезал последнюю связующую его нить. Кем же она его считает, если думает, что он способен обратиться против нее, причинить ей зло?

Рук долго сидел, отупев, как заколотый бык, уже бескровный и безжизненный, но еще не умеющий упасть.

– Ничего я с тобой не сделаю, – выговорил он наконец.

И потянулся к ней, обнял за плечи. Она, вздрогнув, замерла – и отодвинулась. Всего на пару дюймов, но показалась вдруг такой далекой, недостижимой.

– Как же тогда? – тихо спросила она.

Рук покачал головой, попытался представить завтрашний день, послезавтрашний... На костре догорали тела. В руинах за стеной скребся ветер. Эйра жила не в храмах, ее домом были сердца человеческие, но в своем сердце он находил лишь гнев и сомнение, страдание и пепел.

– Будем жить, – сказал он.

– Как?

– Не знаю. – Он с болью разогнул ноги, протянул руку ей, помог подняться. – Но здесь оставаться нельзя.

Когда они вышли из храма, день перевалил к вечеру. Полдня за переноской трупов не вылечили Руку больную голову и не укрепили подгибающихся ног, а смрад обгорелой плоти в горле вызывал тошноту. В глазах еще мутилось, воспоминания путались, но одно он видел снова и снова: лопаются головы, а за спинами обезглавленных стоит стиснувшая кулаки Бьен, и лицо ее залито кровью.

– Ты как? – спросил он, погладив ее по спине, словно эта мимолетная ласка помогла бы ей осилить предстоящие четверть мили пути.

Бьен покосилась на него. Больше не плакала, но на лице застыла и готова была разлететься вдребезги маска отваги.

– Не знаю.

– Ты была права, – сказал он. – Хорошо, что мы вернулись в храм.

– Права? – Она покачала головой. – Я хотела показать людям силу любви, а что они увидели? Как двое чумазных оборванцев швыряют тела в огонь.

– У любви миллион облиций.

– В том числе обезглавливание?

Он остановился, поймал ее за плечи, вытащил из людского потока в тень широкого навеса.

– Я... – она только раз взглянула на него и стала смотреть мимо, – видела твое лицо, когда ты вспомнил.

– Это ничего не значит.

– Я лич.

Тихо прошипела, а улица так шумела, и все же стоило кому-то подслушать...

Рук затащил ее в узкий переулок, на ходу припоминая, куда он выводит. Ни один человек не задержался рядом. Носильщики гнули спины под ношей. Рыбаки тащили полные улова плетеные корзины. На краю людского потока, как всегда, околачивались без дела старики. Казалось бы, бойня в храме должна оставить в мире глубокий след, но, конечно же, не оставила. Люди то и дело умирают. Трагедия всегда разворачивается не здесь.

– Я лич, – почти беззвучно повторила Бьен.

– Не говори так, – буркнул Рук.

Она пожала плечами, разглядывая свои руки в засохшей крови, грязи и золе.

– Это же правда.

– Не вся правда. – Он взял ее за плечи. – Еще ты жрица, друг, ученая, моя любимая.

– Мой храм сгорел вместе с моими друзьями. Моя ученость никому не помогла, а мой любовник... – она подняла на него глаза, – смотрит на меня как на чужую. Как на чудовище.

Рук вдруг понял: он не знает, что делать со своим лицом. Любое выражение выглядело бы фальшивым. На миг он позавидовал безликости той костяной статуэтки Эйры. Где-то она сейчас? Наверное, развалилась в пожаре.

– Ты не чудовище, – покачал он головой.

Слова оставили на языке тухлый привкус.

Бьен снова пожала плечами.

– Ты воспользовалась силой впервые за... за сколько? – вбивал он в нее слова.

– За шестнадцать лет, – тяжело уронила Бьен.

– Шестнадцать лет. Вот тебе доказательство. Мы сами выбираем, кем быть.

– Раньше и я так думала.

– Это правда.

– Не вся правда, – грустно улыбнулась она.

На один удар сердца он снова стал голым, растерянным мальчишкой на песчаном берегу протоки, и теплая сильная рука Кем Анх легла ему на грудь. Он сызнава ощутил в своем сердце двух змей – тоску по детству и отвращение к нему.

Бьен, на миг забыв о своем горе, бросила на него острый взгляд. Он ни разу не заговаривал с ней об этом.

У стены лежала старая рыбацкая верша. Рук кивнул на нее, и оба сели на плетенку.

– Я родился в том здании, что сгорело ночью.

– А дельта... – удивилась она.

– Свидетель, вождь вуо-тонов, забрал меня, когда мне исполнился год.

– Зачем?

Он глубоко вздохнул и устало выдохнул. Сказанного не воротишь.

– Трое существуют, – тихо признался он.

Бьен готова была возразить, но он остановил ее движением руки.

– Только теперь их осталось двое – Ханг Лок и Кем Анх.

– А Синн?

– Его убили мои родители.

Вот и началась история его жизни.

Стоило заговорить, и стало на удивление легко, будто этот рассказ всегда жил в нем, как в клетке, и рвался на волю. Как протока сливается с протокой, так история гибели Синна привела к воспитанию Рука богами дельты, к его бунту против них, к жизни у вуо-тонов, к решению вовсе покинуть камышовые и тростниковые заросли и вернуться к месту, где родился. Он открыл ей все – все, кроме причины, заставившей его отказаться от богов дельты.

Заканчивая, он ждал от себя сожаления о такой откровенности. Он столько лет таил кровавую тайну. И должен был поплатиться за то, что не утаил. Рук удивился, обнаружив в себе облегчение, и изобразил на лице что-то похожее на улыбку.

– Это чтобы ты не воображала, будто у тебя одной есть страшные тайны.

Бьен с непроницаемым лицом рассматривала его.

– Ты... – Она покачала головой, тронула ладонью его грудь – не отталкивая, а как бы проверяя, не мерещится ли. – Ты воспитан Тремя?

– Двумя, – напомнил он.

У нее отвисла челюсть.

– Ты, должно быть, изломан еще страшнее меня.

Смех сам хлынул из него. Ни ночная бойня, ни мрачный труд этого дня не могли его удержать. Столько лет спустя он наконец открылся перед Бьен, а она никуда не делась, сидит вот рядом с ним. На лице, правда, ужас, но под ужасом что-то еще, что-то похожее на... надежду?

– Мы все изломаны, Бьен. – Он обхватил ее за плечи, притянул к себе. – Не будь мы изломаны, кому понадобилась бы любовь богини?

– Конечно. – Она примостила голову ему на плечо. – Верно. Но мы с тобой... мы изломаны совсем на особый манер.

Они долго сидели в молчании, каждый по-своему упиваясь невесомостью правды. А потом словно туча закрыла солнце – Рук вспомнил о неизбежном.

– Нам нельзя оставаться в Домбанге.

Бьен напряглась.

– Мы об этом уже говорили, – отозвалась она, помедлив. – Во время восстания.

– Сейчас хуже, чем тогда.

– Нет, так же, – покачала она головой. – Те же убийства, те же ужасы. Просто раньше это не касалось нас непосредственно.

– Теперь коснулось.

Страшная правда этих слов тяжело и мрачно легла между ними.

– Мир велик, – помолчав, сказал Рук. – Найдем себе место.

Бьен обвела взглядом скаты крыш, словно видела лежащий за ними город.

– Покинуть Домбанг, – наконец ответила она, – значит покинуть людей Домбанга.

– Тех, кто убил Луи, Старика Уена и Хоана? – вскинул бровь Рук.

– Хотя бы и их, – отозвалась Бьен, скрипнув зубами.

– Разве заповеди требуют таких крайностей?

– Требуют. «Любите ранящих вас. Исправляйте насмехающихся над вами. Исцеляйте обижающих вас...»

– А если этот город уже неизлечим?

Бьен пошарила в складках платья, достала статуэтку. Значит, не досталась она пожару.

– Авеш... – она тронула пальцем затертую фигурку у ног богини, – мерзкие создания. Они пожирают детенышей из своего выводка, пока уцелевшие не вырастут и не порвут их самих.

Бьен покачала головой, разглядывая пожелтевшую статуэтку, и добавила:

– И все же мы видим их на каждом образе Эйры, на статуях и картинах, и вспоминаем, что любовь простирается даже на самых отвратительных созданий этого мира. На них особенно.

– Авеш – миф.

Бьен взглянула ему в глаза:

– Еще вчера я думала, что Трое – миф.

– Они чудовища. Они для забавы терзают мужчин и женщин. – Рук оглянулся на руины храма. – И их последователи не лучше.

– Наше дело – помочь им стать лучше.

– Мертвые, мы никому не поможем.

– Можно уйти в подполье. Тайно продолжать служение.

Он покачал головой:

– Куда – в подполье?

– Не знаю. Почитатели Трех же нашли куда? Двести лет таились от выжигавших их святыни аннурцев.

– И мы, продолжая тайное служение, станем платить десятину верховным жрецам, оплачивать налогами содержание зеленых рубашек, с поддельными улыбками расхаживать по рынку, раскланиваясь с людьми, которые славят Трех... С каких пор мы стали их сообщниками?

– Людям нужен выбор, Рук! То, что здесь творится, – это как болезнь. Трое гнусные... – Она осеклась, словно кто-то сорвал с языка незаконченную фразу. – Прости.

– Не извиняйся. Я с тобой согласен. Потому и ушел.

– Но они были для тебя семьей.

Рук опустил взгляд на свои почерневшие ладони. Двойной прокол от зубов хозяйки танцев еще просвечивал сквозь слой грязи.

Бьен взяла его кисть в свои, пожала.

Он силился вообразить страны вдали от Домбанга – мили твердой земли, сотни миль, тысячи; столько суши, что и за месяцы не дойдешь до края. Большое искушение – поверить, что, сбегав на дальний край света, они наконец спасутся. Искушение и глупость. Рук и сквозь угольный слой на коже видел пылающий в его теле жар. Кем Анх и Ханг Лок сделали его тем, кто он есть, а от себя не убежишь. Оставалось одно: день и ночь смотреть в глаза затаившемуся в нем зверю, выдерживать его взгляд, пока зверь не отведет глаз.

– Вуо-тоны, – сказал он наконец, подняв глаза на Бьен.

– Что – вуо-тоны?

– Надо уходить к ним.

Она округлила глаза, но не возразила, а нерешительно кивнула:

– Этот вал ненависти рано или поздно спадет. Город успокоится, и можно будет вернуться. А мы могли бы принести им учение Эйры...

– Вуо-тонам нет дела до учения Эйры, – поморщился Рук. – Вообще-то, тебе там и рта раскрыть не дадут.

– Потому что я женщина...

Он запнулся, не сразу поняв.

– Нет. Потому что ты слаба. – Рук покачал головой, подыскивая точное слово. – Потому что сочтут тебя слабой. У вуо-тонов право голоса надо заслужить.

– Чем?

– Убийством.

Она вздрогнула, взгляд ее стал далеким.

– Тогда я буду молчать.

Рук хотел ответить, но не стал. Вопрос, говорить или молчать, бледнеет перед вопросом, жить или умереть.

– Так ты согласна?

Он ужаснулся, представив Бьен в дельте, но оставаться в городе было еще хуже.

– Я не вижу выбора, – равнодушно ответила она.

Рук медленно, вглядываясь в ее лицо, кивнул. И понял, что готовился к спору.

– Пойдем. – Чтобы подняться на ноги, понадобились все остатки сил. – Нам надо поесть.

Она тоже встала. Он взял ее за руку. Впервые, сколько он ее знал, Бьен позволила себя вести.

* * *

Ли Рен вскинула голову им навстречу. Она сидела на потертом табурете, помешивая в чугунном котелке большой деревянной ложкой. Улыбка смяла ее лицо сотней морщинок и открыла редкие зубы.

– Как раз к ужину.

– Верно, – кивнул Рук. – Спасибо тебе.

– Стыдно-то как! – пробормотала старуха, опуская взгляд в дымящееся варево. – Стыдно.

«Стыдно». Что-то в этом слове, будто застрявшем у нее между зубов, заставило Рука остановиться. Поздно. Из лачуги посыпались вооруженные люди – двое, четверо, десятеро, – все с копьями или арбалетами.

– Эти, – сказала Ли Рен, не глядя ткнув ложкой в Рука и Бьен.

С ложки капало.

Рук развернулся, схватил Бьен за плечо. Десяток шагов по улице, и они нырнут в переулок, рванут...

– Побег равен смерти. – Голос лезвием рассек его мысли. – Никан не из метких стрелков, но с такого расстояния не промахнется.

В голосе звучала спокойная усмешка.

Бьен не ответила, не шевельнулась, не подняла рук – стояла, склонив голову.

Рук повернулся к врагам лицом.

Стрелки смотрели на него через прицел, пальцы на спусковом крючке, а копейщики набегали, обходя их с боков, окружая. Тот, кто заговорил первым, стоял посередине – невысокий молодой человек с наголо обритой головой. Он не потрудился извлечь висевший на поясе меч, да и нужды в том не было.

– Я Гао Джи, начальник шестнадцатого, беру вас под арест.

– К чему это, начальник? Мы не нарушали никаких законов, – примирительно ответил Рук.

– Не нарушали законов? – Джи вздернул брови. – Не проповедовали аннурской ереси на улицах Домбанга?

– Любовь не ересь, – прошипела Бьен.

– Любовь – это хорошо, – хмыкнул военный. – Любовь – это прекрасно. Кто же против любви?

Он, будто в поисках ответа, обвел глазами дорожную колею, но улица в считанные мгновения опустела, прохожие скрылись в переулках или попрятались в домах. В окне второго этажа блеснули любопытные глаза, и тут же ставень захлопнулся.

– Беда в том, что речь не о любви, а о вашей ложной богине. – Джи покачал головой. – Нет богов, кроме Трех. Все прочие – просто идолы, натканные аннурцами, чтобы нас ослабить.

– Вы не правы, – возразил Рук.

Джи поджал губы:

– В чем же это я не прав?

– Не правы относительно Эйры и Трех, – ответил Рук, – и в том, что преследуете нас, а не тех мерзавцев, что сожгли храм и убили наших друзей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.